

Ахмет Ведзигев

ГАПУР- ТЕЗКА ГЕРОЯ

Издательство
„Детская
литература“

Цена 38 коп.

Ахмет Везирижев

ГАПУР- ТЕЗКА ГЕРОЯ

ПОВЕСТЬ

Перевел
с английского
М. Галодный

Издательство
«Детская литература»
Москва - 1968

...Такое не часто увидишь! Чучело в драном женском платье, в чалме из мешка вдруг тихонько засмеялось и двинулось на знахарку Жовхар.

Ясно, без Гапура здесь не обошлось. Это он стал живым чучелом и проучил знахарку...

Автор повести «Гапур — тезка героя» — известный ингушский писатель Ахмет Веджижев.

До недавнего времени А. Веджижев писал только для взрослых. «Гапур — тезка героя» — первая его книга для детей. Первая, но не последняя. Писатель задумал новую книгу, в которой юный читатель вновь встретится с шаловливым и не очень удачливым, но быстро взрослеющим Гапуром — школьником из аула Сунжа-Юрт.

Повесть «Гапур — тезка героя» — это не только забавные приключения Гапура, это не только рассказ о всех его удачах и неудачах, это еще и серьезный разговор о смысле жизни, о преемственности поколений, о воспитании характера.

Рисунки В. ЧАПЛЯ

САЛАМ АЛЕЙКУМ, ЭТО Я!

Давайте познакомимся! Меня зовут Гапур. А вас как? Понятно. Сколько же вам лет? Двенадцать? Вот здорово — и мне двенадцать! Ну если по-честному, то до двенадцати я чуть-чуть не дотянул — всего один месяц остался. Только ведь не станешь говорить: «Мне — одиннадцать лет, десять месяцев и двадцать семь дней». Длинно очень. Проще сказать: «Двенадцать».

Живу я в ингушском ауле Сунжа-Юрт. А назвали его так вот почему. «Юрт» по-ингушски — «селение». «Сунжа» — большая река, что протекает рядом. Конечно, первый человек, поселившийся здесь — а было это тысячу или две тысячи лет назад, — в один миг нашел подходящее название. От «Ломан-Юрта»¹ он сразу отказался. И понятно, ведь

---

¹ Л о м а н - Ю р т (инг.) — селение в горах.

свой дом он поставил не в горах. «Сунжа-Юрт» — это как раз то, что надо!» — решил он. И с тех пор наш аул зовется Сунжа-Юртом.

Может, вы когда-нибудь соберетесь ко мне в гости? Тогда надо рассказать, как меня найти. Вот только одного я не знаю: где вы живете. Ну, допустим, в Москве. Очень хорошо. Идите прямо на вокзал и покупайте билет до Грозного.

Поезд в Грозный несется как ветер, но все равно ему нужно больше тридцати часов, чтобы добраться до места назначения.

И вот вы уже на Северном Кавказе, в столице Чечено-Ингушетии, в городе Грозном. Теперь надо сесть на автобус, который ходит в Орджоникидзе. Постарайтесь устроиться у окошка, чтобы все было видно: бескрайние поля пшеницы, на которую так щедра наша земля, белопенные потоки самой быстрой и шумной ингушской реки Ассы, шеренги высоких, стройных тополей, что выстроились по сторонам, словно джигиты перед лезгинкой, и далекие горы, повитые голубым туманом...

Интересно? То-то! Мне тоже было интересно, когда я первый раз ездил по этой дороге... Но особенно не увлекайтесь: позади остались Алды; проскочили Алхъан-Юрт; проехали Серноводскую и Карабулак — скоро и мой аул!

Автобус спешит дальше.

Еще недавно Сунжа, не исчезая ни на секунду, блестящей и искрящейся тенью сопровождала шоссе. А вот ее уже нет. Пропала. Будто в пропасть сорвалась. Куда девалась река? Не спешите, сейчас узнаете. Автобус чуточку тормозит, потому что шофер заметил на обочине высокую стойку с жирным восклицательным знаком: «Внимание! Впереди крутой поворот!»

Так и есть. Мы поворачиваем, и тогда видно, какой хитрый скачок в сторону пришлось сделать Сунже, чтобы обойти каменистый откос. Напротив откоса, через реку, два холма. Они похожи на пышные подушки, что украшают ба-

бушкину кровать. Между холмами — серая ленточка грейдерной дороги. Это уже наша дорога, она ведет прямо в Сунжа-Юрт...

Сейчас пробирайтесь поближе к выходу. Видите, слева, у самого устья грейдерки большая доска с надписью «Сунжа-Юрт», а справа — столб с табличкой «Остановка по требованию»? Самое время теперь высказать водителю свое требование: «Остановите, пожалуйста, машину. Я хочу сойти».

Скрипит автобус колесами, останавливается. Потом уходит дальше, в Орджоникидзе, махнув вам на прощание синим платочком дыма...

Ну, а отсюда до нашего аула рукой подать! Грейдерная дорога задирает голову вверх, потом скользит вниз и, выгибаясь плавной дугой, зовет вас к реке...

Вот он — наш аул! Как он красив издали! Сотни белоснежных домиков неприхотливо раскинулись на волнистом берегу — кажется, кто-то бросил в луговую долину большую охапку яблоневых цветов...

В ауле меня все знают. Скорее всего, потому, что мой дядя работает в колхозе главным бухгалтером. Вы только спросите: «Где мне найти Гапура?», и вам немедленно укажут мой дом.

Он тоже беленький — бабушка чуть ли не каждый месяц белит его известкой. Но все-таки отличается от других. Чем? Во-первых, на всех остальных домах крыша из серой черепицы, а на нашем — из красной. Такую черепицу достал дядя. Он выбрал ее потому, что она дешевле серой, а в прочности ей нисколько не уступает. Во-вторых, неподалеку от нашего палисадника высится огромный дуб. Я иногда думаю: кто его посадил? Уж не тот ли человек, который нашел для аула нынешнее имя — Сунжа-Юрт? У комля дуб до того широк, что шесть мальчишек, взявшись за руки, с трудом обхватывают толстенный ствол. Если поставить к дубу высокую лестницу, можно заглянуть в дупло; издали дуб кажется нартом-великаном, и его дупло — точь-в-точь раскрытая великанья пасть...

Есть у нашего дома и третья примета. Честно скажу, не хотел я сначала о ней говорить. А почему — сейчас поймете. У нас на воротах написано по-ингушски: «Це модж». Это значит: «Краснобородый». Так ребята меня дразнят.

Кто меня не знает, может подумать: «У Гапура — красная борода». Ничего подобного! Нет у меня бороды — ни красной, ни черной! Да и откуда ей быть, если мне только двенадцать лет и я кончаю пятый класс?

А во всем виноват мой далекий предок. Не знаю, как его звали, но носил он рыжую бороду. И вот, чтобы отличить его от других людей с таким же именем, ему дали прозвище «Це модж». Тогда это было не обидное прозвище, а очень нужное....

Ясно, прозвище это прицепилось к нашему роду как колючка. У сыновей моего предка и у сыновей его сыновей бороды были черные, но их по-прежнему, всех без разбора, звали «Це модж».

Даже женщин в нашем роду звали «Це модж» — «Краснобородая». У бабушки моей, например, на подбородке и щеках нет ни одной волосинки. Но если кто-то обидится на нее, обязательно вспомнит, что она «Це модж». Ну, разве это не глупо?

И все-таки с этим прозвищем жить можно. В ауле гораздо хуже есть. Вот, например, Амирхана, который учится в шестом «А», зовут «Бясса яй» — «Пустой котел». Почему вдруг «Пустой котел»? Потому, что кто-то из мужчин в Амирхановом роду отличался скупостью. Когда бы ни пришли к нему гости, они всякий раз уходили без угощения. Так и родилось прозвище «Бясса яй», которое переходит по наследству от отца к сыну и сейчас досталось Амирхану...

Или вот раньше рядом со мной сидела Зара — теперь она впереди сидит. Так эту Зару зовут еще «Дахчан вёрда». По-русски это означает «Деревянная арба».

Когда-то таким прозвищем оценили большой труд и смекалку прапрадедушки Зары. Прапрадедушка был вроде изоб-

ретателя: он первый в Сунжа-Юрте построил колесную арбу.

А что получается сейчас? Зара очень любит болтать. Язык ее не знает усталости. «Тра-та-та, тра-та-та», — трещит она без умолку. Вот уж правда: будто деревянная арба тащит по камням! Как же не назвать Зару «Дахчан ворда»?!

Но если старое Зарино прозвище звучит и сегодня, то «Бясса яй», прилипшее к Амирхану, и «Це модж», ставшее моим двойником, никакого смысла не имеют. Это-то меня и раздражает больше всего!

Я догадываюсь, кто написал «Це модж» на наших воротах. Исапйл, которого я в прошлом году поборол двадцать раз подряд и который совсем недавно порвал мне учебник. И где этот Исапйл нашел такую прочную краску? Я стирал-стирал надпись — не стер. Мама стирала-стирала — не стерла. И бабушка, уж на что умелая, ничего с ней поделать не могла...

Впрочем, может быть, это даже хорошо, что надпись Исапила осталась. Вдруг вы не обратите внимания на цвет нашей крыши? Вдруг подойдете к дому не с той стороны, где находится вековой дуб? Вот тогда и выручит вас надпись. Увидите надпись «Це модж» и сразу догадаетесь: здесь живет Гапур!

Правда, в каникулы дома мне не усидеть. Если не застанете меня дома — значит, я на Сунже. Если не найдете меня на Сунже — значит, я в лесу. Если моего голоса в лесу не слышно — значит, я играю в футбол на поле за школой. Если на футбольной площадке никого — значит, я побежал на молочнотоварную ферму, где моя мама дояркой работает. Если я не верчусь на ферме — ищите меня около тракториста Хола́ка или около объездчика Ина́ла. Но если уж вы не увидите меня около Холака и Инала, тогда без всяких разговоров отправляйтесь к моему другу Сулейма́ну! Там мы с вами и встретимся!..

Ну что, договорились? Приедете? Приезжайте — вам в Сунжа-Юрте понравится!

РАЗГОВОР С ГАМИДОМ БАШИРОВИЧЕМ

До каникул осталось всего четыре дня. Последние уроки тянулись так медленно, словно решили нарочно подразнить нас. Думать об учебе было уже невозможно. Я открывал арифметику, а видел быстрые воды Сунжи: какое это счастье — с размаху кинуться в реку, вынырнуть и, преодолевая крутое течение, плыть все вперед и вперед! Я устремлял взгляд на контурную карту, пытаюсь отыскать кружочек, обозначающий город Грозный, а перед моими глазами выстраивались картины будущего: веселые походы в лес и жаркие схватки на футбольном поле. Даже интересные рассказы Гамид Башировича — он у нас классный руководитель и преподает географию — я слушал теперь вполуха.

Чтобы время шло быстрее, я стал рисовать. Это моя всегдашняя привычка. Только рисовал я сейчас не трактор и не самолеты — для таких рисунков нужны спокойные руки и спокойное сердце, — а человечков. Я загадал: как нарисую двадцать человечков — так и урок кончится.

Сегодня предпоследним уроком была география. Я нарисовал двадцать человечков, потом еще пять — тут-то и прозвенел звонок.

«Ура! — крикнул у меня кто-то внутри, и радостное эхо прокатилось по всему телу. — Ура! Еще один урок прошел!»

Гамид Баширович захлопнул журнал. Я было уже приготовился вскочить и дернуть за косичку Зару, которая сидит впереди меня. Но тут учитель остановил на мне свой взгляд и произнес:

— Гапур...

«Сними карту», — мысленно продолжил я за него и в ту же секунду пулей кинулся к доске. Раз — и я изо всех сил подпрыгнул. Два — и я сорвал металлическое колечко, обнимавшее гвоздик. Три — и я уже свертывал карту валиком...

— Подожди, Гапур, — неожиданно сказал Гамид Баширович. — Я позвал тебя не за этим...

Не за этим? А за чем же тогда? Я растерялся...

На переменах у нас шумно. И сейчас, едва прозвенел звонок, кто-то принялся открывать скрипучее окно, кто-то запел ингушскую песенку. Но достаточно было Гамиду Башировичу сказать свои слова, как все притихли. Или это мне только показалось? Не знаю, может быть. Во всяком случае, я заметил, как Зара повернулась в нашу сторону и с любопытством взглянула сначала на учителя, а потом на меня. И еще я обратил внимание на своего старинного врага — Исрапила. Только что он собирался выскочить в коридор. Теперь ему было не до этого. Стал у двери, вытянул шею, прислушивается к тому, что скажет мне Гамид Баширович.

Наверное, Гамид Баширович тоже заметил это. Продолжать разговор в классе он не хотел.

— Отнеси карту в учительскую, Гапур. Я сейчас приду... Он сказал это обычным голосом.

Зара разочарованно отвернулась. Исрапил юркнул в дверь. Я кончил сворачивать карту и, не оглядываясь на Гамида Башировича, пошел в учительскую.

Вообще это дело дежурного — принести и отнести учебные пособия, вытереть доску и сбегать за мелом. Но на географии дежурный в счет не идет — каждый готов стать помощником у Гамида Башировича. И я — в первую очередь.

Мне всегда приятно сделать что-нибудь для него. Не думайте, подлизываться я не собирался! Я метеором несясь в учительскую за картой, я вытирал классную доску с такой быстротой, словно у меня было не две руки, а десять, мне каждый раз удавалось выпросить у школьного завхоза несколько лишних кусочков мела — и все это потому, что я любил нашего учителя.

Его нельзя не любить.

Вот вы скажите: есть у вас знакомый, который может одной правой поднять две гири по два пуда? А Гамид Баширович может! Я сам это раз видел...

Или еще скажите: встречались вы с человеком, который

был практикантом на немагнитном судне «Вега» и объехал на нем весь свет, даже Гавайские острова видел?

Ясно, не встречались! Потому что этот человек — Гамид Баширович!

Как же его не любить и не уважать?!

Я долго боролся с ребятами, чтобы вне очереди помогать Гамиду Башировичу. От дежурства на географии отказывались без охоты. И سراпил, например, уперся — чуть драки у нас не вышло. С Зарой я поладил, отдав ей шариковую авторучку. И все равно у меня ничего бы не получилось, если б Гамид Баширович сам не заметил, как ловко снимаю я карту, как быстро вытираю доску и сколько мела приношу из кладовки завхоза.

Он это заметил и как-то раз при всем классе похвалил меня. С тех пор ребята не спорили, когда я на уроках географии самовольно назначал себя дежурным...

«Что же случилось? — думал я, шагая в учительскую. — Почему Гамид Баширович отказывается от моей помощи?»

Честно говоря, за мной числились кое-какие грехи. Но все они не имели никакого отношения к школе.

Я нарочно шел медленно. Мне хотелось оттянуть разговор с Гамидом Башировичем. Я каждой порой своей чувствовал: говорить придется о чем-то неприятном. Но о чем?

Около учительской я остановился. И только взялся за ручку двери, как сзади послышался голос Гамида Башировича:

— Гапур, подожди!

— Сейчас, карту положу.

— Ничего, я сам положу. — И учитель взял у меня карту. — Ты знаешь, о чем я хотел поговорить с тобой?

— Нет.

— Ну-ка, подумай.

— Да я уже думал... Я ничего плохого не делал... Только хорошее...

Гамид Баширович с интересом взглянул на меня.

— Тогда расскажи мне, что хорошего ты сделал за последнее время...

— На уроки не опаздываю! — выпалил я.

— Так. А еще?

— С Ибрапилом не дрался!

— Действительно, немало хорошего, — сказал Гамид Баширович. Но сказал он это таким голосом, будто мои успехи ровно ничего не значили. — Ах, Гапур, Гапур... — Учитель потрепал меня за плечо. — Если так дальше пойдет, ты начнешь ставить себе в заслугу, что ходишь на ногах, а не на руках, что ешь ложкой, а не пальцами, что носишь брюки и рубашку, а не шкуры...

Я не понял, что он хотел сказать, но на всякий случай сделал обиженное лицо и опустил голову.

— Тебе хочется побыстрее вырасти и стать настоящим мужчиной? — спросил вдруг Гамид Баширович.

— Хочется! — чистосердечно признался я.

— Так расти, становись! — твердо сказал учитель.

Обиженное выражение в один миг соскочило с моего лица.

— А разве можно? — спросил я с неподдельным интересом. Мне показалось, что Гамид Баширович знает какое-то средство, с помощью которого очень быстро вырастешь и станешь настоящим мужчиной. Или таблетки есть такие?

— Можно, — сказал учитель. — И зависит это во многом от тебя... Не понимаешь?

Я вздохнул:

— Не понимаю...

Честное слово, я действительно не понимал Гамида Башировича! Впервые в жизни не понимал. Почему он не хочет признать мои заслуги? Разве не опаздывать на уроки — это легко? Разве так просто сдержаться и не треснуть Ибрапила, когда он кричит на весь класс: «Це модж»? А насчет роста — не буду же я тянуть себя за макушку?

— Ах, Гапур, Гапур, — снова повторил Гамид Баширович, — ты живешь легко, как птица... Твой знаменитый тезка — Гапур Ахриев — жил иначе. Знаешь, ему было всего восемь лет, когда он впервые взялся за чабанскую ярлыгу

и погнал овец на пастбище! Он не чурался никакой работы: был с лошадьми в ночном, встречал коров и отводил их на баз, во время сенокоса носил косарям воду в тяжелых медных кувшинах...

— Вы хотите, чтобы я бросил школу и стал пастухом? — угрюмо спросил я.

— Нет, не хочу. — Гамид Баширович неожиданно улыбнулся, и я вдруг снова увидел перед собой того доброго и красивого человека, которого любил и которым восхищался. — Учись. Только серьезнее учись. С мыслью, что впереди тебя ждет большая и трудная работа. А сейчас ты живешь бездумно. Ты похож на щепочку: несет ее своевольный поток, а куда — неизвестно. Все у тебя получается «вдруг». Захотелось поиграть в футбол — стремглав за мячом. Захотелось дернуть Зару за косичку — дернул...

У меня уже были готовы слова, что Зару я за косички давно не дергал, но Гамид Баширович погрозил мне пальцем: помолчи, мол.

— Я не против шалостей, без них нельзя, — продолжал учитель. — Ты думаешь, в детстве я не дергал девочек за косы?

— А что, дергали? — изумился я.

— Дергал, — признался Гамид Баширович. — Еще как! Но уже в детстве я понял смысл известной русской пословицы: «Делу — время, потехе — час». Пора и тебе, Гапур, браться за ум. Не жди, пока годы сделают тебя мужчиной, — старайся уже сегодня быть им!

Я немножко подумал и сказал:

— Буду стараться, Гамид Баширович...

— Ладно, не стану больше задерживать тебя. Беги. — Учитель вздохнул. — Хотел поговорить с тобой об одном, а вышло — о другом... Расстроил ты меня своими тройками. В годовом табеле — две тройки! Стыдно! Вот с какими скверными отметками кончаешь ты пятый класс...

— Да исправлю я их! — поспешил заверить я учителя.

— Когда же?

— Завтра! — бездумно сказал я.

Гамид Баширович покачал головой.

— Завтра,— повторил он.— Разве мужчина дает обещание, если не может выполнить его? Вот об этом я тебе и говорил: прощайся с детством, начинай спрашивать с себя за каждое словечко, за каждый поступок! А сейчас тебе все просто, все легко... Один мудрец сказал: «Резвый конь плети не ждет». Слышал такое? Кто ленился год, тому не наверстать все в один день. Ах, Гапур...

Я молчал, не перебивал учителя. Что я мог ответить? Действительно, в годовом табеле у меня две тройки — по русскому и по рисованию. Действительно, я люблю футбол и готов все ради него отдать. А насчет Зары тоже правда — за то время, что мы вместе учимся, я ей, наверно, половину волос выдрал.

— Кстати, чем ты занимался на сегодняшнем уроке? — спросил Гамид Баширович.

Я чуть было не признался, что рисовал человечков. Но потом подумал, что это может обидеть учителя, и сказал:

— Писал.

— Что же ты писал?

— Мысли разные...

Гамид Баширович снова улыбнулся, только не всем лицом, а одними глазами.

— Интересно было бы почитать эти мысли,— сказал он и, кивнув мне на прощание, скрылся в учительской.

«ПРИНЯТО ЕДИНОГЛАСНО!»

«Амбарную книгу», в которой я все это пишу, принес мне дядя Абу.

Дядя работает в правлении колхоза главным бухгалтером. Он брат мамы, и поскольку папа у меня умер, считается в нашем доме главным.

А раз он главный — его надо слушаться!

За три дня до начала каникул дядя пришел к нам, чтобы серьезно поговорить со мной. Мама как раз была дома. Дядя показал ей взглядом, чтобы она оставила нас одних, и мама, нисколько не обидевшись, вышла.

— Ну, кянк¹, слушай меня внимательно, — заговорил дядя, насупив брови и сделав серьезное лицо. — Тебе недаром дали имя Гапур — ты должен стать большим человеком. А пускать это дело на самотек никак нельзя! Нужно уже сейчас рассчитать все по крайней мере на десять лет вперед... Улавливаешь мою мысль?

— Не улавливаю, — признался я.

Одной рукой дядя раздраженно потянул себя за ус, а другой — сделал в воздухе такое движение, будто крутил арифмометр. Он обычно делает это движение, когда его возмущает чья-нибудь непонятливость.

— Ой, — воскликнул дядя, — и чему вас только в школе учат! — Он наклонился ко мне: — Прежде всего надо подобрать хорошую, уважаемую профессию... У тебя есть что-нибудь на примете?

Я начал:

— Бабушка говорит, что мне нужно стать судьей...

— Это мне известно, — сказал дядя Абу. — Но я спрашиваю тебя, а не бабушку...

— Я хочу быть трактористом! — вырвалось у меня.

— Трактористом? — Дядя пожевал губами. — Тут есть свои плюсы. — Он задумался. Голос его понизился. Казалось, он спорит сам с собой. — Натуроплата? Это хорошо... Премии за экономию горючего? Тоже неплохо... С другой стороны — есть серьезные минусы...

Видно, минусов было больше, потому что дядя вдруг решительно хлопнул ладонью по столу:

— Нет!

— Значит, нельзя мне стать трактористом? — спросил я.

---

¹ К я н к (инг.) — мальчик.

— Если б тебя звали Ахмёт, или Джамалдин, или даже Магомёт, ты мог бы стать кем угодно, хоть пастухом. — Дядя поднял вверх большой палец и погрозил мне: — Но тебя зовут Гапур! И имя это ты получил в честь славного революционера, председателя ингушского ревкома Гапура Ахриева! Твой знаменитый тезка дружил с Серго Орджоникидзе и Сергеем Мироновичем Кировым! — Дядя многозначительно посмотрел на меня и вдруг осуждающе качнул головой. — А с кем хочет дружить мой племянник? С трактористом Холáком, который еле-еле выполняет норму?..

Слова дяди показались мне убедительными. Не думайте, я так быстро не собирался отказываться от намерения стать трактористом. Но сейчас, когда дядя Абу вспомнил о Гапуре Ахриеве, я вдруг почувствовал в себе гордость, которая звала меня к большим и славным делам. В конце концов, почему бы мне не стать летчиком?

Да, наверное, я поспешил с выбором. Нужно искать для себя профессию, достойную имени Гапура.

— По первому вопросу все ясно, — сказал дядя. — Дополнений нет?

— Нет.

— Тогда приступим к голосованию. Кто за то, чтобы подобрать моему племяннику Гапуру самую достойную профессию? — Дядя поднял руку и взглядом пригласил присоединиться к нему. — А ты?

Я тоже поднял руку.

— Принято единогласно, — улыбаясь от удовольствия, сказал дядя. — Теперь второй вопрос... Слушай меня внимательно, кянк! Твое будущее начинается сегодня. Значит, уже сейчас ты должен наметить план своих действий и оценивать каждый свой шаг с точки зрения практической...

Тут я вспомнил слова, сказанные мне Гамидом Башировичем: «Прощайся с детством, начинай спрашивать с себя за каждое словечко, за каждый поступок...» Кажется, так говорил учитель. Вот удивительно, дядя будто подслушал его!..

— Улавливаешь мою мысль? — спросил между тем дядя Абу.

— Не совсем, — с тоской в голосе сказал я.

— Сейчас я все тебе объясню, — заговорил он, волнуясь и забыв на этот раз крутануть рукой воображаемый арифмометр. — Дай мне клочок бумаги...

Я вырвал лист из альбома для рисования и подал дяде. Он пощупал бумагу и досадливо поцокал языком.

— Видишь, какой ты непрактичный! Мне нужен клочок бумаги, а ты вырываешь целый лист из альбома... Сколько стоит альбом?

— Не помню. Там сзади написано. Я сейчас погляжу...

— Не надо, — остановил меня дядя. — Я знаю: тридцать девять копеек в новом исчислении. А сколько листов в альбоме?

— Посчитать? — встрепнулся я.

— Не надо, — снова остановил меня дядя. — Там сорок листов. В среднем выходит: лист — копейка, или, в старом исчислении, — десять копеек! И что же получается?

— Плохо получается, — попробовал угадать я.

— Правильно! — Взгляд у дяди Абу смягчился. — Отрицательный баланс получается! Лишний расход! Улавливаешь мою мысль?

«А все-таки дядя Абу жадина», — подумал я и сказал:

— Улавливаю.

— Сейчас я исчеркаю этот лист, и его придется выбросить, — продолжал дядя. — Разве это практично? Не спешить делать выводы: дядя Абу никогда не был скупым! Ну-ка, скажи, кянк, кто привез вам новую черепицу? Кто помог купить корову? Кто достал для тебя в Грозном эту красивую школьную форму? — Дядя ткнул жестким пальцем меня в грудь, а потом ударил себя в грудь. — Я! Но пойми меня правильно, кянк, я не о копейке болею — аллах с ней, с этой копеечкой! Мне хочется, чтобы ты с малолетства обрел практичность, стал расчетливым. А для этого нужна такая же выдержка и такая же дисциплинированность, какие были

у твоего прославленного тезки Гапура Ахриева! — Дядя помедлил. — Мы знаем: социализм — это учет. Ты тоже должен заняться учетом.

— А что учитывать?

— Что? Скажи мне, что ты сегодня делал? — ответил дядя вопросом на вопрос.

— В школе был. Потом на Сунжу бегал вместе с Сулейманом. Потом...

— Подожди, подожди, — заговорил дядя. — Смотри на мой рисунок...

Он придвинул к себе альбомный лист, вытащил из внутреннего кармана авторучку и быстро нарисовал какую-то штуковину, похожую и на заборчик, и на письменный стол со многими тумбами.

Вот как это выглядело:

Потом дядя обозначил каждое отделение. И вот что получилось:

Число, месяц, год	Номер по по- рядку	Операция	Приход	Расход	Примечание

— Так, — сказал дядя, любуясь своим рисунком. — Теперь сделаем разность... Вчера было двадцатое. Месяц пятый — май... Год — тысяча девятьсот шестьдесят шестой. С одной графой все... Номер по порядку — первый... Далее. Сначала ты был в школе? Хорошо. В графе «Операция» запишем: учеба. Что у нас в «Приходе»? — Дядя взглянул на меня, ожидая ответа.

— Ничего, — сказал я.

— Как это — ничего? — выпрямился дядя. — Знания!

— Ах, знания...

Наконец-то я уловил дядину мысль и тут же постарался показать ему это:

— Дядя Абу, в графе «Расход» надо записать сто семьдесят минут, правильно?

— Совершенно верно! — воскликнул дядя. — Только это не все. Перемены у вас были? Их тоже надо считать!

— А то время, что я в школу иду? — вспомнил я.

Дядя великодушно махнул рукой: что, мол, обращать внимание на мелочи!

— Ладно, — сказал я. — Тогда надо еще записать, что Исрапил залил мне тетрадь чернилами...

— Это можно, — согласился дядя. — А если нажать на этого Исрапила, чтобы он возместил стоимость тетради?

— Я его жал-жал, а он не возмещает...

Дядя вздохнул, переживая не то за меня, не то за новую запись в графе «Расход».

— Теперь дальше, — заторопился я. — Номер третий. В графе «Операция» пишем: бегал на Сунжу...

— А зачем бегал? — поинтересовался дядя.

— Просто так!

— Сплошной расход, и никакого прихода! — в отчаянии вскричал дядя.

— А еще ел чапилгаши¹ у Сулеймановой матери, — вспомнил я.

---

¹ Ч а п и л г а ш (инг.) — круглый слоеный пирог с картофельной начинкой. Иногда к нему подается подсоленный творог.

Дядя задумчиво почесал подбородок.

— Это, пожалуй, приход... А расход?

— Расхода не было! — воскликнул я.

— Нет, нет, — спохватился дядя. — О пище говорить нечего...

Вскоре мы заполнили весь лист. И вот что вышло:

Число, месяц, год	Номер по порядку	Операция	Приход	Расход	Примечание
20.V 1966	1	Учеба.	Знания.	180 минут и еще 20 минут на перемены.	
	2	Нападение Исрапила.	—	Кляксы на тетради.	Исрапил отказался возместить стоимость тетради.
	3	Посещение Сунжи.	—	60 минут. Ушиб большого пальца на правой ноге.	

— Видишь, весь сегодняшний день как на ладони, — сказал дядя. — Подведем итоги. В «Приходе» у тебя «знания». Это хорошо, но мало... А сколько напрасных потерь? Испорченная тетрадка! Час безделья! Ушиб ноги! Теперь скажи сам: если жить так, как живешь ты, если заканчивать каждый свой день отрицательным балансом, — разве можно стать большим человеком? — Дядя покачал головой. — Нельзя! Ты должен свести непроизводительные затраты к минимуму. Ты должен идти к намеченной цели решительно и непреклонно.

Он встал. Я тоже поспешил соскочить со стула.

— Завтра я принесу тебе «Амбарную книгу», — сказал дядя. — Будешь ежедневно вести записи по прилагаемому

образцу. А насчет выбора профессии для тебя — этот вопрос надо всесторонне обдумать... Посоветуемся с товарищами. — Дядя дернул свой ус, наказывая себя за ошибку. — То есть с бабушкой и мамой... Ну, кянк, берись за дело!

Похлопав меня по плечу, дядя вышел. Я последил за ним в окно. Он шагал, как на параде, — спокойно, уверенно, почти не сгибая ног. Ну прямо восклицательный знак, а не человек!

После ухода дяди я долго сидел за столом и думал. Что это на меня все ополчились? Гамиду Башировичу не нравится, как я живу. И дяде Абу не нравится. А бабушка — та последнее время совсем меня затюкала...

«Плохо», — вздохнул я.

Я даже с завистью подумал о тех, кто носит имя Ахмет и Джамалдин, к ним-то, наверное, меньше придираются!

ЗАКОЛДОВАННЫЕ ЧАПИЛГАШИ

На следующий день дядя Абу принес мне толстую «Амбарную книгу». Пользуясь его наставлениями, я разбил первый лист на шесть колонок и за несколько минут заполнил все графы.

Ну, как я жил в этот день?

Кажется, не лучше, чем раньше. Приобретений было мало. Зато непроизводительные затраты спускались колбасой до самого конца страницы. Вот так так!

Но, хуже того, я вдруг почувствовал смертельную скуку, когда расписывал свою жизнь по графам. Короткие и сухие заметки не могли охватить все, что я делал и видел, все, что передумал. Может, плюнуть на эти графы? Нельзя, дядя обидится...

Я задумался, теребя вихры. Мне вспомнился недавний разговор с Гамидом Башировичем и то, как он спросил, чем я занимался на географии. Я ведь соврал ему. Ничего инте-

ресного я в тетрадь не записывал, а просто рисовал человечков. Вот будет беда, если Гамид Баширович попросит меня показать записи!

И тут меня осенило: я могу угодить сразу обоим — и дяде Абу, и учителю! Это сделать проще простого. Разобью «Амбарную книгу» на две части — впереди будут графы с «Приходом» и «Расходом», а сзади — интересные мысли для Гамида Башировича. Здорово я придумал!

Когда с графами было покончено, я определил на глазок середину «Амбарной книги» и, мысленно представляя себе доброе и красивое лицо Гамида Башировича, принялся заполнять вторую часть рассказами о себе. Объяснил, как меня найти, если кто-нибудь захочет побывать в Сунжа-Юрте. Описал разговор с учителем и дядей Абу. А напоследок вспомнил о заколдованном чапилгаше Сулеймановой мамы...

Но тут я уже вперед забежал!

Хотите верьте, хотите нет, но мой друг Сулейман живет без прозвища. Видно, в роду у него не было ни краснородого, ни скупого, ни изобретателя. Так и зовут Сулеймана — Сулейман. Просто и хорошо.

Но если раньше род Сулеймана не имел знаменитостей, то сейчас мама и папа Сулеймана — люди в ауле очень даже известные. Папа — киномеханик в клубе, и Сулейман может смотреть все картины бесплатно хоть сто раз. А это что-нибудь да значит! Мама у Сулеймана работает уборщицей в правлении колхоза. Но главное не то, что она раньше всех узнает колхозные новости, а какие она чапилгаши делает!

Вы знаете, что такое чапилгаш? Круглый пирог с картошкой. К нему еще подается творог. Нет, нет, не слушайте меня! Тоже нашел слова — «пирог с картошкой», «творог»! Этак вы и не захотите попробовать чапилгаш. А попробовать стоит! Еще как стоит!

Я бы хотел рассказать про чапилгаш так, чтобы у вас слюнки потекли и в животе засосало. Только я так не умею. Нет у меня для этого нужных слов. Скажу, как могу: чапилгаш — это сплошная поджаренная корочка, наполовину из

муки, наполовину из картошки. А кто не любит поджаренную корочку? Таких не найдешь!

Я много раз видел, как делают чапилгаши мама и бабушка. Стряпают они хорошо. Но их чапилгаши не идут даже в сравнение с теми, какие делает мама Сулеймана.

Я всегда думал: почему у тети Напсат чапилгаши особенные? А однажды присмотрелся, как она их готовит, и все понял. Они у нее заколдованные!

Случилось как-то, что я не застал Сулеймана дома. Тетя Напсат была занята, но отпустить меня не захотела.

— Посиди, посиди, — сказала она с доброй улыбкой. — Сейчас я тебе чапилгаш дам...

И я остался.

Тетя Напсат готовила чапилгаши, а я думал о своем. Потом услышал какое-то шелестящее слово и быстро поднял голову. Тетя Напсат держала на весу кастрюлю с тестом и что-то шептала. Мне удалось разобрать: «ошлò».

«Ошлò»? Что это такое?

Играя в альчики, мы всегда «заговариваем» битку. У каждого мальчишки для этого свои слова есть. Может, «ошлò» — такое же заколдованное слово? Во всяком случае, в ингушском языке такого слова нет. И в русском тоже. Точно, тетя Напсат его специально придумала, чтобы делать свои замечательные чапилгаши!

Я смотрел на маму Сулеймана как замороженный!

А тетя Напсат продолжала готовить. Она нарезала лук и сыпала его на сковородку. Потом, когда он поджарился, сняла сковородку с огня и понесла ее к свету, стала смотреть, что получилось. Видно, ей что-то не понравилось — она покачала головой. И тут же, пытаясь исправить неведомую мне оплошность, произнесла второе заколдованное слово: «Ишком».

Вам известно, что такое «ишком»? На каком это языке? На чапилгашском?

Была у меня мысль, сказать маме и бабушке о тайных словах тети Напсат. Но потом я решил ничего им не говорить. Дело в том, что такие слова помогают не всем и не всегда.

Если «ошло» и «ишком» годятся для тети Напсат, это совсем не значит, что они придутся впору маме и бабушке.

Ведь чужую битку тоже не заговоришь!

Короче, маме и бабушке я ничего не сказал. Как и прежде, я часто захаживал к Сулейману и, конечно, с большой охотой ел необыкновенные чапилгаши, приготовленные тетей Напсат с помощью чудодейственных слов «ошло» и «ишком»...

Только не подумайте, что у Сулеймана я бываю из-за чапилгашей.

Совсем нет! Тетя Напсат могла бы и не делать чапилгаши — я к Сулейману все равно бы ходил. Потому что у нас дружба!

Мы начали дружить с первого класса. Правда, и до школы я видел Сулеймана на улице, иногда даже играл с ним в альчики или в кулла¹, и, помнится, однажды он вез меня на себе по всей улице. Но уличные встречи и игры не сделали нас друзьями. Мы сошлись по-настоящему только в школе. А получилось это потому, что я и Сулейман — оба сразу невзлюбили хитрого и зловредного Исрапила. Потом еще Сулейман провел меня в клуб, и мы три раза подряд смотрели фильм про Махмуда Эсамбаева — «Я буду танцевать», и как с первого класса мы начали ходить друг к другу, так ходим и сейчас.

Тетя Напсат встречает меня приветливо. Она готова все мне отдать, — я из-за этого иной раз даже неудобно себя чувствую.

Но удобно или неудобно, а по горским законам пренебрегать угощением хозяев — значит обидеть их. И я маму Сулеймана не обижаю: когда она предлагает мне сесть к столу и отведать свежие чапилгаши, я только из приличия говорю: «Баркал², я сыт», а потом все-таки берусь за еду.

Сегодня я тоже побывал у Сулеймана. Придя из школы,

---

¹ Ку́лла (инг.) — игра, сходная с русским «чижиком»; проигравший возит выигравшего на спине.

² Ба́ркал (инг.) — спасибо, благодарю.

я вспомнил, что дал ему свой красный ластик и забыл взять. Так что повод для посещения друга у меня был...

— Сулейман! — закричал я еще издали. — Ва, Сулейман! Су-у-лей-ма-ан!

На пороге Сулейманова дома появилась тетя Напсат. Она была в фартуке и держала в руке кухонный нож — наверно, только сейчас отошла от очага.

— Что кричишь, Гапур? — остановила она меня. — Нет Сулеймана. В магазин пошел. Посиди, он сейчас будет.

Я вошел в комнату и устроился на стуле, любезно придвинутым мне тетей Напсат.

— Здорова ли Хагóz? — спросила она.

— Здорова, — ответил я.

Так зовут мою бабушку — Хагоз. Тетя Напсат очень дружит с ней, хотя и моложе ее лет на тридцать. Видятся они десять раз на день. Но если даже тетя Напсат рассталась с моей бабушкой минуту назад, она все равно спрашивает: «Здорова ли Хагóz?», словно не видела ее целый год.

В молодости бабушка никогда не болела. Так она говорит. А сейчас болеет. То в спине у нее прострел, то ноги ломит. А недавно был сердечный приступ. Но ложится бабушка в кровать только тогда, когда терпеть боль уже невозможно.

А так она с рассвета до заката на ногах. Бегает, крутится, тысячу дел делает. Вот сейчас она была около ларма — это такой погреб во дворе, где с осени до осени хранятся разные овощи — капуста, чеснок, редька, тыква, — а теперь уже в хлеву; только-только вошла она в хлев, а через секунду голос ее слышится на огороде; после огорода бабушка спешит на кухню, с кухни — на веранду, с веранды — в сад, из сада — снова на кухню...

Как-то Гамид Баширович рассказывал про ракеты и полеты в космос. После этого я втайне стал звать бабушку «реактивной».

Она действительно реактивная. Все успевает. Наше боль-

шое хозяйство — сад и огород, корова, по кличке Малейк¹, телка, овцы и куры, — все только потому и существует, что есть бабушка. А ведь ей уже на седьмой десяток перевалило...

Я думал об этом, а тетя Напсат стряпала. Потом она обернулась ко мне:

— А что делает Хагоз?

Вот спросила так спросила — что она делает? Все! Я глубоко вздохнул, решив полностью осветить бабушкину деятельность:

— Утром ходила за водой. Два ведра принесла. Потом выгнала на пастбище Малейк и телку, коз и овец. Потом дала корм курам. Потом затопила печь и стала готовить завтрак...

— А что делал ты? — спросила тетя Напсат.

— Собрал учебники, какие в школе нужны, и ждал, пока бабушка даст поесть, — простодушно ответил я.

Мне и в голову не пришло, что тетя Напсат приготовила мне ловушку. А ведь приготовила, и я попал в нее, как глупый зайчишка!

— Видишь, что получается, — заговорила тетя Напсат, — бабушка с ног валится от усталости, а ты не хочешь пальцем шевельнуть, чтобы помочь ей по хозяйству... Разве тебе трудно сходить за водой? Разве ты сам не можешь слазить в ларма за овощами?

— Да я еще спал, когда она за водой ходила!

— И очень плохо, — сказала тетя Напсат. — Встал бы пораньше и сходил бы за водой...

Честно говоря, я уже не спал, когда бабушка отправилась к колонке. Однако предложить ей свою помощь я не решился.

Ведро воды — не бог весть какая тяжесть. Хвалиться не буду, но я еще год назад поднимал полное ведро двумя пальцами. А раз даже мизинцем поднял, только потом этот ми-

---

¹ Малейк (инг.) — ангел.

зинец стал синий и целую неделю не сгибался. В общем, принести пару ведер с колонки — это не работа, так, чепуха. Меня другое беспокоило. Издавна повелось у горцев: за водой ходит женщина. Правда, обычаю этому сто лет в обед, и про него многие забыли. Но среди мальчишек нашего аула он почему-то живет. И если Исрапил, например, увидит меня с ведрами в руках, он так просто мимо не пройдет, обязательно начнет вопить: «Гапур бабой стал!» А каково это слушать?

— Лежебока ты, Гапур, — сказала тетя Напсат.

Я не ответил. Что правда, то правда, я действительно мало помогаю бабушке. Два дня назад слазил по ее просьбе в ларма за тыквой. А еще что? Ага, на прошлой неделе сам, без бабушкиных указаний, прогнал кур с огорода. Кажется, все...

Однако я нашел для себя оправдание.

Я учусь, а бабушка не учится. Мне задают целую кучу домашних заданий и ставят двойку, если я их не выполняю. А с бабушки работы никто не требует. Ну, зачем ей каждый день мыть пол на веранде? Если б она не притронулась к тряпке неделю, и тогда бы ее не упрекнули. Так что у бабушки свои заботы, а у меня свои. В конце концов, не прошу же я помощи у бабушки, когда мне достается трудная задача по арифметике!

Я так думал, но рта не раскрывал. Скажешь что-нибудь — тетя Напсат сразу передаст это бабушке, а бабушке моей лучше на язык не попадаться!

Между тем тетя Напсат продолжала увещевать меня:

— Ты должен слушаться бабушку... Ведь ей жилось нелегко — мужа она похоронила, сына похоронила... Ты думаешь, ради чего она так много трудится? Ради того, чтобы единственный ее внук жил в холе и довольстве...

Тетя Напсат поставила на стол большое блюдо с чапигашами.

— Ты слушаешь меня? — спросила она. — Или то, что я говорю, влетает в одно ухо и вылетает из другого?

Я проглотил слюну, которая набежала в рот при виде чапилгашей, и, сколько мог серьезно, сказал:

— Влетает, но не вылетает... Честное слово, тетя Напсат, я учту ваши критические замечания и приложу все силы для исправления отмеченных недостатков!

Мама Сулеймана невольно улыбнулась.

— Кто выучил тебя этим словам? Твой дядя Абу?

— Ага.

Тетя Напсат усмехнулась. Мне эта усмешка не понравилась. Я поспешил спросить:

— А что?

— Ничего, — сказала она. — Но есть люди, которые слишком легко их произносят... Ладно, ешь, а я пойду погляжу, где ходит этот негодник Сулейман.

Она вышла. Я понял: она нарочно оставила меня одного, чтобы я не стеснялся и ел сколько душе угодно.

Не успел я взять первый чапилгаш, как появился Сулейман. Кивнув мне, он тоже присел к столу.

— Закусим? — спросил у меня Сулейман и, не ожидая ответа, запихнул себе в рот половину чапилгаша.

Я испытывал сильное желание последовать примеру друга. Мне еле удалось сдержать свои челюсти, которые все норовили перейти на третью скорость. Я доедал первый чапилгаш, а Сулейман уже доканчивал второй. Когда я съел второй, мой друг справился с четвертым, — вот у кого реактивные челюсти, так это у Сулеймана!

После второго чапилгаша я вытер руки полотенцем, предусмотрительно приготовленным тетей Напсат, и отвернулся от стола. Нет, больше до еды не дотронусь, а то еще прослывешь обжорой!

А Сулейман все жевал. Он худущий, живот у него кукурузным кочаном прикроешь, а вмещается в этот живот так много, будто он резиновый и растягивается.

Мне до смерти хотелось съесть еще один чапилгаш. Ну, скажите честно, разве можно назвать обжорой того, кто съел три чапилгаша? Десять — другое дело!

Я быстро уговорил себя, что за третий чапилгаш меня никто не осудит. Но как ни быстро пришло это решение, а челюсти Сулеймана работали еще быстрее. Когда я взглянул на блюдо, там остался один-единственный, самый последний чапилгаш.

Брать последний чапилгаш было неудобно. Разрезать его? Это выход!

«Торопись, Гапур!» — подстегнул я себя и, схватив нож, с ловкостью опытного хасапхо¹ разрезал чапилгаш пополам.

Я жадно ел свою половину, когда на кухню вошла тетя Напсат. Она заметила пустое блюдо и удовлетворенно вздохнула.

— Молодцы! — воскликнула она. — Все съели...

— Все, все, — подтвердил Сулейман каким-то царапающим голосом и вдруг, засмеявшись, похлопал меня по животу. — Все, все...

Я растерялся. Кусок застрял у меня в горле, и я закашлялся.

— Не торопись, — сказал Сулейман, будто он не ел ни крошки и торчал за столом только ради меня. — Не торопись, Гапур. — Он подвинул ко мне свою половинку чапилгаша. — Видишь, у тебя в запасе еще есть... А маму не стесняйся...

Тетя Напсат, наверное, не поняла тайного смысла Сулеймановых слов. Она тут же подхватила:

— А чего ему стесняться? Гапур нам не чужой. Пусть ест на здоровье. Ведь бабушка у него так занята в саду и огороде, что ей порой и к очагу не добраться. И мама с зари до заката на работе...

Потом я уразумел: говорила это тетя Напсат, жалея меня. В ее словах не было ни капли обидного. Но в тот момент, когда я сидел за столом с зажатым чапилгашем во рту, когда я чувствовал на себе взгляды Сулеймана и тети Напсат, в глазах у меня потемнело от обиды.

---

¹ Х а с а п х о (инг.) — мясник, резник.

Мысли мои прыгали, как искры над раскаленной головешкой. Бросить остаток чапилгаша и уйти? Доесть чапилгаш и вместе с ним проглотить оскорбление, нанесенное мне Сулейманом? Сказать Сулейману что-нибудь обидное?

Я не знал, что делать. Слова Сулеймана, казалось мне, носились в воздухе, раня мое самолюбие. Значит, я обжора?! Значит, это я уничтожил целое блюдо чапилгашей?!

А тетя Напсат тоже хороша! Если слушать ее, получается, что в доме у нас никогда не готовят. Бабушка в огороде, мама на ферме, а я, выходит, хожу голодный! Получается, наконец, что если бы не эти чапилгаша, я бы ноги протянул. Так? Я метнул грозный взгляд в сторону Сулеймана.

«Это ты во всем виноват! — мысленно сказал я ему. — Ничего, еще посмотрим, кто будет смеяться последним: я тебе отомщу!»

Сулейман сильнее меня. Но сейчас мне хотелось дать ему такую затрещину, чтобы у него искры из глаз посыпались. Однако присутствие тети Напсат связывало меня по рукам и ногам. Если я заведу драку, то из правого немедленно превращусь в виноватого, — даже мама и бабушка будут на стороне Сулеймана...

Я немного успокоился. Пелена злости спала с моих глаз, и я увидел, каким добрым выражением освещено лицо тети Напсат. И как могло прийти мне в голову, что мама Сулеймана хочет обидеть меня? Сулейман — вот кто мой обидчик!

И, разобравшись в своих мыслях, я принял такое решение: от последней половинки чапилгаша надо отказаться, Сулейману не грозить, а выдастся удобная минутка — все ему припомнить.

— Ох, как я наелся! — сказал я, отодвигая взглядом остаток чапилгаша. — Баркал, тетя Напсат...

— А чаю хочешь?

— Не хочу. Баркал, тетя Напсат...

Сулейманова мама грустно качнула головой.

— Как быстро бежит время, — заговорила она. — Давно ли я была девочкой? Кажется, только что... Знаешь, Гапур,

я очень дружила с твоим папой. Он был мне, как родной брат. Даже защищал от злых мальчишек... И так рано ушел из жизни! — Голос у тети Напсат вдруг прервался, будто слабый ручеек, встретивший преграду на своем пути. — Вай, какого мужчину земля потеряла! Какого сына твоя бабушка потеряла!..

— Не надо, тетя Напсат, — попытался я остановить ее.

— Какого мужа твоя мама потеряла! — не слушая меня, продолжала она.

— Нани, не надо, — тихо попросил Сулейман.

— Вай, какого отца Гапур потерял! — закончила тетя Напсат и прижала к мокрому от слез лицу кухонное полотенце...

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ

Тетя Напсат наконец осушила свои слезы. Ей надо было собираться в правление. Кивнув мне и Сулейману, она вышла.

Я поднял голову, готовясь высказать Сулейману свою обиду. Он сидел на стуле, странно нахохлившись, и думал, наверное, о моем отце, — во всяком случае, глаза у него были грустные. «Подожду со своим разговором, — решил я. — Успеется».

Но, откровенно говоря, я уже поостыл, и мне не очень хотелось заводить ссору.

— Давай посмотрим наши фотокарточки, — неожиданно предложил Сулейман. — У нас два альбома есть...

Я снисходительно ответил:

— Ладно, давай посмотрим...

Что за увлекательное занятие — карточки смотреть! Я это жутко люблю. Причем я замечал: меня на снимках больше незнакомые люди интересуют. Я долго всматриваюсь в их лица, то каменно-застывшие, то живые, полные мыслей и желаний. Хорошо гадать, кто эти люди, что испытали, о чем

думают. Иногда какая-нибудь мелкая подробность настолько занимает меня, что я целый час о ней размышляю,— или смешно повисший ус, или выпученные, словно остекленевшие глаза, или поворот головы...

Мы устроились на диване, и Сулейман начал перелистывать альбом, в котором каждая карточка имела свое «окошко».

— Это папа, это мама,— словно экскурсовод начал Сулейман.— Это тетя Тамара, которая живет в Грозном и зимой прислала мне шариковую ручку...

Он мог бы и не говорить этого. Что я, не узнал бы на фотокарточке его папу и маму? А насчет тети Тамары, которая живет в Грозном и прислала зимой шариковую ручку, я слышал тысячу раз...

— Это папа отдыхает в Крыму,— продолжал объяснять Сулейман.— Видишь сзади красивый дом? Это бывший царский дворец. А после революции там сделали санаторий и посылают туда лучших киномехаников...

— Значит, другие в этом царском дворце жить не могут? — спросил я.

— Нет,— твердо сказал Сулейман.

— А почему?

— «Почему, почему»...— повторил Сулейман.— Не могут, и все!

Я подумал. Что-то мешало мне согласиться с Сулейманом. Старая обида? Нет, она прошла. Ага, вот что меня злило теперь: почему Сулейман отказывал в праве на бывший царский дворец тем, кто заведовал молочнотоварной фермой, как мой папа, работал дояркой, как моя мама, крутил арифмометр и вел «Амбарные книги», как дядя Абу? Чем они хуже Сулейманова отца?

А Сулейман уже торопился дальше:

— Это мама стоит около нашего дома... Это папа идет на охоту... Тогда у него еще старое ружье было... Вот тут снят дедушка Сайд...

Потом пошли совсем старые фотографии. Их снимали,

должно быть, еще до революции. Люди на фотографиях сидели и стояли так, словно их застала какая-то беда, словно они окаменели и даже не мыслили в ближайшее время сдвинуться с места. Почти все были в горской одежде — на ногах сапоги, грудь обтянута черкесской с красивыми газырями, голову венчает высокая папаха из смушки. Какой-то мужчина устрашающе поднял вверх шашку, но лицо у него при этом было растерянное и жалкое: казалось, через секунду он бросит свою шашку и побежит домой без оглядки...

В конце альбома были групповые фотографии.

— Это папа и мама на Военно-Грузинской дороге, — монотонно забубнил Сулейман. — Это папа и мама пьют чай на веранде. Видишь, на столе большая сахарница стоит? Я ее разбил... Это папа, мама и я на огороде... Здорово я получился, правда?

Я как раз не считал, что Сулейман получился «здорово». Киномеханик и тетя Напсат выглядели хорошо, а мой товарищ был похож на какого-то карлика. Такое впечатление складывалось еще и потому, что взрослые стояли на открытом месте, а Сулейман — чуточку позади, в стороне, рядом с гигантским подсолнухом. Если уж говорить по-настоящему, это подсолнух здорово получился, а не Сулейман!

Но разубедить друга я не стал.

Дело в том, что именно в это мгновение у меня мелькнула одна горькая мысль: как получилось, что у нас дома нет группового фото, на котором я был бы вместе с папой и мамой? Вообще групповые карточки в нашем альбоме есть. На одной я снят с мамой и бабушкой, на второй — с объездчиком Иналом, на третьей — с конем объездчика...

А фотографий с папой у меня нет!

Но, в конце концов, такой фотографии и быть не могло! Ведь папа погиб, когда я еще в люльке возился...

Но в следующую секунду моя грусть улетела как ветер, от нее и следа не осталось. А все потому, что в голову мне пришла замечательная мысль! Все равно не догадаетесь какая...

Мне захотелось сделать групповой портрет, на котором бы рядом с папой были все — я, мама, бабушка, дядя Абу!..

— Это папа, это мама, а я посередине, — твердил свое Сулейман. Он добрался уже до конца альбома и сейчас автоматически тыкал в открытку, изображающую трех красноносых мартышек. — Это папа, — показал Сулейман на самую солидную мартышку, — это мама, — он, не глядя, опустил палец на мартышку поменьше, — а я — вот он...

Я все еще обдумывал свою замечательную мысль. Я был полон ею до краев. Но не воспользоваться случаем хотя бы частично отомстить Сулейману за историю с чапилгашами — это было выше моих сил.

— А почему у тебя волосатые руки и красный нос? — невозмутимо спросил я.

— Да ты что? — Сулейман подозрительно посмотрел на меня. — Где же у меня красный нос?

— На фотокарточке...

Сулейман глянул, и нижняя челюсть у него отвисла.

— Спутал я, — смущенно признался он, — это совсем не мы, а обезьяны...

— Спутал так спутал, — согласился я, вполне насладившись ошибкой Сулеймана. Так ему и надо, не будет выставать меня обжорой!

После некоторого молчания я сказал Сулейману:

— Слушай, как ты считаешь, можно сделать такой портрет, чтобы на нем были мама, бабушка, дядя Абу, я и папа?

— Чего-чего? — не понял Сулейман.

— Вот непонятливый какой! — Я невольно сделал правой рукой дядино движение, вроде арифмометр крутил. — Я тебе объясню. У нас дома есть папин портрет. Но чтобы папа был с мамой и со мной — такого нет. А как бы сделать?

— Как? — Сулейман задумчиво покачал головой. Потом, уставившись на меня, произнес: — Но ведь это невозможно, Гапур! Если твой папа умер, как же ты сможешь сфотографироваться вместе с ним?

— А если переснять? — не отставал я.— Взять несколько карточек и переснять на одну?

Теперь Сулейман думал гораздо дольше. Однако и сейчас ничего утешительного он не сказал.

— Не выйдет, Гапур.— Видно было, что ему не хочется меня огорчать.— А вообще-то надо спросить у Гамида Башировича... Он все знает...

Желание что-то предпринять для создания группового портрета нашей семьи уже горело во мне жарким костром. Я вскочил.

— Пока, Сулейман!

Он не успел слова сказать, как я уже был за дверью.

МОЙ ПАПА

Я отца не помню. Я еще в люльке был, когда он погиб. Но его облик жив в моем воображении. Если б я даже не видел отцовский портрет, что висит в комнате у бабушки, я бы и тогда узнал отца, появись он каким-то чудом рядом со мной.

Отец был заведующим молочнотоварной фермой. Там он подружился с моей мамой, которая в то время, конечно, не была моей мамой, а была просто дояркой.

Папа погиб, когда загорелась ферма. А загорелась она во время грозы. Было это осенью. Папа сидел в правлении колхоза; вдруг прибегают доярки и кричат: «Пожар!» Под руки папе подвернулся лом, он схватил его и бросился к ферме. В одну секунду сорвал с петель широкие двери и стал выгонять коров на волю.

А пожар похлал все сильнее. С грохотом обрушилась часть крыши, и длинный хвост искр метнулся к небу. Но еще до этого папе удалось вывести с фермы всех коров. Только одно не успел он сделать: снять с цепи племенного быка. У быка был драчливый характер, и его сажали на цепь, чтобы он не затевал ссор.

Когда упала крыша, бык из своего загона закричал голо-сом, в котором было что-то человеческое. Отец во что бы то ни стало решил спасти его. Он вылил на себя ведро воды и набросил на голову мешок.

Люди отговаривали его идти в огонь. Мама схватила папу за руку и держала что есть сил. Но папа вырвался. Он бросился в горящее помещение и сорвал цепь с быка.

Племенной бык жив и сейчас — он, наверно, давно забыл о пожаре, — а отца уже нет...

Под папиным портретом на черном бархате висят три медали и орден Красной Звезды. Эти награды папа привез с фронта.

Бабушка часто останавливается перед портретом. Всегда быстрая в движениях, шумливая, она в эти минуты странно меняется. Старость ее виднее — колечки морщин на горле так и лезут в глаза, седеющие пряди волос сильнее отливают серебром, а спина — как согнулась бабушкина спина!

Бабушка не любит, чтобы заглядывали в ее комнату. Ей кажется, что одно присутствие постороннего человека нарушит тот порядок, к которому она привыкла.

Например, иголки бабушка втыкает в специальную подушечку. Нитки держит в специальной коробочке. Для пуговиц у нее сразу три коробочки: маленькая для маленьких, средняя для средних и большая для больших. И все эти коробочки стоят на полке по ранжиру, как самые хорошие солдаты. И каждая светится, словно в ней поселилось солнце...

Если в комнатах, как ученикам, ставили оценки, я бы поставил бабушке за ее комнату пять с плюсом, честное слово!

В комнате у бабушки такая чистота, что вздохнуть боязно. У каждой вещички свое место: в углу — сундук, перед окном — кровать с пышно взбитыми подушками, одну стену закрывает старинный шкаф; на сундуке лежит коврик, на коврике — маленькая подушечка, на подушечке — вышивка; все эти вещи не новы, им много лет, но в бабушкиной комнате они кажутся новыми, так они поставлены и ухожены...

Прежде чем остановиться перед портретом, бабушка оглядывается: ей хочется побыть одной — без моей мамы и без меня. Потом только она поднимает голову, соединяясь своим взглядом с папиным. Она разговаривает с отцом, словно он живой.

— На войне судьба тебя сберегла, — шепчет бабушка. — А тут ты сам пошел на смерть... Сыночек мой, солнце мое вечное, подумал ли ты, как тяжело будет матери без тебя?

Двери в бабушкину комнату нет. Ее заменяют неплотные занавеси. Если их чуточку раздвинуть, можно разглядеть бабушку. Я вижу ее горестную фигуру, слышу скорбные слова, сказанные дрожащим, прерывистым голосом, и, сам того не замечая, стискиваю в волнении кулаки и кусаю губы...

Я понимаю, папа не мог отступить перед огнем, не должен был отступить! И то, что он спас колхозное стадо, — большое, благородное дело. Но почему он полез в горящее помещение второй раз? Почему не послушался мамы? Не так уж дорог этот драчливый бугай, чтобы из-за него жизнью рисковать...

«Ой, дади, дади, — думаю я, испытывая в этот момент жгучую ненависть к смерти, — почему ты не живой?»

В ауле отца любили. И гибель его в огне, несмотря на то что с тех пор прошло больше десяти лет, воспринималась людьми так же остро, как если бы это случилось вчера. Ингуши вообще очень ласково относятся к сиротам. А меня взрослые в ауле особенно отличали. Но, скажу по совести, если знаки внимания со стороны мужчин щекотали мое самолюбие — кому не приятно, коли председатель колхоза Магомед Идрисович дружески похлопывает тебя по плечу? — то жалостливые лица женщин и причитания по поводу моей «сиротской доли» меня жутко раздражали: пожалуй, я прощал это только тете Напсат.

А какой я сирота, если говорить правду? У меня нет папы. Но у меня есть мама и бабушка! А еще есть дядя Абу, который живет одиноко и, как известно всему аулу, день и

ночь думает о благе нашей семьи: раздобыл для нас красную черепицу, дал часть денег на корову и купил мне в Грозном новую школьную форму! В общем, жалеть меня нечего!..

И все-таки, скажу вам по секрету, папы мне сильно не хватает. И маме, наверное, без него плохо. И бабушке. Но признается бабушка в этом только в своей комнате, когда останавливается около портрета отца.

Все говорят, что я похож на папу. Когда у бабушки хорошее настроение, она тоже так считает. Однако достаточно мне хоть немножко пошалить, и я уже на папу не похож; я похож тогда, по словам бабушки, на шайтана.

Разозлившись, бабушка говорит мне:

— Если б не ты, твоя мама давно бы устроила свою судьбу... Ей тебя жалко. Она хочет, чтобы ты вырос под родным крылом. Разве ты способен это оценить? Вот уж верно в народе говорят: из одного риса не выйдет плова, из лентя и дуралея не получится кормильца!..

Я только плечами пожимаю, слушая бабушку. Ну, что она хочет от меня? В школе я учусь? Учусь! В ларма лезу, когда есть нужда? Лезу! А недавно два раза дрова колот — меня об этом никто не просил, я сам за топор взялся. Так нет же, бабушке еще надо, чтобы я стал кормильцем!

«Кормилец» — это тот, кто всех своих близких кормит, деньги им зарабатывает. А как я могу деньги заработать?

Другое дело, если б я в школе не учился. Я б тогда пошел помощником к трактористу Холаку. Вы ведь знаете, у меня есть мечта стать трактористом.

Эх, как бы я работал! Лучше всех на свете! Я бы ни днем ни ночью с трактора не слезал!

Я вообще без машин не могу. Мне они все нравятся — большие и маленькие, простые и сложные. Если я вижу в небе «ИЛ» или «ТУ», сердце у меня начинает стучать с такой силой, словно хочет выбраться наружу и полететь вслед за крылатой машиной. Как только на глаза мне попадается тракторист Холак, копающийся в моторе своего «Челябинца», я готов на любые жертвы, лишь бы он разре-

шил залезть на сиденье и потрогать горячие, скользкие от солидола рычаги. Прошлым летом я до самой темноты простаивал около синенькой будки, в которой приезжий из Орджоникидзе чинил часы, и мечтал, что когда-нибудь он смилостивится и даст поглядеть в свою лупу, а то, чего доброго, и подарит пару старых колесиков от будильника...

Бабушка не понимает, что, дай мне волю, я бросил бы все на свете — даже школу — и стал бы трактористом. А тракторист — хороший кормилец!

Папа бы меня понял...

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ КАНИКУЛ

Еще вчера я был учеником пятого класса. Теперь я — шестиклассник! Какое это красивое и гордое слово — шестиклассник! Вымолвишь его, и кажется — стал выше на целую голову!

Гамид Баширович вызвал в школу мою бабушку, вручил ей табель и поздравил с внуком-шестиклассником. По этому поводу бабушка устраивает той¹.

Каждое торжественное событие в нашей семье отмечается особым тоем. Хотя какое это торжественное событие, если Малейк отелилась или коза родила козленка? Но для тоя бабушке обязательно нужен повод, и она его легко находит. Месяц назад был той в связи с тем, что дяде Абу дали премию. Совсем недавно был той, посвященный возвращению из армии внучатого племянника бабушки. А сегодня вот устраивается торжество в честь того, что я стал шестиклассником.

— Что людям дашь, то сторицей обернется! — часто говорит бабушка.

Мне трудно с ней согласиться.

---

¹ Т о й (инг.) — праздник с угощением.

Судите сами. У меня была батарейка от карманного фонарика. Сулейман не давал мне проходу: «Подари батарейку, Гапур. Она тебе все равно не нужна». Я не жадный, взял и подарил. Так что вы думаете, получил я за это награду? Ничуть не бывало! Если бы бабушкины слова были справедливы, батарейка моя обернулась хотя бы карманным фонариком! Но карманного фонаря у меня нет и по сей день...

Правда, с бабушкой по этому поводу я не спорил. Все равно ее не переубедишь. Если она говорит: «Что людям дашь, то сторицей обернется», — земля станет небом, небо — землей, но бабушка от своего мнения не отступит.

«Дать людям» — это значит чаще их угощать. Так считает бабушка. Ей не важно, кто именно придет на очередной той, — лишь бы кто-то пришел. Знакомые пришли? Хорошо! Соседи? Еще лучше! Родственники? Слава аллаху!

Готовясь к сегодняшнему тою, бабушка зарезала одноглазого петуха. Долго жил у нас этот петух, я его с первого класса помню. Но выделяю я его потому, что он был невозможным драчуном и каждый день отправлялся на битву с чужими петухами, — глаз ему не зря выбили. Как часто ссорилась бабушка с соседями из-за одноглазого петуха!

Только-только наступает утро, а к нам уже заявляется сосед, что живет справа.

— Уважаемая Хагоз! — окликает он бабушку. — Ваш одноглазый шайтан не дает проходу моему петуху. Так нельзя, вы будете, наконец, следить за своим драчуном?

— Следить? — Бабушка принимает вызов соседа. — Значит, мне нужно заковать моего петуха в кандалы?! А на ваше «одноглазый шайтан» я отвечу так: лучше быть одноглазым, чем бесклювым! Мой одноглазый все-таки мужчина! А ваш бесклювый трусом был, трусом и останется!..

Днем к нам прибегает второй сосед, тот, что живет слева.

— Уважаемая Хагоз! — кричит он бабушке. — Ваш одноглазый петух потравил мне всю кукурузу в огороде! Или вы посадите его в курятник, или...

— Или, — продолжает бабушка, усмехаясь и подбочениваясь, — вы почините свой забор... Только, я замечаю, у некоторых людей язык лучше работает, чем руки. Они нагородят слов до небес, а вот топором пять раз взмахнуть им лень...

Моя бабушка за словом в карман не лезет. Язык у нее острее бритвы. Поэтому соседи с ней спорить не любят...

Зарезав одноглазого драчуна, бабушка вдруг прониклась к нему жалостью. Сейчас ей казалось, что другого такого петуха в ауле днем с огнем не сыщешь.

— Этот петух дороже барана стоит, — сказала она мне, оторвавшись на минуту от стола, на котором лежала уже наполовину лысая тушка. Ощупав взглядом мое лицо, припудренное уличной пылью, она горько усмехнулась. — Подумать только, и ради этого дураля я заколола такого прекрасного петуха!

Я понимал, почему она так говорила. Ей хотелось, чтобы я оценил ее жертву. Но думал я сейчас о другом и поддакивать бабушке не собирался. В конце концов, почему это я так высоко должен ставить ее петуха, если он мне никогда не нравился?

Думалось мне о разном. И, конечно, прежде всего о фотографии, на которой бы собралась вся наша семья. Удастся ли сделать такую? Мне казалось, что без фотографа здесь не обойтись. А вот фотографа-то в ауле и нет! В Грозный надо ехать! Как тут быть?

Я вздохнул. Я понимал, что поехать в Грозный — задача не из легких. И все-таки в глубине души надеялся побывать там в течение лета. Вдруг мама захочет навеститься в Грозный и скажет мне: «Гапур, едем со мной»? Или дядя Абу туда отправится — ведь его часто вызывают на совещания. Уж тогда я лопну, а упрошу его взять меня за компанию...

Лето большое — все может быть!

И тут, в который уж раз, я вспомнил, что начались каникулы, и чуть не засмеялся от счастья.

Если б у меня был голос нарта-великана, я бы закричал на весь мир: «ДА ЗДРАВСТВУЮТ КАНИКУЛЫ!» Пусть люди знают, что есть на свете Гапур, что он перешел в шестой класс, что у него начались каникулы и он так рад, что не может справиться со своей радостью!

Как это здорово — чувствовать себя свободным человеком! Не надо в школу ходить! Не надо домашних заданий выполнять! А вместо школы и домашних заданий хочешь — гуляй в лесу, хочешь — плавай на Сунже, хочешь — гоняй в футбол... Веселая жизнь! Лучшей и не придумаешь!..

— У тебя что, язык к небу присох? — прерывает мои мысли бабушка. — Одного этого петуха хватило бы для того, чтобы осчастливить самого почетного гостя!

Я смотрю на бабушку: руки у нее двигаются быстро; срывая перья, она резко отбрасывает их в сторону. «Сердится», — понимаю я. Мне хочется сказать бабушке что-нибудь хорошее, утешительное.

— Теперь тебя хоть соседи беспокоить не будут, — говорю я. — Мы ведь из-за этого петуха со всеми перессорились...

Прервав работу, бабушка внимательно посмотрела на меня поверх очков, съехавших на кончик носа. Она старалась узнать, действительно ли я рад тому, что со смертью одноглазого петуха у нее будет меньше неприятностей с соседями? Что-то в моем лице ее насторожило, и она тут же начала обличать меня:

— Не верю я твоему сочувствию! Ты меня никогда не жалел и сейчас не жалеешь! Пожалел волк барашка — оставил одни костяшки!..

На нашей улице нет ни одной женщины, которая бы умела говорить так долго и так быстро, как бабушка. Да что там на улице — она поговорию в ауле первенство держит! Слова вылетают изо рта бабушки, будто пули из пулемета. Если б даже под язык ей поставили моторчик, и тогда невозможно было бы говорить быстрее.

Я уже рассказывал, что учусь в одном классе с Зарой, которую зовут «Дахчан ворда» и которая любит болтать. Так

этой Заре до моей бабушки, как земле до неба, честное слово!..

— Меня ты, значит, жалеешь? — продолжала бабушка. — А петуха не жалеешь? То, что я лишилась самой лучшей птицы в ауле, тебя, конечно, не волнует! Где тебе, разве ты способен оценить человеческую доброту? Не знала я твоих мыслей о моем петухе, я бы ни за что не зарезала его! Не видать бы тебе мяса как своих ушей! Ну, что установил на меня, бесстыжие твои глаза, шайтан?..

Я уже привык к тому, что бабушка ругает меня. Только не могу привыкнуть к некоторым прозвищам, которые она дает. Например: дуралей. Или еще хуже: шайтан. Говорила бы «лежебока», я бы слова не сказал — ведь мне действительно нравится валяться в кровати. Но «дуралей» и «шайтан» жутко меня злят. Какой же я дуралей, если в моем табеле только две тройки? И с шайтаном меня сравнивать нечего. Бабушка сама рассказывала — и ее приятельница Жовхár это подтверждала, — что у шайтанов черные лица и рога на голове. У меня же лицо белое, особенно когда с мылом умоюсь, и голова без рогов...

Вздыхнув, я сказал бабушке:

— Ты так гордишься своим одноглазым драчуном, словно зарезала быка, а не петуха...

Я знал, что говорю. Мне хотелось отомстить бабушке за «шайтана». А чем ей можно насолить больше всего? Ясно, сказать что-нибудь обидное про ее одноглазого любимца.

Только я произнес эти слова как бабушка быстро повернулась и сунула руку за печку. Она искала кочергу. Пусть ищет хоть до нового года — кочерги нет: недавно я унес ее в сарай и спрятал за дровами, в тайнике. Но на всякий случай я все-таки отпрянул к двери и остановился у порога.

Не найдя кочергу, бабушка снова вспомнила шайтана, а затем кинулась ко мне:

— Убирайся с моих глаз! Уходи! А то я не знаю, что с тобой сделаю!

Я выскочил на улицу. Последние слова бабушки все-таки догнали меня:

— И как только растет трава на земле, по которой ты ходишь?!

А трава-то все-таки растет! Я нарочно стал прижимать ее ногами, но она распрямлялась, упрямо тянулась вверх. Наверное, не такой уж я плохой человек, как кажется бабушке!

Станный у нее характер. Изменчивый. Вот сейчас она сердита, ругается, вроде готова тебя на куски разорвать. А через минуту злости как не бывало: лицо светится лаской, и каждая морщинка на нем говорит о душевной доброте. Когда с бабушкой живешь по-хорошему, она все готова отдать. Попросишь меда — даст меда. Попросишь яблоко — полезет в свой ларь за яблоком. Попросишь покрутить мясорубку, которую бабушка бережет словно зеницу ока, — и это разрешит!

Но если с ней споришь, если делаешь ей что-то назло, как это сделал сейчас я, тогда она вспыхивает, будто сухая солома, и обида ее горит долго, пока не сгорит до конца.

Надо, чтобы бабушка выговорилась, остыла. До этого лучше и домой не возвращаться...

А погода вдруг портится. На небо набегают темные тучи, взвизгивает ветер, словно конь, подстегнутый плетью. И вот уже первые капли дождя пульками бьют-бьют по земле...

Я люблю бегать под дождем. Но сейчас дождь какой-то неприятный, колючий...

Шуганув кур, норовивших залезть под веранду, я направился к крыльцу.

Сейчас, после того как погода на улице испортилась, мне показалось, что на кухне у бабушки особенно уютно и тепло.

Вообще-то мне на кухне всегда весело. Я бы тут согласился жить. Потому что здесь есть очаг, а в очаге пляшет крылатый огонь, Потому что на кухне столпились все запа-

хи на свете, и каждый запах сулит что-то вкусное. И еще потому, что за долгие годы жизни в этом доме бабушка собрала на кухне множество занятных и красивых вещей: будь у меня хоть половина их, я бы стал самым счастливым мальчишкой в Сунжа-Юрте!..

Я вошел в дом. Бабушка искоса взглянула на меня и заговорила:

— У добрых людей сыновья в твоём возрасте уже самостоятельны. Твоему дедушке было не больше, чем тебе, когда он взял меня в жены...

Вот здорово, я уже не только кормильцем должен стать, но и жениться должен!

Десять минут назад на улице я дал себе слово не вступать в спор с бабушкой. Однако вода и камень точит. Не смог я и на этот раз сдержаться — ответил бабушке:

— Если ты так хочешь, я хоть сейчас женюсь. Чем я хуже своего деда?

Не надо было так говорить. Некрасиво это. Но меня словно какой-то чертик подзуживает: всегда мне хочется, чтобы последнее слово было за мной.

— Глаза бы мои тебя не видели! — немедленно взрывается бабушка. — Ах ты сморчок! За материнский подол держится, а уже хочет жениться! Подумать только, всего два или три года назад ты был не выше этого стола. — Бабушка шлепает ладонью по кухонному столу, крышка которого стоит на уровне моего живота. — Постыдился бы говорить при мне такие вещи, шайтан!..

Вы знаете, мне скоро двенадцать лет. Но у бабушки свой счет. Если у нее спрашивают: «Сколько лет Гапуру?» — она отвечает:

— Гапур родился в тот год, когда снег рано выпал. Даже кукуруза тогда под снегом осталась. Примерно через две недели после первого снега и родился мой внук... Теперь вот и посчитайте, сколько ему лет!..

А как это посчитать, никому не известно. Даже наш учитель, Гамид Баширович, не решил бы такой задачки...

Бабушка уже варила своего петуха, а я прошел в нашу «залу» и раскрыл «Амбарную книгу». Вот и проскочила половина первого дня каникул! Что у меня в «Приходе»? Ничего. А в «Расходе»? Если уж быть честным, в графу «Расхода» нужно внести пять или шесть часов потерянного времени...

«Не буду я это писать», — решил я.

Зато, добравшись до второй части «Амбарной книги», я начал строчить изо всех сил и строчил до самого обеда. Все записал. Как бабушка ходила за моим табелем. Как зарезала одноглазого петуха, чтобы устроить большой той. И как я спорил с ней по поводу и без повода.

Потом перечитал написанное и — честное слово! — испугался. Ведь самого главного я все-таки не рассказал!

Чего доброго, вы еще решите, что бабушка у меня плохая. Скажете: и этим, мол, она недовольна, и тем, и ругается по-всякому, и даже кочергой грозитя, — за что же ее любить?

За что? Ну, во-первых, за доброту: я уже говорил вам, если с бабушкой не спорить, а делать все, как она велит, можно словно сыр в масле кататься. Во-вторых, бабушка очень смелая: во время гражданской войны, когда белые вошли в аул, она спрятала в доме двух раненых красноармейцев и, хотя деникинский офицер бил ее нагайкой, не выдала бойцов. В-третьих... Да что зря говорить, я люблю свою бабушку просто за то, что она моя бабушка! Понятно?

В конце концов, если вы мне не верите, пройдитеесь по аулу, спросите у людей, как они к моей бабушке относятся. Конечно, наши соседи справа и слева скажут: «У тетушки Хагоз слишком острый язык». А другие? Другие вот что вам скажут: «Тетушка Хагоз — достойная женщина. Трудолюбивая. Честная. А ума у нее — на двоих». Чего ж вам еще надо?

ВЕДЬМА В КУКУРУЗЕ

После обеда бабушке стало плохо — заболела она. Долго крепилась, но наконец все-таки легла в кровать.

Я сильно расстроился. У меня даже мысль мелькнула, что здесь я тоже немного виноват.

— Ой, бок болит, — жаловалась бабушка. — Шайтан меня спицей колет... Сходи, Гапур, за доктором...

Я не бегу — я лечу! Боязнь за бабушку придает мне силы, и у меня будто крылья вырастают за спиной. От нашего дома до медпункта метров триста, — я пролетаю их за три минуты. Задыхаясь и пропуская слова, я говорю доктору Ивану Ивановичу:

— Я... меня... послала... ей плохо...

— Кому? — интересуется доктор.

— Бабушке!

— Понятно. А что случилось? — спрашивает он.

Тут я повторяю слова, услышанные от бабушки:

— Шайтан ей в бок спицей колет...

— Шайтан? — Иван Иванович улыбается. — Против шайтанов медицина бессильна. Ну хорошо, хорошо, иди домой. — Сейчас доктор уже серьезен. — Скажи бабушке, что я буду через пять минут...

Иван Иванович очень уважает бабушку. Он говорит, что она сильно похожа на его мать, которая живет в Ленинграде. И, наверное, потому, приходя к нам, доктор называет бабушку мамашей.

Больных у Ивана Ивановича хватает, но все равно он не жалеет времени для бабушки: долго и внимательно ее выслушивает, шутит и, поскольку знает пристрастие старых людей к лекарствам, выписывает целую уйму рецептов.

Вот и сейчас он сидит около бабушки, слушает ее пульс и ласково говорит:

— Вам, мамаша, отдыхать надо больше...

— Отдыхать! — перебивает его бабушка совсем здоровым голосом, — Разве в этом доме отдохнешь? — Она протя-

гивает руки к шкафу, словно прося у него сочувствия.— Если я стану лежебокой, как мой внук Гапур, все прахом пойдет! От кого мне ждать помощи? От снохи? Она целый день на ферме около коров. От внука? Легче дожидаться молока от козла! Теперь скажите, кто, кроме меня, выгонит на заре скотину, чтобы она успела полакомиться свежей луговой травой? Кто приготовит завтрак? Кто позаботится об одежде этого шайтана,— бабушка кивает на меня,— постирает ее и залатает? А про сад вы забыли?..

— Не забыл,— улыбается Иван Иванович.— Я знаю, у вас забот много...

— Ну вот,— успокаивается бабушка,— а говорите: отдыхать...

Доктор усмехнулся. Но совсем не обидно. В этой усмешке было даже восхищение — вроде увидел он перед собой маленькое чудо.

— Смотрю я на вас, мамаша,— заговорил Иван Иванович,— и диву даюсь: до чего же вы похожи на мою мать! Она — русская, вы — ингушка, она — городская женщина, вы — деревенская, а сердца у вас — одинаковые... Не терпите вы безделья, не знаете отдыха... Плечи у вас слабые, но на них столько лежит: дети, дом, хозяйство... И вам еще мало, вы говорите: «Некогда отдыхать...» По корану, женщина — существо трижды нечистое, недостойное уважения... Простите меня, тетушка Хагоз, но я с этим никак не согласен... Кто же тогда чист и высок, если не женщина? Она в жизни всему светлому и радостному начало дает!..

— Аллаху это известно,— дипломатично отвечает бабушка.

Вот и попробуй понять, что именно известно бабушкиному аллаху. То ли женщина действительно существо трижды нечистое и недостойное уважения. То ли наоборот.

Доктор снова усмехнулся. На этот раз с хитрецей. Он, верно, лучше меня понял ответ бабушки.

— Вы сегодня полежите,— сказал затем доктор,— а я вам несколько рецептов выпишу...

— Спасибо, спасибо,— благодарит Ивана Ивановича бабушка.

Однако как только доктор исчезает за дверью, предварительно легонько щелкнув меня по носу, она приподнимается на локтях и ищет мой взгляд. Я знаю, что она хочет: чтобы я сходил за Жовхар. Но встречаться и разговаривать с Жовхар мне неохота: не люблю я ее, и все тут. И я делаю вид, что не понимаю бабушкиного взгляда.

— Что сидишь, будто тебя к стулу привязали? — начинает сердиться бабушка.

— А что я должен делать?

— «Что делать, что делать»...— ворчит она.— Отправляйся к Жовхар и побыстрее приведи ее сюда... Ты же видишь, я умираю...

Жовхар живет напротив нас. Она так же стара, как и бабушка. Но похожи они только годами. Все остальное у них — характер, разговоры, фигура и лицо — разное.

Бабушка хоть и бранится, но в душе всегда добра. От Жовхар же резкого слова не услышишь, говорит она, как маслом мажет, а ведь на самом деле она злая. Бабушка высока ростом, лицо у нее узкое, тонкое, словно из красивого камня выточенное, а глаза необыкновенные: кажется, половинка зрачка укоряет тебя за лень и шалости, зато другая половинка полна ласки и доброты и только что не говорит: «Гапур, козленок мой черненький! Солнышко ясное!»

У бабушкиной подруги фигура приземистая, кругленькая; когда Жовхар идет по улице, делая маленькие, быстрые шажки, так и думаешь: бочоночек катится. Лицо у нее под стать фигуре — кругленькое, и на лице все кругленькое — ротик, глазки и носик.

Мне думается, что такая безобидная внешность помогает Жовхар обманывать добрых людей. Бабушка у меня умная, она все мои хитрости в один момент разгадывает. Вот я и удивляюсь, как же не видит она хитростей Жовхар?

В ауле среди некоторых стариков и старушек Жовхар пользуется уважением. Они считают ее великой знахар-

кой. От Ивана Ивановича они не отказываются, но и Жовхар привечают. Лечит она людей не лекарствами, а заговорами. Я сам однажды видел, как она заговаривала болезнь бабушки: бросила тлеющие угли в воду, прошептала молитву, и все. Бабушка, смотревшая на эту процедуру с верой и вниманием, тут же сказала, что ей легче. Но я-то хорошо знаю: с помощью таких фокусов не вылечишься! И правда, не успела хлопнуть калитка за Жовхар, как бабушке снова стало плохо...

Иван Иванович лечит бесплатно. А Жовхар получает за свои фокусы натуроплатой — так про нее дядя Абу выразился. Дают ей яйца, мед, куриц. Каждое воскресенье Жовхар отправляется на базар и распродает там припасы. В ауле поговаривают, что денег у знахарки полный ларь. Так оно и есть, наверное...

Когда у меня появляется двадцать копеек, я их в одну секунду трачу. Если б мне дали даже миллион рублей, и тогда я бы его не прятал, не таил в ларе, а побегал в магазин и купил разных разностей не только для себя, но и для бабушки, для мамы, для дяди Абу, для Сулеймана, для всех своих знакомых...

А зачем Жовхар столько денег? Не знаю. Между прочим, меня и злит больше всего то, что я никак не могу ответить на этот вопрос...

Я много раз говорил бабушке, что Жовхар ее обманывает. Что тут лечебного — бросить угли в воду? Чепуха это, глупый фокус! Другое дело, если б Жовхар, как доктор Иван Иванович, кончила медицинский институт, — вот тогда я бы ей поверил!

Бабушка слушать меня не хочет.

— Много ты знаешь! — насмешливо говорит она. — Яйца курицу не учат! Лучше не спорь со мной, а то разозлишь, пересчитаю скалкой все косточки...

И откуда у бабушки вера в эту противную знахарку? По неволе подумаешь, что если Жовхар что-то и заговаривает, то, в первую очередь, голову...

Я не побоялся бы открыто сказать знахарке, что я о ней думаю. Такие мысли часто мне в голову приходили. Однако всякий раз я от них отказывался — не хотел бабушку злить. Ясное дело, она сразу бы встала на защиту Жовхар!

Я с бабушкой часто не соглашаюсь. А Жовхар, хотя и живет по-своему, чтобы подлизаться к бабушке, готова черного барана белым назвать, а белого — черным. Бабушка, например, говорит, что сегодня плохая погода, и Жовхар немедленно подтверждает: да, погода очень плохая. Бабушка говорит, что фабричная лапша против домашней ничего не стоит, и Жовхар тут же кивает: «Правильно, Хагоз, фабричная лапша не та, совсем не та». Бабушка ругает тракториста Холака, который изредка катает меня на тракторе, и Жовхар оживляется: «Дурной человек этот Холак, в бога не верит, испортит он, Хагоз, вашего мальчика...».

Но все это полбеды. Хуже, когда Жовхар начинает пороть чепуху про ведьм, которые-де прячутся в кукурузных посадках, и про покойников в белых саванах; эти покойники, так рассказывает Жовхар, встают ночью из могил, бродят по кладбищу и ждут не дождутся, когда поблизости появится человек, — тут они его хватают и уводят на тот свет...

Меня эти истории не столько пугали, сколько злили. Надо же, верить в ведьм и оживших покойников! Это только Жовхар может придумать!

Иногда какой-то шаловливый чертик начинает управлять моим языком, и я пристаю к бабушке:

— Скажи, бабушка, какие из себя ведьмы?

— Какие? Волосы у них длинные, на руках вместо пальцев когти...

— Ты их видела?

— Нет, — отвечает бабушка. — Кто их увидит, у того язык отнимется.

— А покойников в белых саванах видела?

— И покойников не видела... Не дай бог с ними встретиться. — Бабушка пугливо оглядывается на окно, словно по двору у нас уже расхаживают покойники.

— Откуда же стало известно, что на свете есть ведьмы и ожившие покойники?

— Люди говорят,— начинает сердиться бабушка.

— «Люди говорят»! — ухмыляюсь я.— Как же они могут это сказать, если, увидев ведьму, становятся безъязыкими, а встретившись с покойником — пропадают?

Бабушкино лицо темнеет от обиды. И, конечно, через секунду из Гапура я превращаюсь в «шайтана» и «дуралея»...

Не хотелось мне идти к Жовхар, но ничего не поделаешь, надо. Я перебежал через улицу, постучал в дверь и, когда в прорези показалось круглое личико Жовхар, выдохнул одним махом:

— Здравствуйте, бабушка просит, чтобы вы пришли... Заболела она...

— Приду, дорогой, приду, золотко,— затараторила знахарка.— Бабушка твоя — святая женщина, не уважать ее нельзя... А тебя аллах благословит за то, что ты ухаживаешь за бабушкой...

Я еле нашел в себе силы кивнуть Жовхар на прощание.

Целый час меня не было дома. Заглядывал я к Сулейману, потом пошел в школу и очень обрадовался, когда увидел объявление, что в будущую субботу проводится встреча по футболу между нашей школой и школой станицы Карабулакской. Только одна мысль меня огорчила: как будет обидно, если ребята-восьмиклассники, заправлявшие в футбольной команде школы, откажут мне и не включают в число игроков!

Возвратившись домой, я застал бабушку уже на ногах. Она благодарила Жовхар за помощь и говорила ей:

— Так ты обязательно приходи вечером... Не придешь — обидишь меня...

— Приду, приду,— обещала Жовхар.— Хоть и много дел у меня, а ради такого случая я все отложу... Только стадо в аул пригонят — и я у тебя...

Долго я копил злость на Жовхар. Наверное, целый год. Что я только ни придумывал, чтобы досадить ей, — ничего дельного не придумывалось. И лишь в ту секунду, когда быстрые шажки Жовхар стучали во дворе, мне пришла в голову замечательная мысль.

Что-то во время каникул у меня голова хорошо работать стала! Даже удивительно! Вот было бы здорово, если б она с русским языком так же справлялась!

В огороде у нас давно стоит чучело. На нем висит старое бабушкино платье. Голова у чучела повязана мешком. И вот, вспомнив рассказ Жовхар о ведьме, которая почему-то прячется в кукурузе, я решил нарядиться в эти обноски и напугать знахарку. А что: хочет она ведьму — пусть получит ведьму!..

Бабушка принялась толочь чеснок, чтобы приготовить соус для жижиг-галнаша¹. Потом стала месить тесто — ведь жижиг-галнаша без кукурузных галушек не бывает.

А я все еще думал, что надо сделать, чтобы побольше походить на настоящую ведьму.

Плохо, что неделю назад мама обрезала мне ногти — теперь они совсем короткие. «Ладно, обойдусь и такими, — решил я. — А вот что делать с волосами? У ведьмы ведь длинные волосы...» Прикидывал я так и этак и надумал прикрыть голову мешком — он вроде платка будет. «А бабушкино платье чуточку подкорочу, — размышлял я. — Тогда в подоле не запутаюсь...»

Короче, бабушка не успела сделать чесночный соус и галушки, как я уже все рассчитал. Первым делом нашел ножницы, потом выскочил на улицу и, прячась за кустами тут, пробрался на огород.

Сняв одежду с чучела и подрезав подол у платья, я спрятал обноски в свой тайник, — я ж вам уже говорил, у меня есть тайник за дровами, в сарае, там и бабушкина кочерга лежит.

---

¹ Ж и ж и г - г а л н а ш (инг.) — мясо с кукурузными галушками и чесночным соусом.

Теперь нужно было ждать вечера. Часов в пять возвращалось с лугов колхозное стадо, и Жовхар выходила на дорогу, чтобы отогнать коров, которые норовили залезть в ее сад. Рядом с садом у знахарки был небольшой клочок кукурузных посадок. Туда я и рассчитывал забраться.

В начале пятого я снова заглянул в дровяной сарай, взял платье и мешок и через три минуты был в кукурузе.

Здесь я переоделся, густо намазал лицо угольком, прихваченным из дома, и стал прислушиваться: не идет ли стадо?

Не знаю, сколько я ждал — час или полтора, но вот земля подо мной загудела эхом далекого топота. Прошло минут десять, и коровье «му-у! му-у!» заполнило всю улицу.

— Хьайча! Хьайча! — послышался голос Жовхар, и я вздрогнул от неожиданности.

«Пора!» — решил я, готовясь встать на ноги.

— Хьайча! Хьайча! — повторила знахарка, отгоняя коров.

Теперь она стояла недалеко от меня: я видел сквозь кукурузные заросли ее лицо — кругленький ротик, кругленький носик и выгнутые полукругом брови.

Я осторожно раздвинул кукурузу и привстал. Жовхар оглянулась, хотела, верно, крикнуть «Хьайча!», но, заметив меня, застыла как камень. Ужас отразился в ее глазах. Если раньше они были кругленькие, то сейчас стали квадратные, — во всяком случае, никогда больше я у Жовхар таких глаз не видел...

Да и понятно, в это мгновение я меньше всего был похож на Гапура: лицо в саже, на теле рваное платье, голова, словно чалмой, замотана старым мешком, — ну, ведьма и ведьма!

— Ты и здесь не даешь мне покоя! — выкрикнул я тонким голоском. — Смотри, знахарка!..

И только я это произнес, как Жовхар завывала на всю улицу:

— Вай! Вай! Вай!

---

¹ Хь а й ч а — непереводимое слово; используется ингушами как возглас для того, чтобы прогнать скотину.

Не переставая вопить свое «Вай!», она подхватила подол платья и бросилась наутек. Это меня так развеселило, что я крикнул ей вдогонку:

— Держи ее! Хватай!

Чуть позже к бабушке появилась племянница Жовхар. Она сказала, что тетя на той не придет, не может, лежит, мол, в постели,— заболела. Племянница добавила, что от нас она сразу же отправится к доктору Ивану Ивановичу — болезнь у тети Жовхар серьезная, без доктора тут нельзя.

Я сидел ни жив ни мертв. Теперь я ругал себя на чем свет стоит: нужно же было придумать мне такую злую шутку! А если Жовхар умрет? Лоб у меня покрылся холодным потом от этого предположения...

Бабушка бросила ступку, которой сплющивала чесночные дольки, и, накинув платок, поспешила к Жовхар. Страх за жизнь знахарки погнал меня к калитке. Я осмелился даже заглянуть в окно к Жовхар: что там творится, может, в эту минуту бабушкина подруга умирает?..

Ничего страшного с Жовхар не произошло. Полежала она денек и встала. А как встала — снова принялась обманывать людей.

Но это я вперед забежал. Если же рассказывать все по порядку, то прежде всего надо описать, какое лицо было у бабушки, когда она вышла от Жовхар. В глазах огоньки, будто там кто-то костер зажег, и на щеках красные-красные пятна,— я бабушку такой не видел, честное слово!..

«Жовхар узнала меня и пожаловалась бабушке!» — испугался я.

Надо было предупредить грозу, и для этого у меня был только один выход. Бабушка быстро приближалась ко мне, и тут я закричал:

— Я не хотел, чтобы Жовхар заболела! Бабушка, не хотел!..

Бабушка замахнулась на меня, но не ударила. Она так и стояла рядом с поднятой рукой.

— Ты сведешь меня раньше времени в могилу,— устало и горестно произнесла она.

— Не сведу! — уверял я ее.— Честное-пречестное, не сведу!

Но бабушка не верила мне. Она все качала и качала головой, будто говорила про себя: «Эх, ты!»

Весь вечер в глазах у бабушки горели костерики обиды. Наверное, она жалела, что, встретив меня у калитки, не всыпала как надо. Теперь она исправляла ошибку и ругала меня изо всех сил.

— Я не удивлюсь, если земля разверзнется под тобой! — говорила она.— Ведь со дня своего рождения ты не совершил ни одного хорошего поступка! Люди не видели такого дуралея, как этот шалопай!

Я молчал, боясь еще больше разозлить бабушку. Я даже не сказал ей, что она говорит неправильно: первый раз у нее получилось: «Люди не видели такого дуралея, как этот шалопай!», а во второй: «Люди не видели такого шалопая, как этот дуралей!»

Часов в семь пришел первый гость. Это был дядя Абу. Потом появилась мама — она немного задержалась на ферме, так как хотела закончить вечернюю дойку. Вслед за мамой гости пошли косяком: тетя Напсат и ее муж-киномеханик — отец Сулеймана, внучатый бабушкин племянник, недавно вернувшийся из армии, объездчик Инál, двоюродный брат Инала, который, кстати сказать, приходится троюродным братом моему папе...

Набралось людей — полон дом. Все поздравляли меня с переходом в шестой класс, все мне улыбались.

И в тот момент, когда я таял от похвал, бабушка во всеуслышание заявила:

— Не стоит он даже такой похвалы! — Она показала гостям свой мизинец.— Шайтан он, отвергнутый богом!

— За что ты его ругаешь, Хагоз? — недоумевал дядя Абу.— Или он не джигит? Или он уронил честь своего героя-отца?

— «Джигит»! — насмешливо сказала бабушка. — Дуралей он, а не джигит!

— Что же он натворил? — захотел узнать дядя Абу.

Я похолодел: неужели бабушка все откроет?

Но она взглянула на меня, поняла мое настроение и вдруг спокойным голосом произнесла:

— Ничего особенного он не натворил. Плохо меня слушается — вот беда!..

А через минуту гости сидели за столом, ели куриный жижиг-галнаш, и бабушка, зайдя сзади, незаметно для всех погладила меня по голове, словно маленького...

Гости разошлись поздно, когда я лежал уже в постели. В «зале» остались только мама, бабушка и дядя Абу, — я понял это по их голосам.

Сначала они молчали, потом заговорила мама:

— Не знаю, что происходит с Гапуром. До четвертого класса учился хорошо. А в пятом — хуже некуда. Если так дальше пойдет, в шестом начнет двойку за двойкой таскать... Вот что значит, мальчик растет без твердой отцовской руки...

— Ну, это ты зря говоришь, — прервал ее дядя Абу. — Рука у меня тоже достаточно твердая. Несколько дней назад я имел с Гапуром собеседование. Наметили мы с ним кое-какие мероприятия...

— Это какие же? — заинтересовалась бабушка.

— Во-первых, нужно, чтобы он стал практичным, — говорил дядя Абу. — Во-вторых — целеустремленным... Я ему, кстати, подарил прекрасную «Амбарную книгу». Если он будет записывать в нее все свои поступки и серьезно анализировать их, ошибки сойдут на нет... Вот, например, я в своей работе ставлю отчетность на первое место. За отчетность я и премию получил, и на совещании в Грозном меня отмечали...

— Хорошо, — сказала мама, — а о чем еще ты говорил с Гапуром? Ты ему не сказал, чтобы он налег на русский язык? С тройкой далеко не уедешь. Мог бы и в каникулы позаниматься...

— Мы говорили о выборе профессии, — объяснил дядя.

— Тут и говорить нечего! — вмешалась бабушка. — Гапур будет судьей — так я решила и от своего не отступлюсь! В «зале» наступило молчание.

— Значит, вопрос о выборе профессии для Гапура остается пока открытым, — вздохнув, заявил дядя Абу.

— Для кого — открытым, а для меня — закрытым! — твердо сказала бабушка. — Уж во всяком случае, в трактористы я внука не отдам! Чтоб он ходил таким же чумазым, как этот безбожник Холак, упаси аллах!

Странное чувство испытывал я, слушая этот разговор. Мне показалось вдруг, что в душе у меня живут несколько человек. Если б они жили мирно, это бы еще ничего. А то ведь нет! Они спорили, косились друг на друга, и голоса их странно напоминали голоса бабушки, мамы, дяди Абу и Гамида Башировича. Я следил за спором голосов и все больше и больше запутывался.

В конце концов, если я хочу быть трактористом, почему мне обязательно нужно стать судьей? Впрочем, в летчики я бы тоже пошел. И в космонавты, хотя, признаюсь, об этом я даже мечтать боюсь. В общем, тут прав голос дяди Абу: вопрос о выборе профессии остается пока открытым...

А как быть с теми записями в «Амбарной книге», делать которые рекомендовал мне дядя Абу? Помогут они мне стать большим человеком или не помогут? Что-то неладно с этими записями. Вот сегодня, например, я вырядился в ведьму и напугал знахарку Жовхар. Что же теперь писать в «Приход», а что — в «Расход»? Да, на свете, оказывается, много вещей, которые не распишешь ни в какие графы...

Голос Гамида Башировича напоминал мне, что я должен спрашивать с себя за каждый поступок и за каждое слово.

Может, так оно и должно быть. Но у меня это не получается! А почему не получается — сам не знаю...

Я вздохнул и перевернулся на другой бок.

«Отворачивайся не отворачивайся, — сказал человек с голосом учителя, — тебе еще придется над этим подумать».

Вот беда — так мне и заснуть не дадут.

«И что вы навалились на меня? — с ожесточением подумал я о голосах.— Выбор профессии, записи в «Амбарную книгу», дополнительные занятия по русскому,— вы что, забыли, что сейчас каникулы?! А что делают ребята в каникулы? Никакими серьезными вопросами головы себе не забивают! Если это неизвестно маме, бабушке, дяде Абу и Гамиду Башировичу, то мне отлично известно. И коли так, да здравствуют каникулы! Да здравствуют несерьезные, веселые каникулы длиной в целых три месяца!»

И, отругав так человечков, мешавших мне спать, я быстро и спокойно заснул.

ВТОРОЙ ДЕНЬ КАНИКУЛ

Сегодня я решил немножко порисовать.

Я вообще люблю рисовать. И тем более странно, что по рисованию у меня тройка.

Я рисую все подряд: наш дом, огород, корову, небо, солнце, горы и, конечно, тракторы и самолеты. Но это то, что при желании я могу видеть каждый день. А есть вещи, которые я или совсем не видел, или видел мельком,— например, на экране в клубе, когда папа Сулеймана показывает кино, по телевизору, купленному недавно объездчиком Иналом. Это Москва, это пушки и танки, проходящие парадом по Красной площади, это атомный ледокол «Ленин», это, наконец, ракеты...

Я все это тоже рисую. И, наверное, потому что многое мне самому приходится додумывать, рисунки у меня не всегда правильные.

Этой весной я нарисовал танк. Он шел громить фашистов. Одной пушки ему, конечно, было мало. Нужно было, по крайней мере, еще три. Я их взял и пририсовал.

Но что такое четыре пушки? Разве это так много? Когда дерешься с фашистами, лучше иметь восемь пушек!..

Я подрисовывал пушку за пушкой, пока у танка не стало ровно двадцать пушек. Он теперь походил на ежа, оцети-ненного иглами.

Танк я назвал «Революционер Гапур Ахриев». Ох и испугались фашисты, когда его увидели! Шутка ли, идет бронированное чудовище и стреляет сразу из двадцати пушек!

Но у Гамида Башировича, которому я показал рисунок, мое изобретение восторга не вызвало. Он сказал, что такого танка не существует. Ведь нужно двадцать заряжающих, чтобы обслужить все орудия, — а где их разместить?

Я не мог не согласиться с доводами учителя. И все-таки в глубине души мне было жаль расставаться с двадцатипушечным «Революционером Гапуром Ахриевым»...

Бабушка очень интересуется моими рисунками. Она говорит, что они ей нравятся. Она даже забрала у меня рисунок танка и спрятала его в свой ларь.

— Твой танк на сунжа-юртовский похож, — сказала бабушка.

— На сунжа-юртовский? — удивился я. — Разве у нас был танк?

— Даже полтора, а не один, — с гордостью ответила бабушка.

Я сначала ничего не мог понять. И понял только тогда, когда бабушка рассказала мне, как жили люди в годы войны с фашистами. Что за суровое время было! Почти все мужчины аула ушли на фронт. Мой папа и дядя Абу ушли даже раньше других — в первый день войны они отправились в район и подали заявления, что просят считать их добровольцами, и пусть им немедленно выдадут оружие — они готовы вступить в бой с врагами хоть сейчас!

В ауле остались старики, женщины и дети. Жилось им голодно, трудно. Каждую меру зерна, каждый клочок овечьей шерсти они отдавали родине. Тогда даже лозунг был такой: «Все для фронта, все для победы!»

А все — это, значит, не только хлеб и шерсть. Раз сошлись в правлении колхоза старики и стали говорить между собой, что, мол, надо бы получше помогать фронту. Почему, например, не собрать по дворам теплые вещи? Скоро зима, и сыновьям на фронте в окопах будет холодно без варежек и теплых носков, а тут и подспеют подарки из Сунжа-Юрта. Разве это плохо? И все старики подтвердили: «Хорошо. Так тому и быть». Но тут самый старый из присутствовавших, самый седобородый, окинул взглядом товарищей, будто хотел, чтобы они поняли его, и молча положил на стол свою смушковую папаху. Тогда остальные старики — а было их девять человек — сняли свои папахи и положили их на стол рядом с первой...

Десять папах лежало на столе — десять смушковых папах для храбрых воинов, защищавших нашу страну от фашистов... А старики вышли на улицу без головных уборов — никогда раньше они так не ходили...

Горцу шапку потерять, что честь потерять. Но тут было совсем другое дело. Решив отдать свои папахи храбрым бойцам, старики в глазах людей стали еще более мужественными и благородными. Они понимали значение своего поступка и, шествуя по улице, несли на лицах такую гордость, что даже поздороваться с ними было боязно...

На следующий день в Сунжа-Юрте начали собирать варежки, носки, шапки и собрали этого добра целых три машины.

После того и моя бабушка отличилась. Она сказала другим женщинам, что хочет отдать фронтовикам свои медные кувшины — у бабушки их было четыре. Женщины сначала засмеялись:

«Ах, Хагоз, Хагоз, кому нужны твои кувшины? Медью еще никто не питался! В медь еще никто не одевался!»

Но бабушку не так-то легко было сбить с толку.

«Это правда, — отвечала она. — Медью еще никто не питался. В медь еще никто не одевался. Но вы говорите это так, будто я хочу послать нашим красным орлам кувшины

вместо вкусной пищи и теплой одежды... Эх, вы! Что вам известно сейчас, я узнала двадцать лет назад! Понятно, дорогие подружки? А что вы узнаете через десять лет, то сейчас у меня на кончике языка! Так слушайте: я хочу, чтобы из моей меди сделали танк, и пусть этот танк будет крепок, как мои кувшины!»

Случился поблизости председатель колхоза. Он услышал слова бабушки и похвалил ее.

«Золотая у тебя голова, тетушка Хагоз! — сказал он. — Медь — ценный металл, и для танков он очень даже пригодится... Мы твой почин поддержим!»

Через несколько дней женщины Сунжа-Юрта собрали двести медных кувшинов!

Прошел месяц или чуточку больше. И вот однажды утром разнеслась по аулу весть: мимо Сунжа-Юрта пройдет танк, который моя бабушка задумала построить раньше всех и на который кувшины свои отдала. Конечно, танк шел не один, а в составе целого полка, но это еще интереснее было.

Весь аул сбежался к шоссе — никого в домах не осталось. Глядят на дорогу. Гадают, когда танки пойдут. Танки были еще далеко, а земля под ногами у людей уже задрожала, будто это топали великаны нарты.

Вот, наконец, и первая машина показалась. На броне у нее было написано: «Советская Ингушетия». А чуть ниже шла еще одна надпись: «Смерть немецким захватчикам!»

Я это вам своими словами рассказываю, но у бабушки рассказ лучше получался: я, когда его слушал, про все на свете забыл. Даже про еду.

— А сколько пушек было у твоего танка? — спросил я у бабушки.

— Почему это — у моего? — ворчливо заговорила она. — У нашего! Весь аул на него средства собирал — двести кувшинов и сорок два котла, а еще триста девяносто шесть тысяч старыми деньгами! Как раз на полтора танка хватило, нам председатель объяснял. — Бабушка задумалась, потом,

улыбнувшись, добавила: — Не знаю, как другие кувшины, а мой в этот танк попал. Когда он мимо ехал, на боку у него красным блеснуло, я все сразу и поняла: ведь кувшин у меня из красной меди был!..

Когда я рисую, бабушка, как бы ни была она занята, всегда выберет минутку, чтобы постоять за моей спиной и полюбоваться новым произведением. Если б она только любовалась, я был бы рад. Но она не может обойтись без советов. А иногда задает вопросы, которые меня сбивают и портят настроение.

Как только она вздохнет, я уже знаю: сейчас вопросы будут.

Я рисую наш аул, а она спрашивает:

— Скажи, почему все дома у тебя с белыми крышами и только один с красной?

— А потому, что это наш! — быстро отвечаю я.

— Скажи, почему на спине у коровы написано: «Малейк»? Что-то я не видела, чтобы на нашей корове было такое тавро...

— А потому, что люди из других аулов тогда не отличат нашу корову от всех остальных! — тут же нахожу я ответ.

— А Сунжу не нарисовал! — говорит бабушка.

И вдруг я с отчаянием замечаю, что действительно забыл нарисовать нашу реку. Все есть — дома, добрая и ласковая Малейк, небо, солнце, даже силуэт самолета вдалеке, а Сунжи нет.

Я злюсь и поэтому говорю бабушке:

— Это не наш аул, это я другой аул нарисовал, он стоит далеко от реки...

— Как же туда попала наша Малейк? — хитро улыбается бабушка. — Вот чудо!

— Это не наша Малейк, это другая Малейк, — упорствую я.

— Другая? — настораживается бабушка. — Ты хочешь сказать, что в соседнем ауле есть корова не хуже нашей?

Тут я вешаю на рот замок. Лучше молчать, а то бабуш-

ка, чего доброго, еще выйдет из себя и доберется до «шайтана»...

Сегодня я стал рисовать космический корабль. Он летел в безвоздушном пространстве и посылал всей земле свои сигналы: бип! бип! бип!

И только я изобразил движение этих сигналов с помощью волнистых линий, как услышал за спиной дыхание бабушки. Я обернулся.

— Нравится?

— А что это такое? — прежде всего осведомилась бабушка и не удержалась, чтобы не сказать: — На кувшин похоже...

— Это космический корабль, а не кувшин, — с обидой сказал я.

— Ну, пусть корабль, — смилостивилась бабушка.

Она даже наклонилась, чтобы получше рассмотреть рисунок. Она смотрела на бумагу, а я в ее глаза, спрятанные за очками, — мне хотелось еще до бабушкиных слов узнать, что думает она о моем космическом корабле. Но в золотисто-коричневых зрачках бабушки ничего не угадывалось.

— Разве не удивительно, что нынешний человек может летать в небесах? — Бабушка чуть заметно усмехнулась. — Да еще в кувшине...

— Не в кувшине! — возмутился я.

— Хорошо, в таком сосуде, как ты нарисовал... Все равно удивительно! У машины есть колеса, у самолета — крылья, а тут ни колес, ни крыльев... Скажи мне, Гапур, как такой корабль летает?

Вот и дождался я трудного вопроса!

Я вообще заметил, что бабушка стала больше интересоваться тем, что происходит на суше, на море и в воздухе. Как-то даже попросила меня газету почитать вслух. А радио теперь у нас дома не выключается. Мне в школу к восьми. Но уже в шесть часов утра радио в бабушкиной комнате просыпается и начинает говорить на двух языках — на ингушском и на русском. И я вместе с бабушкой должен слушать про то, что в Назрановском районе Чечено-Ингушетии за-

кончили сев, а на нефтепромыслах в Малгобёке забил новый нефтяной фонтан, про то, что вьетнамцы снова побили захватчиков из Америки, а в Японии открылась Советская промышленная выставка. Может, все это и интересно, но почему я должен это слушать в шесть часов утра, когда глаза еще слипаются и веселый сон не хочет с тобой прощаться?

Я просил бабушку, чтобы она включала радио чуточку попозже.

«Не будет по-твоему, — ответила она. — Вдруг из Москвы скажут что-нибудь важное, а я и не услышу... Радио мне что газета. Ведь я неграмотная, читать не умею. — И добавила, с нежностью глядя на «тарелку» репродуктора: — Дай бог здоровья тому человеку, который придумал это радио!..»

— Ну, так что не отвечаешь? — настаивала на своем бабушка. — Почему летает этот корабль без колес и крыльев?

Откровенно говоря, я не знал, что сказать. Гамид Баширович нам это объяснял, но я не очень-то понял. Однако признаться бабушке в своем незнании я не хотел. Уж тогда бы она надо мной посмеялась. Я выпалил первое, что пришло на ум:

— Газы ему летать помогают.

— Газы? — удивилась бабушка.

Тут я припомнил кое-что из рассказа Гамида Башировича.

— А что такого? Ты видела, как у кипящего чайника крышка подскакивает?

— А! — воскликнула бабушка. — Видела!

— Ну вот, — заговорил я тоном учителя. — Это его газы толкают... И в космическом корабле примерно так же... Погляди, у меня тут окошечко нарисовано... Космонавт влезает в окошечко...

— В окошечко? — недоверчиво спросила бабушка, кинув на меня взгляд поверх очков.

— Влезает в окошечко, — продолжал я, — садится в мягкое кресло и берется за руль...

— А дверь этому кораблю не полагается? — задала но-

вый вопрос бабушка. — Дело твое, но мне кажется, удобнее входить в дверь, а не в окно...

«Дуралей! — выругал я себя мысленно. — Что бы мне сказать, что кружочек — это не окно, а дверь. Теперь бабушка будет придирааться!»

Только мыслей этих я не выдал.

— Знаешь, бабушка, — спокойно и твердо заговорил я, — делали этот корабль большие ученые, им лучше известно, почему нужно окно и не нужна дверь...

Я даже палец вверх поднял, чтобы бабушка прониклась почтением к большим ученым. Но это не помогло. Никакого почтения к тем, кто предпочитает лазить в окно, вместо того чтобы входить в дверь, у бабушки не было. Она иронически выпятила нижнюю губу и спросила:

— А у себя дома эти большие ученые тоже через окно лезят?

— Зачем же? — Я совсем вышел из себя и в возбуждении стал размахивать руками. — Дома они через дверь ходят... Ты пойми, космический корабль маленький, там места нет, чтобы сразу и окна делать, и двери...

Бабушка неожиданно кивнула.

— И вправду маленький...

Тут меня снова заело. Разве настоящие космические корабли маленькие? Они побольше нашего дома, быть может, даже больше аульского клуба. Это на моем рисунке корабль маленький получился, потому что тетрадный лист меня ограничивал.

Но разве это бабушке втолкуешь? Я и так устал от ее вопросов...

Когда-то — и в первом, и во втором классе — я рисовал бездумно, просто для того чтобы водить карандашом. Меня увлекал сам процесс появления на бумаге домов, неба, солнца, самолетов. Сейчас все изменилось! Достаточно было нарисовать дом, чтобы я мысленно уже заселил его. Достаточно было очертить контуры машины, чтобы я представлял себе, как сажусь за руль...

Теперь время, которое я проводил за рисованием, наполнилось для меня самыми чудесными переживаниями. Я участвовал в сотнях сражений и, конечно, всегда побеждал. Я плавал на атомном ледоколе «Ленин». Я исходил всю Москву вдоль и поперек — видел метро, стоял на Красной площади и раз сто спускался по мраморным ступеням в Мавзолей...

На ракетах я тоже летал. Конечно, бабушке это знать незачем, но тот космонавт, что по воле больших ученых влезал в свой корабль через окно, — это ведь был я!

В общем, вы, наверное, поняли, почему меня так тянет к бумаге и карандашу...

ШЕСТЬДЕСЯТ ДОПЛАТНЫХ ПИСЕМ

Вопросы бабушки отбили у меня охоту рисовать. Я решил сбежать на футбольное поле: может, школьная команда уже начала тренировку? И правда, тренировка шла полным ходом. Над футбольным полем клубилось облако пыли, и в этом облаке как угорелые бегали потные, разгоряченные ребята. Я узнал Сулеймана. Капитан школьной команды восьмиклассник Магомет, заметив меня, крикнул на ходу:

— Гапур, становись на левый край!

Мне хотелось заранее выторговать право играть в воскресенье с карабулакцами. Сейчас для этого представился самый подходящий случай.

— А на матч меня поставите? — спросил я Магомета, рысцой устремляясь за ним.

— Видно будет! — увильнул капитан и, сделав неожиданный скачок в сторону, заорал диким голосом на Сулеймана: — Ты что, не видишь, я открылся?! Пассуй сюда быстре!

Сулейман откинул ему мяч. Магомет ударил по воротам и промахнулся.

— Ва, Магомет,— окликнул я капитана снова,— ты лучше сразу скажи: играю я в воскресенье?

Магомет пожал плечами.

— Вот пристал! Если Хасан из седьмого «А» уедет в гости к дяде — дядя у него в Джерахе живет,— будешь играть на левом краю...

Два часа я бегал по полю и гонял мяч, пока меня не подковали. Прихрамывая, я отправился домой.

Дома я поел и, не найдя, чем бы заняться, вышел к калитке.

Улица была пустынна. Вдруг из-за поворота вынырнул Касум, который год назад работал мельником, а теперь переведен в полеводческую бригаду. Заметив его, я шмыгнул во двор,— у нас с Касумом старые счеты, и я его побаиваюсь.

— Ва, Гапур,— окликнул меня Касум,— я слышал, твоя бабушка продает осла?

Мне показалось, что Касум нарочно так говорит — насмехается. Откуда у нас осел? Я ослов терпеть не могу. Лошади — это другое дело! Я когда на них гляжу, у меня в горле щекотать начинает — так мне хочется вскочить в седло и помчаться наперегонки с ветром!

— Нет у нас никакого осла! — сказал я, глядя на Касума с откровенной злостью.— Ничего мы не продаем!..

Когда он, круто повернувшись, зашагал к своему дому, я побежал к бабушке.

— Только сейчас приходил Касум! Он спрашивал, не продаем ли мы осла...

— Касум? — Бабушка покачала головой.— Интересно...

— Что — интересно? — спросил я.

— Интересно, откуда он узнал, что я продаю осла?

— Но ведь у нас нет осла! — воскликнул я.

— Есть,— ответила бабушка.

— Откуда он взялся?

— Это осел моего внучатого племянника,— начала объяснять бабушка.— Племянник через неделю уезжает на це-

лый год в Казахстан, работать там будет, вот он и отдал мне осла... А зачем мне осел? Продам его — и дело с концом...

— Интересно, — сказал я.

— Что — интересно? — спросила бабушка.

— Интересно, как же Касум узнал, что ты продаешь осла, если я об этом не знал?..

Бабушка пожала плечами.

— Я тоже удивляюсь, ведь я никому, кроме Жовхар, об этом не говорила...

Я снова вышел за калитку и, устроившись на лавочке, стал вспоминать, как Касум из мельника превратился в простого полевода.

Дело было в прошлом году. Понадобилось бабушке помолоть пшеницу, которую маме выдали на трудодни. Бабушка привезла мешок пшеницы к Касуму и, ни слова не говоря, принялась втаскивать его на весы. Тут Касум и сказал, что взвешивать пшеницу не надо.

— Сорок килограммов муки тебе хватит? — спросил он, поглядывая на мешок и прикидывая, сколько в нем.

Бабушка сначала не поняла его хитрости.

— Разве я не могу получить столько, сколько выйдет из всей пшеницы?

Касум пренебрежительно махнул рукой: вот, мол, навязалась на мою голову, от дела отрывает.

— Не тяни резину, тетушка Хагоз, — грубо сказал он. — Высыпай свою пшеницу и набери вон из того ларя сорок килограммов муки. — И Касум отвернулся, показывая этим, что вести дальнейший разговор не намерен.

Но бабушка не думала уступать мельнику. На каждую косу ведь найдется камень, и вот таким камнем она стала для Касума.

— Ты что, ишачьих мозгов объелся? — повысила голос бабушка. — Почему это за полный мешок пшеницы я должна получить всего сорок килограммов муки?..

Меня на мельнице не было, и я не знаю, что дальше говорила бабушка Касуму. Но я верю ее словам, когда она рас-

сказывает, будто закатила мельнику такой скандал, что ему небо с овчинку показалось. Вам же известно, как здорово работает язык у бабушки, коли ее рассердишь!..

Прошло два месяца. Бабушка теперь то и дело честила Касума вором и мошенником. Если она слышала его имя, она тут же ввязывалась в разговор:

— Божий гнев когда-нибудь обрушится на землю, по которой ходит этот вор и мошенник!..

Как-то я сказал бабушке:

— И зачем ты ругалась с Касумом? Пошла бы лучше к председателю колхоза. Не хотела идти к председателю — поговорила бы с дядей Абу, как-никак он в колхозе главный бухгалтер!..

— Только этого мне не хватало,— усмехнулась бабушка,— на старости лет жалобщицей стать.— Затем, взглянув на меня, сердито заговорила: — Ты думаешь, я такая беспомощная, что не справлюсь с вором и мошенником без помощи председателя колхоза или главного бухгалтера? — Тут она посмотрела на меня с таким вызовом, словно не я перед ней стоял, а мельник Касум.— Жаловаться — значит показывать свою слабость! Нет, это не по мне! Слава аллаху, я не из тех, кто вымаливает правду и справедливость: я сама их добыть могу!..

Бабушка говорила, что божий гнев обрушится на землю, по которой ходит Касум, но шли дни, и никакого гнева с неба не падало, и мельник два раза в день преспокойненько шествовал мимо нашего дома — утром на работу, вечером с работы.

Надо сказать, что, узнав, как Касум хотел обмануть бабушку, я тоже невзлюбил его. Встречая мельника, я обязательно старался открыть в его лице и фигуре какие-нибудь неприятные черточки. И, верите ли, легко находил!

Мне не нравились глаза Касума — маленькие, белесые; но главным был не цвет глаз и не размер, а то неприятное выражение, которое стояло в зрачках, когда мельник разговаривал с людьми,— казалось, он только и ждет чужой ошибки,

чтобы обхитрить, облапошить, обворовать тебя. Руки у него были тоже неприятные — толстые, короткие, с крупными пальцами, всегда согнутыми грабелями; можно было подумать, что Касум нацелился на поживу и с минуты на минуту цапнет ее.

Если б бабушка не поспорила с мельником, я бы и тогда глядел на него с неприязнью. А за что любить Касума — за обманные глаза и загребушие руки?!

В общем, мне хотелось ему отомстить. Но как? Будь на его месте какой-нибудь мальчишка, я бы задал ему хорошенько — и порядок. С Касумом же в открытую столкнуться я не мог: силы у нас разные.

И вот этой зимой маме пришло письмо от дальнего родственника. Живет он где-то на Камчатке. Так вот, родственник этот забыл почему-то наклеить марку на конверт, и маме пришлось доплатить за письмо целых десять копеек.

«А что, если посылать доплатные письма мошеннику Касуму? — мелькнула у меня мысль. — Ведь каждый раз ему придется платить десять копеек! Хорошо придумано!»

Я мог бы посылать мельнику просто пустые конверты. Но тогда он не понял бы значения этих посылок. А дело было не только в том, чтобы Касум истратился. Я хотел лишний раз дать ему понять, что он жулик и что людям это известно.

В первый конверт я вложил записку такого содержания: «Плати даром-шаром десять копеек. У тебя денег много. Ты на мельнице муку воровал».

Прошло несколько дней. Как-то выглянул я в окно, гляжу: идет Касум. Лицо у него важное, хитрая усмешка на губах, будто на мое доплатное письмо ему сто раз наплевать. Разозлило меня это. Я тут же сел к столу, написал Касуму сразу пять записок со словами: «Плати даром-шаром десять копеек. У тебя денег много. Ты на мельнице муку воровал». В тот же день и отправил пять доплатных писем.

Скоро в ауле все заметили: с мельником творится что-то неладное. Он ходил по улицам, прижимаясь к плетню, ис-

пуганно оглядываясь. Когда кто-нибудь окликал его, не отзываясь, а переходил на скорый шаг, стараясь побыстрее скрыться.

Правда, к одному человеку он все-таки подошел. К нашему учителю, Гамиду Башировичу. Подошел и тихо так спрашивает:

— Вот вы все науки превзошли, тогда скажите мне, что это такое — «даром-шаром»?

Ничего не мог ответить учитель. Я ведь эти слова сам выдумал...

Потом Касум начал допрашивать нашего почтальона, дядю Бекмурзү: не знает ли он, какой шайтан засыпает его доплатными письмами?

Почтальон у нас мужчина строгий и немногословный. Он ответил Касуму, что существует тайна переписки и ему ни к чему знать, кто пишет эти письма: достаточно того, что он знает, кому они адресуются. И, ответив так, он потребовал у Касума тридцать копеек за очередные три письма...

За полтора месяца я отправил в адрес мельника шестьдесят доплатных писем. Что творилось с Касумом, вы и представить себе не можете! Он похудел, его маленькие глазки стали еще меньше. Если недавно он бегал от людей, то сейчас, наоборот, останавливал знакомых и незнакомых. Суетясь и разводя руками, похожими на клешни рака, он жаловался на судьбу и показывал всем мои письма. Их собралась уже толстая-претолстая пачка.

— За что надо мной издеваются? — восклицал Касум, показывая письма собеседникам. — За что? Ну, взял я с мельницы пару мер сорной муки, мои женщины из нее болтушку для ягнят делали. Винюсь — было! Я в правление ходил, сказал там, что признаю свою ошибку... Чего ж от меня теперь хотят? Чтоб я наизнанку вывернулся? — Касум втягивал голову в плечи. — Да еще пишут в письмах обидные слова «даром-шаром». Что это такое — «даром-шаром»?..

Вскоре Касума сняли с должности мельника и определили в бригаду полеводов...

Я долго не говорил бабушке о том, что являюсь автором доплатных писем. Но однажды не вытерпел и рассказал. Ах, как она смеялась! Я никогда не видел, чтобы бабушка так смеялась, честное слово! Из глаз у нее потекли слезы, а морщинки, собравшиеся на щеках, поскакали по всему лицу...

Но, насмеявшись вволю, бабушка принялась, как обычно, ругать меня. Она говорила: если Касум дурной человек, мне совсем не обязательно брать с него пример и уподобляться ему. Чтобы укорить меня, бабушка даже привела ингушскую поговорку: «Плохая собака исподтишка кусает».

Я молчал и не спорил. Я понимал, что было бы честнее и благороднее высказать Касуму всю правду в лицо, — бабушка ведь так и поступила. Однако у меня были кое-какие оправдания. В конце концов, что можно бабушке, того нельзя мне. Ей Касум ничего не мог сделать, когда она назвала его вором и мошенником. А мне бы уши оторвал! Это уж точно. Так что хочешь не хочешь, пришлось кусать мельника исподтишка...

И вот теперь этот Касум хочет купить у нас осла!

Не знаю, зачем осел ему понадобился. Но раз понадобился — пусть покупает! Я не против. Даже наоборот. Ведь я уже вам говорил: я ослов терпеть не могу. А Касум, наверное, их любит. Во всяком случае, меня теперь никто не называет «ослятником», а Касума могут назвать...

ТРЕТИЙ ДЕНЬ КАНИКУЛ

Мама была на работе. Бабушка вдруг сказала, что пойдет за ослом к внучатому племяннику.

Уже целый час я бродил по дому, придумывая для себя интересное занятие.

Я побывал на кухне. Потом прошел на веранду. И, в конце концов, очутился в бабушкиной комнате. И только я сюда заглянул, как на глаза мне попался папин портрет...

Вы думаете, я забыл, какая чудесная мысль пришла мне в голову, когда мы с Сулейманом рассматривали его альбом? Совсем нет! Но я хорошо понимал, что без фотографа осуществить мой замысел невозможно. Выход был один — терпеливо ждать счастливого случая, когда мама или дядя Абу соберутся в Грозный и возьмут меня с собой. И если так случится, мне сделают в Грозном портрет, на котором я буду сидеть рядом с папой, это уж точно!..

Раньше, глядя на портрет, висевший в бабушкиной комнате, я видел только лицо папы — тонкое, как у бабушки; я рассматривал его глаза, губы, широкие плечи, охваченные солдатской гимнастеркой. И больше мне не надо было ничего!

Но сейчас я заметил, что вокруг фотокарточки отца есть картонные поля. Зачем бабушка оставила такие большие поля? И тут меня будто током ударило, я подумал: «Надо нарисовать на этих полях маму, бабушку и себя! Учитель по рисованию слишком придирчив, на самом деле я владею карандашом лучше многих! Была не была, попробую сделать семейный портрет, и не какой-нибудь, а в красках!»

Я был доволен, что дома никого не оказалось, — работа у меня пойдет без помех.

Конечно, можно было бы сделать групповой портрет и при бабушке. Но тогда сюрприза не получится! А мне хотелось удивить бабушку. Я представлял себе, какой радостью осветится ее лицо, когда она увидит всех нас вместе — папу, себя, маму и меня. И, предугадывая это, я разложил на столе целый набор цветных карандашей...

Через мгновение портрет лежал передо мной. Надо сказать, что карточка папы была небольшая, не больше блюдца. Но карточку я трогать не собирался. Вся моя надежда была на картонную подложку; свободные, чистые поля картона давали мне возможность разместить рядом с папой всю нашу семью.

Первой следовало рисовать бабушку. Но куда ее посадить? По старшинству она в семье первая. Коли так, она

должна находиться справа от папы. Но где это «справа»? Если глядеть на портрет, «справа» будет слева. А если представить себе, что сидишь на месте папы? Тогда «справа» перескочит! Что за чепуховина!

Я подумал, как будет глядеть на групповой портрет бабушка. Она обязательно станет лицом к папе. Выходит, надо нарисовать ее по левую руку от папы, то есть справа от меня...

Очень хорошо!

Я взялся за карандаш, но тут же придержал руку. Опять задачка! Если посадить бабушку около папы с одной стороны, а маму — с другой, где сяду я? Мне хотелось быть рядом с отцом. Честно говоря, ради этого я и взялся за групповой портрет. А что получается? Не желая обидеть бабушку и маму, я должен поступиться собственным желанием. Обидно...

Кого же отодвинуть, чтобы сесть рядом с папой? Бабушку? У меня даже сердце ёкнуло, когда я представил себе, как бабушка встретит это решение. Нет, бабушку лучше не трогать! Значит, придется потесниться маме? Но обижать маму я тоже не решался.

Пораздумав, я пришел к выводу, что есть еще одна возможность устроиться около папы. Надо нарисовать себя, выглядывающим из-за папиного плеча! Правда, тут был большой минус. Голова моя будет видна, а новые желтые ботинки на микропористой подошве, которые мама купила мне к Первому мая, видны не будут. С потерей ботинок я лишился многого.

Все эти непредвиденные обстоятельства совершенно сбили меня с толку. Быть может, оставить эту затею? Я встал и прошелся по комнате. Зацепил угол толстой дорожки и услышал, как что-то звякнуло. Нагнувшись, я заметил монетку, подаренную мне зимой Сулейманом, — вот она куда спряталась, а я искал. Монетка была дореволюционная: одна ее сторона совсем стерлась, на второй виднелся двуглавый орел...

Эта монетка и подсказала мне, что делать...

Мы с ребятами в разные игры играем. И считалок у нас много. Вот одна такая — ингушская:

Дуга, дуга,
Да дуга,
Сийна сыгал,
Іаьржа лаятта,
Цо вузове дугурхо! ¹

А вот другая — мы ею чаще пользуемся:

На золотом крыльце сидели:
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной...
А ты кто такой?

Эти считалки хороши только для куллы, альчииков и пряталок. Когда надо разрешить какой-нибудь спор, в ход идут спички и монетки.

Монетка Сулеймана навела меня на мысль разыграть местечко около папы между мной и мамой. Все честно: кто счастливее — тому и повезет!

Я загадал «орла», закрыл глаза, чтобы не помогать монетке даже взглядом, и бросил ее в воздух. Раздался звон, смягченный тканью дорожки. Я стоял, боясь открыть глаза. Потом, не выдержав, открыл.

— Эх! — горестно воскликнул я.

Вы уже поняли: монетка лежала «орлом» вниз! Мама выиграла! Она оказалась счастливее меня: ей было предназначено сидеть рядом с папой!

Пробежала в голове мысль, словно черная тень. Не говорить маме, что я бросал монетку, а просто посадить ее подальше, — она меня любит и не станет сердиться. Трудно было удержаться, чтобы не позвать эту мысль обратно. Но я все-таки удержался. И то, что я сумел отказаться от чужого счастья, не склонился перед ложью, обрадовало меня...

---

¹ Трудно переводимая игра слов; примерный смысл такой: «Рис, рис, крестьянский рис. Голубое небо, черная земля, накормить хоть одного!»

Долго пришлось мне трудиться, чтобы групповой портрет вышел красивым и точным. Немало я попотел, прежде чем справился с одной бабушкой. Сходства лица я не добивался — уловить его было трудно. Однако глаза у бабушки вышли похожими. Такие глаза были у нее, когда она, выйдя от Жовхар, сетовала, что я раньше времени сведу ее в могилу.

Бабушкину одежду я передал с большой точностью. Правда, получилось это после многих переделок. Дело в том, что рукава темного платья, любимого бабушкой, вышли сначала очень длинными. Я стер излишки. Теперь рукава были короткими, и бабушкины руки торчали из них, как неприкрытые палки чучела. Но все-таки я своего добился: рукава стали нормальными...

Потом я чуть не ахнул от досады, когда увидел, что нарисовал бабушку без шали. Как все пожилые ингушки, она всегда ходит в шали. Это был бы скандал, если б она увидела себя с непокрытой головой! Исправляя ошибку, я наградил бабушку красивой шалью — она была гораздо красивее настоящей.

Над головой бабушки я написал: «Бабушка». Сейчас любой грамотный человек мог понять, что перед ним не мама, не тетя Напсат, а именно бабушка...

Теперь надо было заняться мамой. Тут дело пошло лучше. Заминка получилась только тогда, когда настала очередь рисовать туфли.

У мамы несколько пар туфель. Друг от друга они отличаются цветом, формой и высотой каблука.

Больше всех мне нравятся туфли, похожие на мячи¹, — у них подошва прямо в бортики переходит. Сверху на этих туфлях красивые фигурные вырезы...

Сапожникам, наверное, легче было сшить эти туфли, чем мне их нарисовать! Но вы же знаете: карандашом я все-таки неплохо владею и с делом справился! Совсем неплохие туфли получились — как настоящие, с круглым бортиком и фигурным вырезом наверху...

---

¹ М я ч и (инг.) — туфли из сафьяна с мягкой подошвой.

У мамы над головой тоже появилась надпись: «Мама».

За правым папиным плечом я нарисовал себя. Не всего, конечно, а только по пояс. На это ушла одна минута. Круглое лицо и несколько веснушек на носу, чубчик, два глаза, две руки — долго ли рисовать!

«Все! — облегченно и радостно вздохнул я. — Готово!»

Я повесил портрет на законное место в бабушкиной комнате. Потом стал напротив, любуясь своей работой. Красивый портрет получился! Честное слово, если б его переснимал фотограф из Грозного, вышло бы хуже! Я ежеминутно находил в портрете все новые и новые достоинства. То восхищался бабушкиной шалью, на которой искусно были нарисованы квадратики и ромбики, то хвалил себя за отделку маминого платья, — по-настоящему у мамы на платье никакой отделки нет, а я набросил на платье кружева и гирлянды диковинных цветов.

На фоне разодетых бабушки и мамы я выглядел пастухом. Не надо было, конечно, рисовать себя в старой школьной гимнастерке, — обычно я надевал ее только дома, возвратившись с уроков. Гораздо приятнее было бы красоваться в новой курточке, купленной мне дядей Абу...

И тут я растерянно замер. Дядя Абу — но ведь я забыл нарисовать его! Вай, что за память у меня?! Не память, а луттарг! ¹

«Куда же поместить дядю?» — мучительно думал я.

Дядя старше мамы, и почетнее было бы устроить его рядом с папой. Но для этого пришлось бы все делать заново.

«Не буду, — решил я. — Нарисую дядю Абу над левым папиным плечом».

В жизни дядя Абу высокий и худой. Голова у него маленькая. Он носит усы, а редкие волосы зачесывает на пробор. Но во всех этих приметах ничего особенного нет. А есть у дяди Абу примета удивительная — его пальцы. Вы бы посмотрели на эти пальцы и вовек их не забыли! Длин-

---

¹ Луттарг (инг.) — цедильник для процеживания молока; род сита.

ные-предлинные и все в утолщениях, словно ряд косточек на бухгалтерских счетах.

Дядя Абу гордится своими пальцами. Они у него здорово к канцелярской работе приспособлены. Во-первых, двумя пальцами он сразу захватывает все десять косточек на проволочке. Во-вторых, утолщения помогают ему одновременно двигать косточки, на которых единицы отсчитываются, и те косточки, на которых ведется счет десяткам, и наконец, те косточки, которыми сотни определяют...

Рисуя дядю, я старался не отступать от оригинала, — наметил циркулем круглую голову, потом разделил волосы на пробор и даже украсил китель двумя красными полосками — свидетельство того, что на фронте дядя Абу был дважды ранен. Об утолщениях на пальцах я тоже не забыл.

«Вот теперь вся родня вместе!» — сказал я себе, счастливо улыбаясь.

Хорошее дело сделал! Мне пришло в голову, что такое дело украсит графу «Приход» в «Амбарной книге». «Вечером надо будет записать», — подумал я.

«Вся родня!» — повторил я, любуясь портретом.

Но разве это вся родня? А мамин папа — дедушка Сайд? А младший брат мамы и дяди Абу — буровой мастер нефте-разведки Тимур? А жена Тимура — геофизик Айшá? А внучатый племянник бабушки, из-за которого она недавно устраивала той и который подарил нам сейчас осла? А папин двоюродный брат — майор авиации Темирсултáн? А жена Темирсултана — Анна Николаевна?

Я перевел дух. Ну и родственников у нас! Разве все они уместятся на портрете? Конечно, если рисовать только головы, причем делать эти головы не больше пуговиц, тогда, может быть, уместятся.

Однако список родственников на Анне Николаевне не кончался. Откуда-то выплыло имя Даўда. Кто он такой, этот Дауд? То ли троюродный племянник бабушки, то ли двоюродный племянник мамы? Потом вспомнилась Савдáт. В памяти удержалось ее широкое лицо с бородавкой на ще-

ке. Но кем приходится Савдат мне, бабушке и маме — хоть убей, я вспомнить не мог!..

За Савдат родственники повалили пчелиным роем: дядя Бийбёрд, тетя Яха, брат Усмáн, сестра Хамсáт, дядя Жамбóт, тетя Гошмáха, дедушка Гири́...

«Постой, постой,— остановил я себя.— Этот дедушка Гири мне совсем и не дедушка. Он мне троюродный брат, хотя и старый...»

Тут я понял: с нашим тайпом¹ лучше не связываться — если всех рисовать, никакой бумаги не хватит!

Я снова повесил портрет на стену и, с трудом оторвавшись от него, принялся с нетерпением ждать прихода бабушки и мамы. То-то они удивятся! И, может быть, наконец, вместо обычного «дуралей» я услышу от бабушки: «Джигит!»

А что, разве я не достоин похвалы? Достоин! Такого хорошего семейного портрета нет ни у кого в нашем ауле!..

На улице громко закрипела калитка. Послышался раздраженный голос бабушки:

— Куда тебя несет, шайтан проклятый?

Я насторожился. Любопытно, кого это еще бабушка кличет шайтаном?

— Чтоб ты пропал! — продолжала горячиться бабушка.— Чтоб тебе не видеть счастливого дня! Измучил совсем... И зачем только я согласилась взять тебя? Ничего, будешь под рукой вора и мошенника Касýма — станешь как шелковый...

«Бабушка осла привела», — догадался я.

МЕНЯ НАДО ВОСПИТЫВАТЬ

Все получилось не так, как я задумал. Бабушка и мама даже не догадались посмотреть на групповой портрет. Обе, не успев появиться, своими делами занялись. Бабушка разо-

---

¹ Т а й п (инг.) — род, или, как часто говорят ингуши, фамилия.

жгла огонь в очаге, потом отправилась в хлев, и вскоре оттуда донеслось: «Стой! Вот упрямый шайтан! Сказано тебе, стой на месте!» Это она воевала с ослом.

Мама взглянула на меня мельком и спросила:

— Ты не заболел, сынок?

Наверное, вид у меня был усталый и в глазах расстройство, вот она это и заметила.

— Нет, — ответил я.

— А что делал сегодня?

— Ничего особенного... Рисовал...

Я надеялся, что хотя бы сейчас мама сделает шаг мне навстречу, спросит, что именно я рисовал. Тогда можно будет ответить. Конечно, сюрприза уже не выйдет. Ну и пусть! В конце концов, я не виноват, что бабушка и мама замечают у меня только плохое, а хорошее — хоть ты что! — не видят.

Но готовый ответ так и не сорвался с моего языка. Мама больше вопросов не задавала. Она занялась шитьем.

Чуть позже на улице послышались тяжелые шаги, и в дверях появился дядя Абу.

— Добрый вечер, — поздоровался он и окинул быстрым, хозяйственным взглядом всю «залу», словно проверял — на месте ли буфет, точно ли посередине лежит дорожка и не подевалась ли куда-нибудь наша люстра.

Видно, никаких плохих перемен он не заметил. Тогда он прошелся по комнате, приминая дорожку большими ботинками, как бы между прочим отвел в сторону одну из занавесок, закрывавших вход к бабушке, и заглянул туда.

Я замер. На лице у меня сама собой появилась улыбка: наконец-то сейчас дядя увидит групповой портрет и ахнет от восхищения!

— Что такое? — сказал дядя. — Кто это испортил портрет?

Он произнес эти слова совсем тихо, но они отдались во мне громом. Испортил? Почему испортил? Что это дядя Абу говорит?

— Ва, женщины, идите сюда! — уже громче произнес дядя Абу. Он волновался и из-за этого теребил свой ус.

На одну минутку я ослеп и оглох. Мне показалось, что я падаю вниз, лечу в темном, густом, как кисель, пространстве.

Но вот мгла разорвалась, и в чистом просвете возникли лица бабушки, мамы и дяди Абу.

Только сейчас все занимались своими делами. Только сейчас в доме царила тишина, нарушаемая лишь приглушенным стрекотанием маминой машинки. Теперь бабушка, мама и дядя Абу выглядели совсем по-иному. Я не могу описать их, потому что в тот момент три лица слились для меня в одно — грозное и безжалостное. И речи бабушки, мамы и дяди Абу тоже слились. Какое-то время я не мог разобрать, кто называет меня шайтаном, а кто обещает спустить шкуру.

Наконец они заговорили по очереди. Впрочем, точнее было бы сказать, что говорила одна мама, а бабушка и дядя Абу кричали, — первая погромче, второй потише.

— Как ты мог сделать такое? — спросила мама.

— Да с тебя за это надо шкуру спустить, гяур проклятый! — кричала бабушка. — У меня единственная память о сыне — этот портрет! — И ты — шайтан водил твоей рукой — испортил его! Я знаю свою вину — я слишком часто прощала тебе! Но сейчас не прощу!..

— Теперь я вижу, что с тобой надо разговаривать по-другому! — подхватывал дядя Абу. — Это уже не шалость, это просто хулиганство! Ты должен ответить за свой проступок...

У меня вырвалось:

— Я хотел... Я думал...

Мне многое хотелось сказать в эту минуту. Я надеялся убедить бабушку, маму и дядю, что с портретом отца ничего страшного не произошло. Наоборот, сейчас он гораздо лучше. Папе на карточке было одиноко. А теперь нет, теперь ему веселее: рядом с ним его нани, моя мама и я, рядом дядя Абу — все близкие, все родные. Разве это плохо?

Так я думал. И если б сумел стройно и понятно это пе-

рассказать, наверное, бабушка, мама и дядя Абу поняли бы меня. Но вместо нужных слов мой язык молот какую-то чепуху. Казалось, он делает это нарочно, желая насолить голове, думавшей правильно и четко.

— Я не знал... Я думал...

— Что ты не знал? — подступала ко мне бабушка. — Ты не знал, что нельзя портить самую дорогую для меня вещь? — Она махнула рукой, словно нанося удар. — А надо было знать! Для чего тебе дана голова, отвечай?

— Чтобы думать, — ответил я.

— Молчи! — закричала бабушка.

— Ты же сама сказала: отвечай...

— Это я не тебе сказала!

— А кому же? — спросил я.

— Хорошо, слушай, это я говорю только тебе: все лето ты просидишь дома! — Бабушка обернулась к маме и дяде Абу, будто искала их поддержки. Дядя кивнул, а мама — нет. — Забудь свой футбол-тотбол! На Сунжу — ни ногой! Даже к Сулейману тебя не пущу... Аллах свидетель, если я сказала, что будет так, — так и будет!

Дядя Абу снова кивнул. Ему нравилась строгость бабушки.

— Правильный вывод, Хагоз, — заметил он и, посмотрев на меня, спросил: — А все-таки интересно, чем ты руководствовался, когда портил портрет?

Я пожал плечами.

— Улавливаешь мою мысль? — Дядя недовольно хмыкнул и сделал правой рукой такое движение, будто крутил арифмометр. — Ты взялся за карандаш со злым умыслом? У тебя были плохие намерения?

— Ну, при чем здесь злой умысел? — вмешалась мама. — Гапур просто не подумал...

— Я думал, — сказал я.

— Видишь, он думал! — торжествуя, воскликнул дядя Абу. — А раз думал, значит, был какой-то умысел.

— Был, — признался я, и в горле у меня что-то всхлип-

нуло. — У нас нет фотографии, где мы вместе с папой сняты... А у Сулеймана есть...

— Ну и что же? — спросил дядя Абу. — Это еще не мотивировка!

В глазах у мамы будто птица пронеслась. Потом лицо ее странно скривилось, и по щекам, набирая скорость, понеслись слезинки. Не знаю, заметил это дядя Абу или нет, а я заметил.

Но понял я маму по-своему. Словно какая-то перегородка сломалась у меня в горле, и я заговорил так понятно и так легко, будто всю жизнь к этому готовился:

— Не надо, нани... Я хотел, чтобы лучше было, а вышло — хуже... Я подумал: папе на карточке одиноко. А с нами ему веселее... И нам веселее с папой, правда?

— Правда, — тихо сказала мама и вдруг улыбнулась. Она так хорошо улыбнулась, словно погладила меня.

— А если вам не нравится, как я вас нарисовал, — я посмотрел сначала на бабушку, потом на дядю Абу, — можно картон сменить. Карточку ведь я не тронул...

Бабушка вздохнула.

— Хоть ты и дуралей, — сказала она, — а все-таки догадался выбрать для меня почетное место. Обычаи наши знаешь: кто старше — тому почет и уважение!.. Только почему злые глаза мне нарисовал? — Бабушка встала и, отогнув занавеску, заглянула в свою комнату. — Зато шаль вышла как настоящая! И платье мое любимое не забыл...

— Я с этим платьем знаешь как намучился, — заговорил я. — Одни рукава целый час делал.

Бабушка повернулась ко мне.

— Ты что, жалеешь об этом? — строго спросила она. — Целый час, видите ли, на меня потратил! А что я на тебя всю жизнь потратила, ты это не считаешь?

— Считаю, — поспешил вставить я. — Все, что ты делаешь, я считаю!

— Дай бог, чтоб так было, — сказала бабушка. — Только не очень-то я тебе верю...

Дядя Абу покрутил свой ус и направился в бабушкину комнату. Он постоял там минутку. Потом выглянул и спросил у меня:

— Так, а где же я?

— Разве не видите? — Я приблизился к дяде и кивнул на портрет. — Вы из-за папиного плеча выглядываете. И пальцы у вас похожие...

Вы же помните, сколько я над дядиными пальцами потрудился. Мне хотелось, чтобы утолщения, которыми дядя гордится, были особенно видны. И они были хорошо видны!

Дядя хмыкнул. Лицо у него осталось строгим. Брови были насуплены, и усы, загибающиеся вверх на манер турецкой сабли, делали его особенно грозным.

Я ж вам говорил: у дяди Абу вообще очень серьезный вид. Мне, например, не приходилось видеть, чтобы он смеялся. Он смотрит на людей так строго, будто хочет спросить: правильно ли они живут, не делают ли ошибок и как у них с приходом и расходом?

По дядиному лицу трудно понять, что он думает. Он своих чувств не выдает. И сейчас я не мог понять, какие мысли у него на уме.

— Пальцы мои, — с оттенком гордости произнес дядя Абу. — А где усы?

Вот беда — усы-то я и забыл нарисовать! А ведь своими усами дядя гордится ничуть не меньше, чем пальцами, приспособленными для работы на бухгалтерских счетах.

— Так где ж усы, я спрашиваю? — повторил вопрос дядя Абу.

— Забыл я их нарисовать, — сказал я.

Видно, отсутствие усов окончательно определило отношение дяди Абу к моей работе: портрет ему не нравился. И поскольку это было так, он выступил с целой речью:

— Если уж браться за создание такого произведения, — дядя повел рукой в сторону портрета, — то надо было предварительно обсудить этот вопрос со мной. — Он оглянулся на бабушку. — С уважаемой Хагоз... В конце концов, даже

со своей мамой мог бы посоветоваться. Но ты пренебрег мнением близких и, конечно, испортил все дело... Улавливаешь мою мысль?

— Не улавливаю, — сказал я.

— Бабушка правильно заметила: ингуши чтят старших. И ты хорошо сделал, что дал уважаемой Хагоз почетное место. Она сидит рядом с сыном. — Дядя Абу передохнул и покрутил свой ус, собираясь с мыслями. — Но где ты поместил меня? Ты поместил меня сзади! Ты не догадался дать мне такое место, чтобы я был рядом с шурином и чтобы я весь был на виду. Кроме того, ты забыл, что я ношу усы. Это уж совсем непростительная ошибка!.. Ничего не поделаешь, придется снять картон и переклеить фотографию твоего отца. Будет тебе наука! В следующий раз, прежде чем браться за такое дело, посоветуешься со мной...

Я молчал. Мама тоже молчала. Но я заметил, как смеются ее глаза. Я сначала не понял, почему они смеются. И правда, чему улыбаться? Меня ругают, а она улыбается, — обидно даже. Но потом у меня мелькнула мысль, что мама смеется не надо мной, а над дядей Абу. Прервать старшего она не могла. Вот она и сказала мне всё смешинками в глазах.

Еще недавно я слушал дядю Абу серьезно и внимательно. Я так переживал, что порой горлу становилось душно. Мне было жалко до слез своей работы: надо же, я старался изо всех сил и, если говорить правду, все мои рисунки, вместе взятые, не стоили нынешнего!

Конечно, в семейный портрет проскочили кое-какие ошибки. Я, например, не нашел достойного местечка для того, чтобы устроить дядю Абу. Я забыл нарисовать ему усы. Ну и что? Разве из-за двух-трех промашек надо губить большую и хорошую работу?

Я думал так до тех пор, пока не увидел смешинки в маминых глазах. А как их увидел — все изменилось. Я уже не принимал всерьез нахмуренных бровей дяди. Его суровый вид не пугал меня. И то, что он говорил сейчас, не казалось мне страшным, а казалось скучным.

Спасибо маме, она мне очень помогла!

— Да, советоваться со старшими надо,— сказала бабушка, глядя почему-то не на меня, а на дядю Абу.— Вот я тебе тоже посоветую: если хочешь быть похожим на свой портрет, сбрей усы...

Дядя Абу даже привстал.

— Такая умная женщина, а говоришь бог знает что!

— Что же я особенного говорю? — Бабушка развела руками.— Я дело говорю!

— Усы — признак мужского достоинства,— торжественно заговорил дядя.— Усы — это...

— Не голова! — прервала его бабушка.— Вот наш председатель колхоза Магомет, он ходит без усов, но кто посмеет сказать, что он не мужчина? А учитель Гапура? Уважаемый человек, достойнейший среди достойных, но усы он давно сбрил, и из-за этого он в моих глазах чести не потерял...

— Да что ты пристала ко мне с этими усами? — вскричал наконец дядя Абу.

— Это не я пристала к тебе, а ты пристал к Гапуру,— отпаривала бабушка.— Ты хочешь переклеить картон, на котором Гапур нарисовал меня, мою сноху, себя и тебя? А я не хочу! Аллах свидетель, сейчас мне портрет стал еще дороже!

Дядя Абу усмехнулся и дернул себя за ус.

— «Стал дороже»...— насмешливо повторил он.— Конечно, дороже! Ведь за новый картон надо отдать по крайней мере рубль...

— Я скопил четыре рубля. Пожалуйста, берите все!

Сказав это, я посмотрел на бабушку: раз она помогает мне, я должен хоть немного помочь и ей. Довольна она моим ответом?

— Ты молчи! — накинулась на меня бабушка.— Я как-нибудь разберусь без тебя! — Теперь она смотрела на дядю.— Пусть мне даже приплатят за новый лист картона — я его не возьму! Меня устраивает и старый... Ведь стыдно

сказать: за всю свою жизнь я ни разу не сфотографировалась вместе с сыном!.. А теперь я с ним на одной карточке! И сноха рядом с нами, и мой внук, и ты. Вот это мне дорого — дороже всего на свете!..

Дядя Абу глубоко вздохнул и сделал рукой такое движение, будто крутил арифмометр.

— Не в портрете дело, уважаемая Хагоз,— заговорил он.— Ну, как ты это не можешь понять?

— А в чем же? — спросила бабушка.

— В том, что Гапур делает все, что взбредет ему на ум! Он нерасчетлив, непрактичен, у него нет выдержки...

Теперь дядю нельзя было остановить. Он все говорил и говорил, будто хотел засыпать нас всех словами. Если верить дяде Абу, меня до сих пор никто по-настоящему не воспитывал. А воспитывать было надо! Потому что, если сейчас не взять меня в твердые руки и не направить на верный путь, я пропаду окончательно. Дядя вспомнил все мои проступки, даже прошлогодние. Как я швырял камешками в окно кузнеца Исáпа. Как привязал к ноге соседского козла веревочку с пустой консервной банкой. Как спрыгнул с крыши хлева с маминим зонтиком и растянул связки на ноге...

— Сегодня я констатирую: Гапур совершенно вышел из рамок! — воскликнул напоследок дядя Абу.

— Мудреные слова говоришь.— Бабушка покачала головой.— Будто на собрании в клубе. А того не хочешь понять, что Гапур еще мал и спрашивать с него, как со взрослого, нельзя.— Она встала.— Ну, поговорили, и хватит! Другие дела есть...

— Подожди, подожди, Хагоз,— попытался остановить ее дядя.— Надо закончить одно, а потом приниматься за другое...

— Что еще? — недовольно спросила бабушка.

— Как же быть с портретом?

— Оставляю такой как есть,— сказала бабушка, и вдруг ее тонкое лицо озарила улыбка.— Гапур хорошо мне шаль нарисовал. Да и ты на портрете словно живой... А усы Га-

пур дорисует.— Она обернулась ко мне.— Ты, Гапур, постарайся и нарисуй своему дяде красивые и пушистые усы. Ведь твой дядя — настоящий мужчина, а настоящий мужчина с усами еще мужественнее, еще благороднее!

— Нарисую,— сказал я.

— Вот и хорошо! — воскликнул дядя, приосаниваясь и поглаживая усы.— От ошибок никто не застрахован, но важно уметь исправлять свои ошибки!

— Это верно,— сказала бабушка.— Ведь не зря говорят: и хороший конь спотыкается...

— Кстати, Гапур, не забудь внести соответствующие записи в «Амбарную книгу»,— вспомнил дядя Абу.

Я кивнул:

— Внесу...

Вскоре дядя ушел. Мама снова взялась за свою машинку — она уже неделю назад начала шить себе новое платье, но никак не могла кончить его. Бабушка гремела кастрюлями на кухне. Потом выглянула и позвала меня согнутым пальцем.

— Что, бабушка, воды принести? — спросил я. Сейчас я был готов сделать для нее все, что бы она ни пожелала.

Но бабушка отказалась от моей помощи.

— Дуралей ты, дуралей! — заговорила она, смотря на меня в упор и горестно качая головой.— И в кого ты такой? Не знаю...

Я молчал. Потом искоса поглядел на бабушку и спросил:

— А в футбол играть разрешишь?

— Разрешу,— ответила бабушка.— Только новые ботинки не надевай...

— А на Сунже купаться можно?

Бабушка кивнула.

— Купайся...

— И к Сулейманупустишь?

— Когда ж я не пускала тебя к Сулейману? — ворчливо заговорила бабушка.— Делай что хочешь, только под ногами у меня не путайся!

Я лег в постель, но мне не спалось. Мама уже кончила шить, бабушка прекратила греметь кастрюлями, а я все еще лежал, свернувшись калачиком, и думал.

А все-таки я правильно сделал, что взялся за групповой портрет! Дяде, конечно, обидно, что я не посадил его на почетное место, что забыл нарисовать ему усы, вот он и злится! А мама не злится. И бабушка не злится...

«Хорошо, что у меня такая мама и такая бабушка! — подумал я. — С ними жить можно!»

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ КАНИКУЛ

В шесть часов утра проснулось бабушкино радио и заговорило на весь дом. Сначала речь шла о строительстве новой домны в Днепропетровске, потом — о подготовке еще одной экспедиции в Антарктику. А затем начались местные известия. И тут вдруг я услышал: «Систематически перекрывает норму выработки тракторист Холак Илиев. Скромный, упорный, трудолюбивый — таким знают Холака Илиева жители Сунжа-Юрта!»

— Бабушка! — закричал я, вскакивая на ноги. — Про нашего Холака говорят!

— Слышу, — откликнулась с кухни бабушка. — Пусть говорят что хотят, а у меня к Холаку все равно душа не лежит.

— Почему же?

— «Почему, почему!» — повысила голос бабушка. — Твой Холак еще не пророк, чтобы я его ежедневно в молитвах поминала!..

Скажу правду, я знаю, почему бабушка недолюбливает тракториста. Это из-за меня.

С некоторых пор бабушка забрала себе в голову, что я обязательно должен стать судьей.

Она иногда говорила:

«Когда ты вырастешь, Гапур, я пройду с тобой рядом по всему аулу, — пусть люди видят, какого внука я на ноги поставила! Ты будешь судьей...»

У меня нет желания стать судьей. Я вам об этом уже говорил. Мне хочется стать трактористом. Поэтому мне обидно, если бабушка называет Холака чумазым. И дядя Абу неправ, когда утверждает, что Холак еле-еле выполняет норму. Радио не врет! У Холака многому можно научиться!

И сейчас, прослушав последние известия, я подумал, что обязательно научусь, стану трактористом и про меня тоже скажут: «Систематически перекрывает нормы выработки тракторист Гапур. Скромный, упорный, трудолюбивый — таким знают Гапура жители Сунжа-Юрта!»

Если я говорю бабушке, что стану трактористом, она сердится. Одно имя Холака выводит ее из себя.

Я всего четыре раза сидел на тракторе. И все эти случаи запомнились мне навсегда. Не думайте, я не унижался перед Холаком, не лез к нему с просьбами. Мне достаточно было встретиться с трактористом взглядом, чтобы он все понял. Тогда он по-дружески подмигивал мне и без всяких разговоров протягивал мне руку: лезь, мол, ко мне, Гапур!

Но сколько я сидел на тракторе? Пять минут, десять, от силы полчаса. Мало мне было этого!

Как-то раз я устроился между ног Холака и держался за рычаги, воображая себя хозяином машины. И тут невдалеке показалась бабушка. Не успел я спрыгнуть на землю, как она уже стояла около трактора, — я ведь вам говорил: бабушка у меня реактивная.

Что тут началось! Сначала бабушка ругала меня. Потом принялась за Холака.

— Смотри не порть мне внука! — говорила она. — Я растила его не для того, чтобы он ходил чумазый, как шайтан. Твои планы мне известны. Только не видать тебе Гапура в учениках! Он будет судьей — ты понял? Заруби себе это на носу! Если я еще раз когда-нибудь увижу внука рядом с то-

бой на тракторе, не будет тебе прощенья ни на этом свете, ни на том!..

Холак улыбнулся.

— Конечно, тетушка Хагоз, работать на земле, копать в моторе и не запачкаться — такого не бывает. Это вы верно заметили, что трактористы чумазные ходят. Только грязь грязи рознь, уважаемая Хагоз! Наша грязь особая — она в поле заработана... Стало быть, ничего зазорного в профессии тракториста нет! Наоборот, это нашим трудом и потом земля цветет — хлеб родит...

Складно ответил Холак бабушке. Мне понравилось. Но бабушка не захотела его слушать.

— Эка, задумал учить! — Она махнула рукой. — Я тебя сама чему угодно научу... Только не стану я терять время на пустые разговоры. Скажу напоследок: Гапур трактористом не будет, у него дорога другая — он будет судьей!

— Ну что ж, судьей так судьей, — согласился Холак. — Слезай, Гапур...

Он видел, что моя бабушка кипит от злости, и не хотел скандала.

Честно говоря, я раньше не знал, почему бабушка выбрала для меня такую профессию. Это потом стало ясно. Но, решив, что я стану судьей, она уже не отступала. Кажется, я был в третьем классе, когда она впервые заговорила об этом. И вот уже два с лишним года она сообщает всем и каждому: «Гапур обязательно станет судьей!»

Бабушка у меня неграмотная — ни писать, ни читать не умеет. И в этом нет ничего странного: ведь в школу она никогда не ходила. Впрочем, если уж говорить правду, в то время, когда бабушка была маленькой, никакой школы в Сунжа-Юрте не существовало. Была мечеть. Была кутузка, в которой старшина и стражники гноили бедняков, не уплативших недоимки. А школы не было...

Однажды бабушка рассказывала мне, что лет сорок назад в ауле открылись курсы ликбеза. Сейчас ребята этого слова не поймут, Спросят: «Что это за штука такая — лик-

без»? А слово так расшифровывается — ликвидация безграмотности.

На курсы эти и бабушку приглашали. Но у нее тогда уже было много детей, большое хозяйство на руках, — не могла она идти учиться.

Когда бабушка, вспоминая старое, произносит слова «не могла», лицо ее грустнеет. Кажется, ей обидно, что, несмотря на сильную занятость, она не пошла на курсы и не научилась читать и писать.

А ведь бабушка очень способная! Ума у нее — на двоих, я же вам говорил. Даже председатель колхоза во время войны похвалил бабушку, сказав: «Золотая у тебя голова, тетушка Хагоз!»

Если я приношу из школы тройку, бабушка обязательно говорит:

— Была бы я молода, я бы пошла в школу и училась лучше всех!

Я ей верю. Это правда, если б бабушка родилась попозже, если б она была такая, как Зара, она бы обязательно в отличниках ходила!

Но хотя бабушка и неграмотная, за моей учебой она следит получше всякого грамотного. Я был в третьем классе, когда бабушка спросила у меня:

— Ну, выучился русскому языку?

Не зная, что сказать, я молчал. Уроки русского языка начались только год назад, все кругом говорили по-ингушски, — откуда же мне знать русский?

— Что пялишь глаза, будто первый раз меня видишь? — прикрикнула бабушка. — Отвечай, если спрашиваю! Умеешь ты говорить и писать по-русски?

«Будь что будет», — решил я и ответил:

— Умею.

— Так скажи что-нибудь.

— «Нани» — по-русски будет «мама», «мякх» — «хлеб»...

Бабушка усмехнулась.

— Это и мне известно, — Она говорила так уверенно,

словно по крайней мере лет десять ходила в школу. — Значит, за целый год ты только и выучил, что «нани» — это «мама», а «мякх» — «хлеб»? А скажи-ка, как по-русски бера¹ и сискал?² Не знаешь?

Я действительно не знал этого. Я только опустил голову и начал разглядывать свои ботинки.

— Чему вас учат в школе, если ты до сих пор не знаешь, как по-русски «бера» и «сискал»? — ворчала бабушка. — Ничего, я сама пойду к твоей учительнице и все выясню...

Русский язык у нас вела Мария Алексеевна, которая теперь завучем работает. Но бабушка почему-то решила обратиться к нашему классному руководителю, Гамиду Башировичу. Встретив его в коридоре, она завела с ним такой разговор:

— У нас дома некому выгнать скотину на пастбище и некому встретить ее вечером. И все-таки я послала своего внука в школу! Я хочу, чтобы он выучил русский язык. А что получается? Целый год у них уроки по русскому, и за все это время он затвердил всего два слова: «нани» — это «мама», «мякх» — «хлеб»...

— Не два, я больше знаю, — вставил я, глядя на Гамида Башировича.

— Больше? — Бабушка прищурилась. — А как по-русски «бера» и «сискал»? — Она не дождалась ответа и посмотрела на учителя. — Видите? Ничего не знает...

Я думал, что Гамиду Башировичу придется туго. На его месте я бы заранее опустил голову и стал бы разглядывать ботинки. Но учитель несколько не смутился. Наоборот, он сумел даже улыбнуться бабушке.

— Уважаемая Хагоз, не так-то просто выучить русский язык, — заговорил он. — Для этого нужно несколько лет.

— Несколько лет? — воскликнула бабушка. — И все эти годы дом будет без мужчины, а мой внук, быть может, осилит еще пять русских слов?

---

¹ Б е р а (инг.) — подсоленная простокваша.

² С и с к а л (инг.) — кукурузный чурек.

Гамид Баширович снова улыбнулся — еще шире, еще откровеннее. Он положил руку мне на плечо и, глядя то на меня, то на бабушку, сказал:

— Потерпите, уважаемая Хагоз... Внук у вас хороший — сообразительный, живой. Я думаю, за время учебы он осилит не пять русских слов, а двести тысяч: ведь в русском языке больше двухсот тысяч слов!

— Двести тысяч! — ахнул я.

— Двести тысяч! — как эхо, повторила бабушка.

Учитель не мог лучше угодить моей бабушке: ведь он похвалил меня. Бабушка была довольна, только вида не показывала. Она даже поглядела на меня с уважением: шутка ли, Гапуру придется узнать двести тысяч русских слов!

Однако решив один вопрос, бабушка вспомнила и о втором.

В свою очередь улыбнувшись Гамиду Башировичу, она сказала:

— Чтоб тебе долго жить... Ответь мне правду: как ты считаешь, выйдет из Гапура судья?

Тут учитель рассмеялся. Но не обидно, не так, чтобы оскорбить бабушку.

— Уважаемая Хагоз, сейчас еще трудно сказать, выйдет ли из Гапура второй Баадул. — Гамид Баширович снова обнял меня за плечи. — Одно я знаю: ум у него живой, пыливый, и толк из мальчика будет!..

Так я впервые услышал имя Баадула.

Вы слышали о таком человеке? Наверное, нет. А ведь его вся Ингушетия знает!

Бабушка не раз рассказывала мне, что до революции в Ингушетии суд над простыми людьми вершили муллы, кадии и царские чиновники. А как они судили — известно. У них богатые всегда были правы. Об этом даже в ингушских сказках говорится.

Только в советское время все изменилось. И судьбы стали другие — люди честные, люди из народа. Таким человеком из народа был Баадул. Строгость и неподкупность его вошли

в поговорку. Эту поговорку бабушка помнила: «Судьба — в руках аллаха, а дело — в руках Баадула».

Бабушка считала, что Баадул все может, что после аллаха на земле он самый главный. Понятно, ей захотелось, чтобы я стал таким же всемогущим, как Баадул!

Бабушка всем говорила: «Гапур будет судьей!» И вскоре об этом знали и наши родственники, и знакомые.

В школе меня частенько теперь зовут судьей.

Но я по-прежнему желаю только одного — пойти в ученики к Холаку, стать трактористом!

Я не могу вам сказать, почему меня тянет к машинам. Папа с машинами дела не имел. Мама лишь недавно научилась управлять сепаратором и электродоильным агрегатом. В общем, у нас в семье механиков нет. Быть может, все дело в моих далеких предках? Я бы не удивился, если б узнал, что первый «Це модж» — «Краснобородый» — до смерти любил металлические вещи. Если б так было, тогда бы все прояснилось: любовь к металлу перешла ко мне по наследству!

Едва научившись ходить, я начал отличать металлические игрушки от всех остальных — деревянных, резиновых и целлулоидовых. Мама говорила мне, что целлулоидовые погремушки я отбрасывал без всяких разговоров. А если мне совали в руки шарикоподшипник, я мог играть им целый день, и не плакал, и есть не просил...

Конечно, я в чудеса мало верю. И все-таки интересно было бы заглянуть в будущее. Хотя бы одним глазком. Стану я трактористом или нет? А может быть, летчиком? А коли повезет, космонавтом?

Хотел бы я верить, что именно так и получится...

ССОРА С СУЛЕЙМАНОМ

Вот что я у вас хотел спросить: есть люди, которые никогда ни с кем не ссорятся? Наверное, есть. А у меня так не получается.

С бабушкой у нас часто бывают ссоры. Конечно, достаточно мне сказать ей доброе слово, и они кончаются, но все-таки дня не проходит, чтобы она не назвала меня «дуралеем» и «шайтаном». И с Сулейманом я ссорюсь. Вы, наверное, помните, последний раз я обиделся на Сулеймана, когда расправлялся с заколдованным чапилгашем тети Напсат и он выставил меня обжорой...

Но до драки дело у нас не доходило. А вот теперь дошло.

Сейчас я сижу и думаю: из-за чего мы поссорились? Из-за футбола? А может, дело в другом? Может, разозлило меня больше всего то, что Сулейман стал звать меня «судьей»?

Началось-то все с футбола...

Утром я встретил Сулеймана на улице. Обменялись новостями. Он сказал, что нашел на Сунже большую корягу и задумал сделать плот. Кстати, не хочу ли я принять участие в оборудовании плота? Капитанский мостик надо сделать, бортики, весла нужны... Я ответил, что плот — это здорово и, конечно, я приму участие в его оборудовании. Потом я сообщил Сулейману, что бабушке подарили осла и теперь она собирается его продать.

— К нам Касум приходил, наверное, купит, — заключил я.

Все бы и обошлось, если б Сулейман не сказал, что капитан футбольной команды Магомет ставит его в субботу на игру с карабулакцами левым краем.

— Это он меня ставит! — возразил я. — Он сам говорил: если Хасан из седьмого «А» уедет в Джерах, на левом крае я буду играть...

Сулейман насупился.

— Не говорил тебе этого Магомет!

— Говорил!

— Тебя на левый край ставить нельзя, — утверждал Сулейман, — ты левой бить не умеешь.

— Умею!

Мы препирались так, пока в пылу спора Сулейман не назвал меня «судьей».

— Судья из тебя получится, а футболист — никогда!

Ух, как я разозлился! Понятно, я не собирался идти в футболисты, но, ради того чтобы покрепче насолить Сулейману, готов был сейчас стать кем угодно.

— Получится из меня футболист! — выкрикнул я.

— Не-е! — Издеваясь надо мной, Сулейман вплотную приблизил ко мне свое лицо. — Судьей ты будешь! Судьей! Судьей!

Перекричать его было невозможно.

До сих пор я даже пальцем не тронул Сулеймана, хотя руки у меня изрядно чесались. Влепить бы ему хорошую затрещину! За все расквитаться! За то, что выставил меня перед тетей Напсат обжорой, за приближающийся матч с ребятами из Карабулакской, — я сердцем чувствовал, что Магомет выберет для игры не меня, а Сулеймана, наконец, за прозвище «судья», которое, признаться, злило меня гораздо больше, чем «Це модж»!

Сулейман такой же худой, как и я. Но он выше меня ростом и, если говорить правду, сильнее. Не намного сильнее — так, на чуточку. Однако это меня несколько не пугало. Сейчас я бы не простил обиду никому — злость клокотала во мне, как горячий суп в бабушкином котле!

Хитрить я умею. И теперь тоже пошел на хитрость.

— Посмотри-ка, Сулейман, кто идет! — неожиданно крикнул я.

Сулейман обернулся. Тогда я дал ему подножку и одновременно толкнул в грудь. Но то ли подножку я сделал неумело, то ли удар мой был слаб, но Сулейман не упал. Наоборот, в следующий миг он надвинулся на меня, руки его пришли в движение, и я вдруг почувствовал жгучую боль в левом глазу.

Я отступил. Шаг назад сделал и Сулейман.

— Что, попало? — спросил я, ощупывая больное место.

— Это тебе попало! — откликнулся Сулейман.

— Будешь приставать — еще получишь! — смело сказал я.

— Это ты сейчас получишь! — ответил Сулейман.

Впереди была новая схватка, и я понимал, что выйду из нее с гораздо большими потерями, чем Сулейман. Мне ничего другого не оставалось, как сказать:

— Ладно, я тебе это припомню!

Делая вид, что корчится от смеха, Сулейман заголосил на мотив какой-то старой песенки:

Погрозился мне Гапур:
«Я спущу с тебя семь шкур!»
Вышло все наоборот:
Вон Гапур без шкур идет!

Потом, передохнув, завопил на всю улицу:

— Судья! Це модж! Судья! Це модж!..

Чуть не плача от обиды, я направился домой. Остановился около парикмахерской, — тут у входа зеркало висит. Поглядел на себя и ахнул: ну и синяк у меня под глазом! Как с таким бабушке показаться?

Но гулять по аулу с синяком мне тоже не хотелось. Легче иметь дело с бабушкой, чем со знакомыми — школьниками и взрослыми, — которые обязательно начнут приставать с расспросами: что, мол, с твоим глазом, Гапур?

Бабушка, конечно, сразу заметила мой синяк:

— Вай, сыночек, ты упал?

— Не упал я... Подрался...

Только что в глазах у бабушки была жалость и сочувствие. В один миг все пропало.

— Подрался, — повторила бабушка, и я уловил в ее голосе интонацию, обещавшую грозу. — Да, видно, в глухое ухо кричи не кричи, а толку мало... Я вчера взяла тебя под защиту — наверно, зря! Каким был дуралеем, таким и остался!.. С кем же ты подрался?

Вы понимаете, я не мог сказать, что дрался с Сулейманом. Не только потому, что не хотел ябедничать. Дело в том, что бабушка очень хорошо относится к тете Напсат, ува-

жает ее, и, будь Сулейман тысячу раз не прав, она все равно взяла бы его под защиту.

— С парнем одним,— ответил я,— ты его не знаешь.

— Я всех в ауле знаю, дуралей ты этакий! — вскричала бабушка.— Говори, как его имя?

— Не знаю,— продолжал врать я.— Он черненький...

— Черненький? — Бабушка задумалась. Потом вытащила тряпочку, окунула ее в холодную воду и потянулась к моему глазу.— Может, это Исапил? Но ты его знаешь! Сын кузнеца Исапа — Ахмет? И этот тебе знаком. Племянник Жовхар? — Она хмыкнула.— Как же его зовут? Забыла!

— Асхаб,— напомнил я.

— Ну, коли знаешь, как зовут, значит, не Асхаб! — Бабушка внимательно поглядела на меня.— Врать ты мастер, Гапур! Смотри, гнев божий когда-нибудь обрушится на землю, по которой ты ходишь!

«Не обрушится»,— безмятежно подумал я.

— Слава аллаху, глаз цел остался,— сказала бабушка, передавая мне примочку.— А ведь могло быть хуже...

— Я ему тоже посадил хорошенько,— похвалился я.

— А мне что за выгода? — ворчливо заговорила бабушка.— Твой синяк я вижу, а его — нет...

Охлаждая мне глаз примочкой, бабушка то принималась ругать меня, то придумывала самые страшные кары для Сулеймана. Конечно, она не знала, что дрался я именно с Сулейманом, и поэтому, грозя моему противнику, называла его просто «врагом аллаха».

До самого обеда я ходил с бабушкиной примочкой. Синее пятно под глазом немножко побледнело, но зато расползлось в стороны — даже на переносице и на щеке появились фиолетовые тени, будто меня обрызгали чернилами и их плохо отмыл.

Ясно, теперь я думал лишь о том, чтобы отомстить Сулейману. Как это сделать? Снова вступить в драку? Боль в глазе, распухшая щека — все это говорило не в пользу такого решения. Что же тогда придумать?

Случай подвернулся сам собой. Но прежде чем рассказывать, как мне удалось отомстить Сулейману, я должен познакомить вас с объездчиком Иналом.

Я и раньше его упоминал. Говорил, что у него есть телевизор и я иногда смотрю передачи. Говорил, что в нашем альбоме имеются карточки, на которых я снят с Иналом и с его конем.

И все-таки до сих пор вы с Иналом хорошенько не познакомились, — я виноват. Мне обидно, что я делаю это так поздно. Ведь Инал, как и тракторист Холак, самые дорогие и самые интересные для меня люди в Сунжа-Юрте, если не считать, конечно, бабушки, мамы и дяди Абу. Инал приходится нам дальним родственником. Только это не главное. Родственники тоже бывают разные. Есть ведь у ингушей пословица: «Лучше хороший сосед, чем плохой родственник». А Инал всем хорош. Бабушка говорит, что родство для него не пустые слова, что он родственник не только по крови, но и по душе. Не легко заслужить такую оценку у бабушки! Что касается меня, то я уважаю и люблю Инала за смелость и лихость, за то, что самые горячие и своенравные кони ему подчиняются.

Нравится мне еще, что он добрый. Хотя это и не сразу видно. Лицо у Инала не улыбочливое, глаза строгие. Кажется, что объездчик в любую минуту готов задать тебе трепку. Но только я давно понял: внешность у него обманчивая, на самом деле Инал — сама доброта!

Правда, я знаю случаи, когда Инал вдруг становился резким и злым — это когда видел, как люди жестоко обращались с животными...

Инал меня тоже любит. В карманах у него всегда найдется что-нибудь вкусное: то абрикос, то яблоко, а то и шоколадная конфета. Я не успею поздороваться, как он уже протягивает мне угощение.

Работа у Инала трудная, но интересная. И тут я завидую ему не меньше, чем трактористу Холаку. Инал объезжает лошадей, готовя их к упряжке.

Нынешний конь Инала и помог мне отомстить Сулейману. Конь этот горяч до невозможности, задира и брыкуша. Его и в табун поэтому не пускают: он там другим коням проходу не дает. Только одного Инала он слушается. Ну, если уж говорить до конца, и меня тоже немножко...

Несколько раз объездчик сажал меня на своего горячего скакуна, предупреждая, впрочем, чтобы я покрепче держался в седле и воли коню не давал.

— Если он почувствует, что у тебя слабая рука, — говорил Инал, — быть беде...

Наверное, у меня была все-таки твердая рука, потому что конь Инала шел подо мной хорошо, норова не показывал. Во всяком случае, я теперь часто гонял его к Сунже на водопой, и все обходилось без происшествий.

Отсидев до обеда с примочкой у виска и перебрав по крайней мере десять способов мщения Сулейману, но не придумав ничего, я решил выйти на улицу. Только я шагнул за калитку, как увидел Инала со своим конем. Объездчик тер его скребницей, которую поминутно окунал в ведро с водой.

Я подошел ближе. Инал кивнул мне и тут же полез в карман за угощением. На сей раз это была ириска.

— Не хочешь ли прокатиться? — спросил меня Инал, бросив скребницу и насухо вытирая коня тряпкой.

— Хочу! — обрадовался я.

— Ну, скачи. Только на Сунже долго не задерживайся...

Я повернул коня, и он понес меня по улице. Мы миновали аптеку, медпункт, на котором работал Иван Иванович. Сейчас нужно было проехать мимо сельмага.

И тут я увидел Сулеймана...

Если б Сулейман не тронулся с места, я бы мимо проехал и бровью не шевельнул. Но он побежал, и я не мог удержаться, чтобы не последовать за ним.

— Айт! — крикнул я и, понукая коня, ударил его по бокам босыми ногами.

В один миг я догнал Сулеймана. Как быстро он ни бежал, а конь был проворнее.

Когда морда скакуна почти вплотную приблизилась к нему, он обернулся, испуганно поднял руку, и тогда кулек, который он до сих пор придерживал локтем, скользнул вниз.

— Соль! Моя соль! — ахнул Сулейман.

Я остановил коня прямо над кульком. Сулейман хотел нагнуться. Наверное, для того чтобы достать кулек. Но я заставил лошадь сделать еще один шаг, и Сулейману пришлось отступить.

— Соль! Соль! — повторял он, прижимаясь к плетню и глядя расширенными от страха глазами то на меня, то на морду коня, то на кулек.

Между тем кулек лопнул, и соль белым ручейком хлынула на землю.

Я смотрел на Сулеймана без всякой жалости — строго, словно легендарный Баадул на преступника.

— Теперь давай поговорим, — сказал я ему. — Может быть, ты посмеешь повторить то, что кричал утром? Ну-ка, попробуй!

Конь нагнул морду и принялся с жадностью поедать соль.

— Сейчас ты узнаешь, щенок, какой я судья! — Голос у меня был грозный, грознее, чем у Баадула. — Я тебе за все отплачу!

— Соль! — жалобно пискнул Сулейман и боязливо протянул руку к коню. — Гапур, пусть он не ест... Меня мама в магазин послала за солью, она мясо солит... Что же я теперь буду делать?

— Сейчас мой конь съест твою соль, а потом примется за тебя, — спокойно и насмешливо сказал я. — Ну, будешь еще дразнить меня судьей? Отвечай!

Сулейман был так напуган, что не мог слова вымолвить. Ведь конь уже уничтожил всю соль и теперь зло косился на него, будто действительно требовал человечины.

— Что молчишь? — продолжал я. — Говори, а то плохо придется!

— Не... не буду... дразнить...

В горле у Сулеймана хлюпало, словно там дождь шел.

— Поклянись! — не отставал я.

Мне показалось, что он приходит в себя. В его глазах сверкнул злой огонек. Видно, он подумал, что я только грожу, пугаю, но вреда ему никакого не принесу.

— Убери своего чумового коня, — более твердо сказал он. — А соль... Смотри, Гапур, это тебе даром не пройдет!

Я резко дернул узду, и конь, всхрапнув и оскалив зубы, толкнул Сулеймана мордой.

— Ах, вот как заговорил?! — вскричал я.

Сулейман был теперь полностью в моих руках. Он не мог спокойно слышать храп коня, не мог видеть его оскаленных зубов.

— А какую клятву тебе нужно? — быстро спросил он.

— Повторяй за мной: если я когда-нибудь стану дразнить Гапура судьей — быть мне курицей-несушкой...

Это была очень обидная клятва. Соври Сулейман, не сдержи своего слова, и я бы с полным правом стал звать его курицей-несушкой. А быть курицей-несушкой — значит не быть мужчиной!

В тот момент, когда я произнес слова клятвы, конь снова всхрапнул. Это добило Сулеймана. Клацая зубами от страха, он произнес:

— Быть мне... курицей-несушкой... если... стану дразнить...

— Не забудь клятвы! — крикнул я и, повернув коня, помчался к Сунже.

Я был удовлетворен. За все Сулейману отомстил! Я смеялся и прямо в одну секунду переделал ту обидную песенку, которую он сочинил после драки. Вот как она теперь выглядела:

Вам знаком наш Сулейман?
Он трусливый, как баран!
Видно, зря он мне грозился —
Сам же первый осрамился!

Смешная песенка получилась!..

Однако часом позже мне было уже грустно. Когда, возвратив Иналу коня, я появился в нашем дворе, меня ждала встреча с бабушкой и тетей Напсат. Заметив маму Сулеймана, я чуть было не шмыгнул обратно в калитку. Но бабушка уже устремилась мне навстречу.

— Иди сюда, шайтан! — закричала она.

Ну, сейчас мне достанется на орехи!

— Ради бога, не трогайте его, Хагоз! — Мама Сулеймана схватила бабушку за руку. — Вы же понимаете, дело не в кулке соли. Я просто хотела вас предостеречь: нельзя мальчику ездить на таком бешеном коне! Большая беда может случиться!..

Я опустил голову и молчал. Вы думаете, я жалел Сулеймана? Нисколько! У меня и тени сомнения не было, что я поступил правильно, наказав его. В конце концов, разве не Сулейман посмеялся надо мной в тот день, когда тетя Напсат угощала нас чапилгашами? Сулейман! И «судьей» еще меня обзывал. И кричал «Це модж». Так что попало ему за дело!

А сейчас, признаюсь, я на Сулеймана еще больше злился. Почему я не наябедничал бабушке, не сказал ей, кто подставил мне синяк под глазом? Потому что я — мужчина, я свою обиду в сердце ношу. А Сулейман — курица-несушка, вот кто!

Но тетю Напсат я жалел. Она всегда ко мне хорошо относилась. Так за что же ей страдать? Ей соль была нужна, а я эту соль скормил коню Инала...

У меня даже такая мысль мелькнула: если б около сельмага я вспомнил о тете Напсат и понял, как она будет переживать из-за этой истории, я, может быть, и помиловал бы Сулеймана...

Тетя Напсат ушла, но бабушка еще долго косилась на меня и ворчала, что я — ее горе, что если она и умрет, то не по воле аллаха, а из-за меня.

ОСЛИК, КОТОРЫЙ СТОИЛ ДЕШЕВЛЕ ЧЕРЕМШИ

Уже начало темнеть, когда с улицы мужской голос позвал бабушку:

— Тетушка Хагоз, вы дома?

Бабушка поспешила во двор. Мне было любопытно, кто пришел, и я выскочил вслед за ней. У калитки стоял Касум.

— Добрый вечер, тетушка Хагоз! — вежливо сказал он.

Бабушка ответила. Но сказать «добрый вечер» Касуму, которого она и в глаза и за глаза честила вором и мошенником, она не хотела. Поэтому она произнесла что-то нечленораздельное, лишь отдаленно похожее на приветствие.

— Тетушка Хагоз, — ничуть не смутился Касум, — я слышал, вы продаете ослика?

— Продаю, — ответила бабушка.

— А можно на него поглядеть?

— Почему же нельзя — можно...

Бабушка направилась к сараю и через минуту вывела во двор низкорослого осла. Я видел ослов черных, как сажа, и белых, как молоко, коричневых, как шоколадные конфеты, и желтых, как мед. Но этот был необыкновенный: тускло-серебристый, что ли. Мне он из-за цвета даже понравился.

— Хороший ослик? — спросил Касум, пренебрежительно поджав губы и усмехаясь. Он делал вид, что спрашивает о качествах ослика лишь из вежливости, а на самом деле ему, мол, все ясно: ослик дешевле черемши стоит.

«Вот хитрец так хитрец! — подумал я. — Только бабушка еще хитрее! Она тебя сразу раскусит!»

— Спрашиваешь, хороший? — Бабушка пожала плечами. — Не знаю, в скачках он не участвовал. И как он насчет джигитовки — сказать не берусь...

— Ладно, ладно, — заговорил Касум, — Я и так вижу: ослик неплохой...

— А видишь — чего же спрашиваешь? — Бабушка ни за что не хотела упустить случая лишний раз кольнуть Касума. — Знаешь ведь, как ингуши говорят: «Веревка должна быть длинной, а речь — короткой». Или забыл эту пословицу?

Касум не ответил. Помолчав, он произнес:

— Дорого будет стоить твой ослик?

— Двадцать рублей, — ответила бабушка. — Дешевле черемши... Если хочешь знать, мой племянник заплатил за него сорок, но мне недосуг с ним возиться — вот и уступаю...

— А если пятнадцать? — быстро сказал Касум.

— За пятнадцать я его себе оставляю! — так же быстро ответила бабушка.

«Пусть остается», — решил я. Мне действительно вдруг захотелось, чтобы этот серебристый ослик остался у нас. Конечно, до лошади ему далеко: нет у него настоящей стати и с ветром наперегонки он не пойдет, а все-таки он живой, настоящий!

— Ладно, — сказал Касум, протягивая руку к уздечке. — Я его покупаю...

— Уздечку-то оставь, — предупредила бабушка.

— Я с уздечкой покупаю!

— Нет, — твердо сказала бабушка. — Уздечку я не отдам.

— Тогда уступите в цене, тетушка Хагоз...

Бабушка посмотрела на Касума долгим взглядом и вдруг, круто повернувшись, потащила осла к сараю.

— Хорошо, тетушка Хагоз! — крикнул Касум. — Беру без уздечки!..

Я знаю, почему бабушка не пожелала расстаться с уздечкой. Есть у ингушей поверье: продаешь корову, лошадь или осла — оставь себе уздечку, тогда скотина у тебя не переведется. А коли отдашь уздечку — пусто будет в хлеву...

Касум накинул на голову осла веревку и повел его к воротам. Осел не упрямылся, шел за своим новым хозяином. Только за воротами он неожиданно поднял морду и затрубил: «И-аа, и-аа!»

Жалобно так трубил, будто со мной и бабушкой прощался. Пусть говорят, что хотят, а я думаю, что животные понимают, где им хорошо, а где — плохо.

ПЯТЫЙ ДЕНЬ КАНИКУЛ

С утра пораньше я взялся за «Амбарную книгу». Давненько я над ней не сидел. Сколько событий — веселых и грустных — произошло за эти несколько дней, а я их никак не отразил!

Я мысленно перебрал главные события: создание группового портрета, тренировка на футбольном поле, ссора с Сулейманом...

Как смотреть на эти события? Глазами дяди или все-таки своими?

Беда мне с этой «Амбарной книгой»! Сидя над ней, особенно ясно ощущаешь, что дядина правда — одна, а моя — другая. У меня есть своя правда, и я был бы рад говорить о ней в полный голос не только во второй части «Амбарной книги», которую я готовлю для Гамида Башировича, но и в первой, разбитой на шесть колонок...

Я вздохнул. Проще всего было бы вообще не заглядывать в первую часть. Проще всего было бы вообще не думать, какие вещи можно занести в графу «Приход», а какие — в графу «Расход».

Но идти наперекор дяде я не могу! Дядя хочет, чтобы я стал целеустремленным и практичным, для этого он и книгу придумал, — значит, надо вести ее, и не как-нибудь, а по-дядиному!

А это трудно...

Прощаясь со мной в тот вечер, когда вся наша семья говорила о групповом портрете, дядя Абу сказал: «Гапур, не забудь внести соответствующие записи в «Амбарную книгу».

Вы знаете, что такое «соответствующие»? Это — опреде-

ленные, нужные. Кажется, просто. А на самом деле не просто, потому что дяде Абу нужны такие записи, которые мне ни капельки не нужны.

Я снова вздохнул и принялся заполнять колонки по-дядиному. И вот что получилось:

Число, месяц, год	Номер по порядку	Операция	Приход	Расход	Примечание
29.V 1966	1	Создание группового портрета.	Групповой портрет.	Испорчен лист картона ценою в 1 рубль.	Допустил много ошибок. Надо дорисовать дяде красивые и пушистые усы.
	2	Тренировка на футбольном поле.	—	120 минут. Подковали ногу.	Магомет обещал поставить меня на левый
30.V. 1966	3	Поссорился с Сулейманом.	Катался на коне Инала. Сулейман дал клятву, что больше не будет дразниться.	Синяк под глазом.	край, когда будем играть с карабулаками.

Да, теперь, как говорит дядя Абу, вся моя жизнь как на ладони... Но разве без «Амбарной книги» я не помню, что делал, куда ходил и с кем ссорился? Прекрасно помню! Стало быть, зачем же мне эта книга?

«Дяде она нужна», — говорю я себе. И, невольно соединив образ дяди Абу с сухими, скучными записями в графах «Приход» и «Расход», я впервые начинаю думать: какой он все-таки на самом деле — хороший или плохой?

Бывали случаи, когда я называл его жадиной. Правильно это? Скажешь «правильно» — вспомнишь то, как дядя не по-

жадничал и подарил нам сто рублей, чтобы добавить к нашим деньгам на покупку Малейк. Скажешь «неправильно» — вспомнишь недавнее: дядя пожалел копейку, когда я вырвал чистый лист из альбома для рисования.

Если дядя Абу и жадина, то очень странный, необычный.

Частые разговоры дяди о том, что это именно он приобрел для нашего дома дешевую и прочную черепицу, помог с деньгами на покупку Малейк и подарил мне новую школьную форму, — скажу честно, я последнее время слушал с раздражением.

Он действительно немало сделал для нашей семьи, для меня. Но что ж, теперь надо вспоминать об этом всю жизнь? Вот мама, если она делает мне что-нибудь хорошее — делает без всяких слов. И, наверное, поэтому принимать от нее подарки гораздо приятнее, чем от дяди Абу...

Однако что ж это я все о плохом? У дяди Абу есть много замечательных качеств. Они для меня незаметные, а для других очень даже заметные. Вот, например, председатель колхоза Магомет Идрисович зовет дядю «королем бухгалтерии». За хорошую работу ему раз десять премии давали. В кабинете у дяди рядом с отрывным календарем висит табличка, на которой написано: «Ударник коммунистического труда». Это про дядю Абу сказано!

Кстати, моя бабушка гордится этим ничуть не меньше, чем сам дядя Абу.

— Твой дядя — умнейший человек! — любит говорить бабушка, когда остается со мной наедине. — Его умом мог бы прожить весь наш аул... — Она тут же добавляет другим, тихим и сочувствующим голосом: — Только аллах не дал ему счастья...

Бабушку хлебом не корми, только дай с кем-нибудь поспорить. Но дяде она возражает редко. Один такой случай я описал, — помните, как бабушка спорила с дядей насчет группового портрета? Я понял, почему она позволила себе противоречить дяде: меня хотела защитить!

Если б не эта скучная «Амбарная книга», я бы согласился с бабушкой, что умнее дяди Абу в нашем ауле человека не сыскать. Может, только Гамид Баширович умнее. Но Га-мида Башировича никто не называет «королем бухгалтерии», а дядю называют!

У дяди своей семьи нет. Он никогда не был женат. Бабушка рассказывает, что после фронта дядя Абу несколько лет лечился в госпиталях. Когда он немножко оправился от ран и болезней, родственники стали приставать к нему, чтобы он женился. Только он не захотел. Он сказал: «На земле слишком много сирот. С моими ранами долго не проживешь, и я не хочу, чтобы после меня тоже остались сироты».

Вы помните, я нарисовал на кителе дяди Абу две полоски? Я это не зря сделал. Ведь дядя Абу был дважды ранен: первый раз под Сталинградом, второй — около города Малгобека, в котором теперь добывают самую лучшую и самую дешевую нефть в Чечено-Ингушетии.

Дядя любит военную форму. Правда, погон он не носит и звездочки на его фуражке нет. Но зато на нем всегда галифе, китель и высокие, пышущие жарким блеском сапоги.

Я часто задумываюсь: почему у дяди Абу нет ордена? Я даже не постеснялся спросить у него об этом.

— Для всех орденов не наготовишь, — ответил дядя. — Главное — не орден получить, а свой солдатский долг выполнить!

Я не очень-то понял его. Ведь если выполняешь солдатский долг, орден тебе обязательно дадут! Так что же, выполнил свой долг дядя Абу или не выполнил?..

Я еще не успел решить этот вопрос, как меня позвала бабушка.

— Собирайся к дяде Абу, — приказала она. — Я слышала, он заболел. Отнеси ему яблоки. Посиди с ним, спроси, не нужно ли чего... Скажи, чтобы обязательно съел все яблоки — они лечебные, от недуга помогают...

Я знал, что в ларма у бабушки еще с прошлой осени хранятся яблоки. Они считались почему-то лечебными. Бабушка

берегла их пуще глаза и давала мне одно или два только по праздникам. А сейчас она отвалила для дяди Абу целый десяток. Прямо удивительно! Я даже позавидовал дяде: хорошо ему болеть — лежи себе, полеживай и яблочки грызи!

У нас дома есть несколько продуктовых сумок, но бабушка, подчеркивая свое уважение к дяде, завернула яблоки в чистое полотенце.

Решив сократить путь к дому дяди Абу, я направился к нему напрямик через овражек, через поле, которое примыкает к овражку. Если б я выбрал обычную дорогу, все было бы благополучно. Но вы же знаете: я жутко невезучий! И на этой короткой дороге меня ждала беда...

Около овражка стоял вагончик тракторной бригады. Когда я поравнялся с ним, трактористы как раз пили чай. Среди них был и Холак.

— Гапур, ты куда? — окликнул он меня.

Я поздоровался и объяснил, что иду к дяде Абу, несу ему лечебные яблоки.

— Лечебные? — удивился Холак. — Первый раз слышу про такие. А что, дядя заболел?

Я кивнул.

— Опасное что-нибудь? — спросил Холак.

— Не знаю. Он ведь еще с фронта болеет...

— А-а, — понимающе протянул Холак,

Мы помолчали.

— Про вас радио говорило, — вдруг вспомнил я. — Какой вы трудолюбивый и скромный...

Холак махнул рукой: ладно, мол, говорило и говорило.

«Действительно, он скромный», — подумал я.

Один из трактористов, высоченный, широкоплечий парень, усмехнулся и заговорил:

— Знаем мы эти болезни! Не сидел бы твой дядя в конторе, как крот в норе, был бы здоров. На свежем воздухе надо работать! — Он ударил себя в грудь кулаком, и мне показалось, что ударили в большой барабан. — Тут все болез-

ни улечиваются. А Абу целый день нюхает бумаги и перебирает костяшки на счетах: из-за этого и солнца не видит...

Мне слова здорового парня не понравились. Хоть он и тракторист, а задаваться нечего. У дяди Абу работа тоже важная. И работает он здорово, не зря его зовут «королем бухгалтерии»! А что касается болезни дяди, то ее даже почетной можно считать — она с фронта началась...

— И откуда только твоя бабушка достала яблоки в эту пору? — спросил Холак, кивая на мой сверток.

— У нас они в ларма хранятся, — ответил я.

— Понятно, — сказал Холак. — Запасливая у тебя бабушка. — И вдруг добавил: — Мне тетушка Хагоз вообще по душе — боевая такая, хваткая. Один недостаток — язычок у нее острый...

Между тем здоровенный парень допил чай и зашагал к трактору, который стоял за вагончиком.

— Эй, кянк, хочешь, покатаю? — бросил он на ходу.

— Хочу!

— А яблоками угостишь? — смеясь, продолжал он.

— Пожалуйста, берите! — Я протянул свой сверток.

Парень выбрал самое крупное, самое краснощекое яблоко и впился в него большими белыми зубами.

Но я уже не думал о яблоках и дяде Абу. Я думал только о тракторе. Вот он стоит: сильный, как нарт, большой, красивый — глаз от него нельзя отвести!

— Влезай! — сказал мне тракторист, усаживаясь за руль.

Я бросил сверток с яблоками ему под ноги и поспешил взобраться на трактор.

— Поехали! — скомандовал он сам себе и включил зажигание.

Мотор ожил, сначала зачихал, закашлял, но потом вдруг взревел, словно стадо диких зверей.

Трактор вздрогнул и пошел, оглушая весь мир шумом. Я держался за руль только одной рукой, но мне и этого было достаточно. Мне хотелось кричать от счастья. Я веду трак-

тор! Он подчиняется моей руке! Смотрите, люди, я стал хозяином огромной, сильной машины!

Я еще подумал: «В этом мире не обойтись без главных бухгалтеров и без судей, но я все-таки буду трактористом, и обо мне обязательно расскажут по радио, как рассказали о Холаке!»

Мы сделали один круг. Потом второй. Наконец остановившись около вагончика, тракторист шутливо сказал мне:

— Слезай-ка, станция Березайка...

Я соскочил на землю. Трактор пошел дальше.

И вдруг я опомнился. Что я наделал! Ведь бабушка приказала мне отнести яблоки дяде Абу! Он болен, они излечили бы его от недуга... А я променял их на трактор!

«Дуралей! — ругал я себя бабушкиными словами. — Шайтан!»

Идти к дяде Абу было теперь бессмысленно. Я направился домой, с ужасом представляя себе, как встретит меня бабушка.

— Ну, сходил? — спросила бабушка, когда я появился во дворе.

— Да, — неопределенно ответил я.

— Понравились ему яблоки? — любопытничала бабушка.

— Понравились.

— Он все сразу съел? — спросила бабушка.

И тут у меня вырвалось:

— Съел и уехал...

— Куда уехал? — всполошилась бабушка. — Ведь он же больной!

Я понял, что пропал. Теперь мне ничего не оставалось, как рассказать бабушке всю историю с трактористом.

Не успел я кончить свой рассказ, как бабушка уже закричала:

— И у тебя не дрогнула рука, когда ты отдавал лечебные яблоки этому чумазому шайтану? Гаур! Дуралей!..

— Шайтан! — закончил я за бабушку.

Я и не собирался оправдываться, Покусывая губу, я ду-

мал: «Почему у меня все получается шиворот-навыворот? Почему я такой невезучий? У «Це модж» все везучие, один я невезучий. Что ж это — навсегда?»

— Не знаю, что с тобой делать! — говорила бабушка. — Ты меня в могилу вгонишь! — Она вздохнула и посмотрела на небо, будто спрашивала там у кого-то совета. — Иди лезь в ларма и достань яблоки. Это уже последние... Я буду молить аллаха, чтобы он дал мне дожить до того дня, когда ты поумнееешь...

Я даже удивился, как мало ругала меня бабушка в этот раз. Мне нужно было всего две минуты, чтобы слазить в ларма и достать яблоки, — я нарочно так спешил, мне хотелось угодить бабушке.

Положив яблоки в сумку, бабушка сказала:

— Хоть эти-то донеси до дяди. Или мне самой их отнести?

Я выпалил:

— Не беспокойся, бабушка, эти я донесу!..

Всю дорогу я бежал бегом и, ворвавшись к дяде, долго не мог отдышаться.

Дядя сидел за столом и водил костяшками счетов. Он даже во время болезни не хотел расставаться со своей работой. Чтобы не простыть, он накинул на себя пальто. Услышав мое шумное дыхание, дядя обернулся, и пальто его соскользнуло на пол.

Я быстро наклонился за ним.

— А-а, это ты? — узнал меня дядя. Сказав это, он снова щелкнул костяшками и произнес: — Дебет — 3572 рубля, кредит — 1368 рублей... Так, понятно...

Ему-то было понятно, а мне — нет. Что это такое — дебет? А кредит? Я вспомнил заколдованные слова тети Напсат — «ошло» и «ишком». Может, и у дяди есть свои заколдованные слова?

— Что это за слова вы говорите, дядя Абу? — не выдержал я.

— Не обращай внимания, — ответил дядя.

«Как это — не обращай внимания? — недовольно подумал я. — Тогда не надо говорить. А раз сказано — я должен знать, что к чему. Мне все нужно знать!»

Я поставил сумку на стол.

— Что там? — спросил дядя.

— Бабушка прислала вам яблоки, — заговорил я. — Они лечебные, все болезни излечивают. Сказала, чтобы вы все сразу съели...

Дядя отодвинул счеты, поставил сумку перед собой и, выбрав яблоко, долго глядел на него.

— Не бойтесь, не червивые, — сказал я.

— Хорошие яблоки, — словно не слыша меня, произнес дядя. — Откуда у тетушки Хагоз такие?

Я задумался.

— Кажется, внучатый племянник бабушке их привез... Это тот, который нам осла подарил...

— Такие яблоки на базаре не меньше рубля стоят, — серьезно сказал дядя.

— Это целебные, на базаре таких не продают.

— Да, да, — задумчиво ответил дядя и надкусил яблоко. — Ты спрашивал, что такое дебет и кредит?

Я уже забыл о том, что спрашивал. Но теперь вспомнил и кивнул.

— Если труд, затраченный на выращивание этих яблок, отнести к графе кредита, то доход от них будет считаться дебетом, — медленно и внушительно заговорил дядя. — Конечно, тут дебет превалирует над кредитом, так как старых яблок почти нет, а яблоки нового урожая поспеют только через два-три месяца. Таким образом, бабушкин племянник может выручить значительную сумму...

— Не может, — сказал я.

— Это почему же? — удивился дядя.

— Он в Казахстан уехал, на шахте будет работать, — объяснил я. — Он и без этих яблок проживет...

Дядя уже съел два яблока и потянулся за третьим. Вдруг он посмотрел на меня и сказал:

— Ну-ка, Гапур, возьми яблоко.

Я не стал отказываться. Доев яблоко, я спросил у дяди:

— Вот вы съели три штуки, как вы, здоровее себя чувствуете?

— Здоровее, — ответил дядя. — Передай бабушке, что яблоки мне очень помогли, завтра я встану и обязательно ее навещу.

Я взял сумку, собираясь уходить, но в эту минуту кто-то постучал в окно, и знакомый голос почтальона Бекмурзы окликнул дядю.

В один миг я был на улице.

Почтальон Бекмурза, высокий, плотный, как чинар, подал мне письмо.

— Отдай дяде, джигит...

Я поблагодарил его и вернулся в дом.

На конверте была красивая марка с ракетой, и, прежде чем отдать письмо дяде, я внимательно ее рассмотрел. Мне рисунок понравился, я даже решил позаимствовать у него некоторые детали для своих будущих произведений.

Дядя надорвал конверт, вытащил какую-то бумажку — я заметил на ней синий штампик в углу — и стал читать.

Я уже описывал вам лицо дяди. Вы должны помнить. У него маленькая голова, жидкие волосы он расчесывает на пробор, а холеные усы загибает вверх на манер турецкой сабли. Но если б я сейчас взялся говорить, как выглядит мой дядя, я бы описывал его совсем по-другому. Дядино лицо неожиданно изменилось: всего минутка прошла, а оно стало новым и, как мне показалось, очень красивым. Глаза... Ну, где мне найти слова, чтобы объяснить, какими большими и яркими были сейчас глаза дяди! Мне вдруг открылось, что у него крутой, мужественный подбородок, говорящий о большой воле. Я увидел дядин высокий лоб и вспомнил то, что давным-давно говорила бабушка: «Твой дядя — умнейший человек. Его умом мог бы прожить весь наш аул...»

И это была святая правда! Сейчас я в это так поверил, на всю жизнь!..

А дядя между тем встал и прошелся по комнате, печатая каждый шаг. Он шагал и мурлыкал себе под нос:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война!

Я даже рот раскрыл от удивления. Дядя Абу поет! Да что с ним такое?

— Родина не забывает тех своих детей, — торжественно заговорил дядя, — которые честно, не щадя крови, выполняют перед ней свой солдатский долг!

Я молчал, ожидая продолжения и не понимая, зачем дядя вспомнил об этом.

— Почитай, что там написано, — сказал дядя и, вздохнув полной грудью, кивнул мне на стол, где лежала бумажка с синим штампом на уголке.

Я взял письмо и начал читать: «Уважаемый товарищ... Указом Президиума Верховного Совета СССР...»

— Читай вслух, — тихо попросил дядя, поворачиваясь ко мне спиной и глядя куда-то в стену.

— «Уважаемый товарищ... Указом Президиума Верховного Совета СССР... за мужество и бесстрашие в боях с фашистскими захватчиками... в связи с пятидесятилетием Советских Вооруженных Сил... вы награждаетесь орденом Отечественной войны II степени...»

— Все? — дрогнувшим голосом спросил дядя.

— Нет, — ответил я. — Тут еще говорится: «О дне вручения высокой Правительственной награды сообщим Вам особо. Поздравляем! Военком... подполковник Волков»...

Я положил письмо на стол и взглянул на дядю. Мне вдруг показалось, что голова у него странно дернулась, — так бывает, когда плачешь.

— Дядя Абу! Вы плачете? — не выдержал я.

Он выпрямился. Он по-прежнему стоял ко мне спиной. Но теперь во всей его фигуре — худощавой, стройной, по-

хожей на туго натянутую струну,— не было и тени слабости.

— Дядя...

Но дядя Абу перебил меня.

— Кто сказал, что я плачу? — спросил он неровным голосом. Но вот голос окреп, налился силой. — Разве мужчины плачут? Ты видел когда-нибудь у ингушей, чтобы мужчина плакал?

— Не видел, — признался я.

Дядя наконец повернулся ко мне. Я впился в него глазами, стараясь понять чувства, овладевшие им. Все ясно: он плакал! Он скрывал это от меня, но он все-таки плакал! Вон в левом глазу еще замерла слезинка!

Да, я не видел, чтобы мужчина плакал. Ингуши не плачут от горя. Но кто сказал, что не позволяется плакать от радости?..

2 : 2 В НАШУ ПОЛЬЗУ

Вы сейчас прочли заголовок и удивились: как это может быть, чтобы счет был не просто два—два, а два—два в чью-то пользу?

Удивляться нечего. Значит, может, если я так говорю. Вот послушайте мой рассказ...

Все началось еще тогда, когда, размахивая пустой сумкой и напевая песню, услышанную от дяди Абу, я шел домой.

Около сельмага на меня налетел капитан футбольной команды Магомет. Он был весь потный и лоснился, словно смазанный вазелином.

— Где ты пропадаешь? — накинулся он на меня. — Я тебя целый час ищу!

— А что случилось?

— «Что случилось»... — иронически протянул Магомет. — Сегодня суббота, забыл?

— Не забыл. А что?

— Через час карабулакцы приезжают! — заорал Магомет. — А он по аулу шатается и песенки распевает!

Теперь уже я накинулся на Магомета:

— Значит, Хасан уехал?

— Уехал.

— И ты меня на левый край ставишь?

— Ага.

Я помолчал, раздумывая, задавать ли следующий вопрос. И все-таки решился.

— А Сулейман будет играть?

— Будет.

— Хорошо, — сказал я. Мне действительно хотелось, чтобы Сулейман играл. Конечно, не вместо меня, а рядом, как говорится, на пару со мной. — А Сулейман вместо кого?

— Вместо Бийбердѣ. Он заболел, его мать в постель уложила и Ивана Ивановича вызвала.

— Понятно, — сказал я.

— Ты вот что, — заговорил Магомет, — беги домой, бери бутсы — и сразу на поле...

— Ладно!

Я побежал домой. По дороге я думал: «Легко сказать: возьми бутсы, а где их взять? Ясно, бабушка не даст на игру желтые ботинки. Что же тогда делать?»

Увидев бабушку, я первым делом сообщил ей, что дядю Абу наградили орденом.

— Настоящим? — не верила она.

— А каким же еще?

И только я это произнес, как бабушка засуетилась, забежала, — по всему было видно, что на уме у нее новый той.

— Радость-то какая! — восклицала она. — Твоему дяде дали орден! Настоящий орден! Милостив аллах, отметил он хорошего человека!

Я тут же вставил:

— Это не аллах отметил, а наше правительство!

— Много ты понимаешь! — повысила голос бабушка. —

Смотрите, люди, он меня учить вздумал! Ну, что ты еще скажешь, дуралей?

Я стиснул зубами свой язык и приказал ему молчать. Что спорить по пустякам? Я пришел домой не для того, чтобы спорить с бабушкой. Раздражать ее сейчас нельзя. Наоборот, надо делать все, чтобы у нее было хорошее настроение.

— Дядя Абу очень хвалил твои яблоки, — заговорил я. — Он съел три штуки и сразу здоровее себя почувствовал...

— Вот, вот, — обрадовалась бабушка, — я ж сказала: они лечебные, все недуги изгоняют.

— Завтра дядя встанет, — продолжал я, — и обязательно нас навестит...

— Слава аллаху! Когда он совсем оправится, я сделаю такой той, какого в Сунжа-Юрте не было со дня его основания!

Сказав это, бабушка горделиво посмотрела на меня: ну что, мол, здорово?

Сейчас был решительный момент. Я понимал, что именно в эти минуты в наших отношениях с бабушкой должен наступить перелом. Добьюсь я его — получу желтые ботинки, не добьюсь — не получу.

Что бы такое сказать ей — хорошее, дорогое для души?

Я шарил в своей голове, пока не наткнулся на любимые бабушкины слова. Оказывается, я их запомнил.

— Что людям дашь, то сторицей обернется! — медленно и торжественно произнес я.

— О-о, хорошо сказано! — удивилась бабушка. — Золотые слова! Если б ты чаще такие говорил, твой язык надо было бы каждый день медом мазать...

И бабушка посмотрела на меня так, будто правило побольше давать людям придумала не она, а я. Мне показалось, что сейчас самое время заговорить о желтых ботинках.

— Бабушка, а бабушка? — начал я.

— Что тебе, сыночек?

— Разреши надеть желтые ботинки, которые мне мама на Первое мая подарила?

— Желтые ботинки? — переспросила бабушка. — А что

случилось? Или сегодня большой праздник, что надо обязательно щеголять в новых ботинках?

— Понимаешь, какое дело,— заговорил я, с каждой секундой все сильнее чувствуя бесплодность моих попыток получить желаемое,— у нас сегодня матч с карабулакцами. Все ребята в бутсах. Не могу же я играть босиком!

— А что это за бутсы-мутсы? — спросила бабушка.

— Ботинки с шипами...

— Так зачем им играть в этих...— бабушка запнулась,— ботинках с шипами, если ты босиком будешь? Пусть разуются...

С большим трудом я объяснил бабушке, почему футболисты не могут разуться. Она внимательно выслушала меня, но желтые ботинки не дала.

— Зачем тебе обязательно новые ботинки? — говорила бабушка.— Надень черные, старые...

— Старые мне жмут...

Бабушка задумалась. Потом вдруг, просияв, заговорила:

— Будут у тебя бутсы-мутсы... Ну, скажи только, кто придумал это странное название? Недолго и язык сломать...

«Твой не сломается!» — подумал я. Меня обижало, что бабушка отказалась дать мне желтые ботинки. А я бы в них так сыграл!

— Дядя Абу как-то оставил у нас свои ботинки,— сказала бабушка,— они тебе впору будут.

Впору! Да у него ноги, как у нарта-великана! Я знаю, что он носит сапоги сорок пятого размера. Кажется, у меня тридцать седьмой. Значит, в дядиных ботинках я буду просто-напросто плавать!

Между тем бабушка разыскала ботинки дяди Абу и поставила их передо мной. Я глядел на них и изумлялся. Разве это ботинки? Разве их можно назвать таким словом? Это корабли! Моя нога в сравнении с ними была утлой лодочкой...

— Подожди, не надевай,— сказала бабушка.— Сейчас я найду тебе шерстяные носки...

Я натянул шерстяные носки, но это почти ничего не дало:

в дядиных ботинках было еще много свободного места. Тогда бабушка принесла мне еще одну пару носков, а я на всякий случай сунул в каждый ботинок по газете.

— Вот тебе и бутсы-мутсы! — удовлетворенно сказала бабушка, когда я наконец зашнуровал ботинки и выпрямился.

Какие ноги у меня стали — смотреть страшно! Я, например, не мог глядеть на них без содрогания. Получалось так, что не ботинки были моей принадлежностью, а я был принадлежностью ботинок!

— Смотри быстро не бегай, — начала говорить бабушка. — Не порви ботинки... Я ж твой футбол-тотбол знаю: от него самые крепкие ботинки горят.

— Такие не сгорят, — мрачно заметил я.

— А все равно береги их, — сказала бабушка. — Дядя Абу будет недоволен, если с ними что-то случится... Вот что, — лицо у бабушки осветилось новой мыслью, — я пойду с тобой на этот футбол!..

— Зачем? — испуганно спросил я.

— Для твоей же пользы, дуралей! — воскликнула бабушка. — Я прослежу, чтобы ты бережно обращался с ботинками...

— Бабушка! — взмолился я.

— Будет так, как я сказала! — прикрикнула она. — А если ты против, то снимай ботинки и оставайся дома.

Меня уже не радовала предстоящая игра. Я понимал, что стану посмешищем в глазах ребят. Гапур явился на матч в ботинках-броненосцах да еще бабушку с собой прихватил, — как же тут не смеяться?!

Вокруг поля собралось уже много народа. Я шел, опустив голову, сгорая от стыда за свои великаны ботинки, но все-таки успел заметить в толпе председателя колхоза Магомета Идрисовича, учителя Гамида Башировича, объездчика Инала, который явился сюда вместе со своей женой, отца Сулеймана и тетю Напсат.

Тетя Напсат тоже меня заметила.

— Гапур, желаю тебе удачи! — крикнула она.

— Спасибо, — буркнул я в ответ.

Бабушка с места в карьер завела с тетей Напсат беседу. Воспользовавшись этим, я быстрым шагом двинулся к капитану нашей команды Магомету, — он уже давно махал мне рукой.

— Куда ты, Гапур? — вмиг насторожилась бабушка.

— На поле. Играть надо.

— Подожди, я с тобой, — сказала бабушка.

Я усталился на нее. Только этого еще не хватало, чтобы она меня на поле опекала!

Хорошо, что тетя Напсат была рядом и помогла мне убедить бабушку, что на поле ей делать нечего.

— Пусть будет по-твоему, — согласилась наконец бабушка. — Только не думай, что тебе позволено обращаться с ботинками дяди Абу как угодно... Я тебе этого не позволю!

Когда я подошел к Магомету, он уже выстраивал команду. Сулейман, заметив меня, приветливо поднял руку.

— Салам!

— Салам! — ответил я.

— Опаздываешь, Гапур? — накинулся на меня Магомет. — Быстрее становись в строй...

Вдруг он глянул на мои ботинки и разинул рот от удивления.

— Э-э-й, откуда ты выкопал такие страшилища? — спросил он.

Ребята, как по команде, опустили головы и принялись разглядывать ботинки дяди Абу.

— Это дядины, — начал оправдываться я. — А мои в шкафу заперты. — Язык у меня делал все, чтобы вывернуться. — А ключ от шкафа бабушка потеряла...

— Прямо «МАЗы»! — засмеялся вратарь Али. — На них грузы можно возить!

— Совсем и не «МАЗы», — тихо сказал я.

— Слоны! — выкрикнул Гилани, который играл в защите.

— Совсем и не слоны, — еще тише, чем в первый раз, ответил я.

— Да хватит вам, ребята, чего пристали? — слышался голос Сулеймана. — Ботинки как ботинки... Не в ботинках дело, а в ногах — правильно, Гапур?

Я кивнул. Меня обрадовало, что Сулейман пришел мне на помощь. В конце концов, хоть мы и ссоримся иногда, а он мне хороший друг.

Нам дали десять минут на разминку. А когда она кончилась, судья, учитель физкультуры, залиvisto засвистел, призывая команды к центру поля...

Я слышал репортажи из Москвы и каждый раз удивлялся, как люди, говорившие по радио, не только успевали следить за ходом игры и за игроками, но и, развлекая слушателей, сообщали им, что такая-то команда сыграла с другой двадцать лет назад так-то и так-то, а такой-то нападающий в этом матче забил рекордное количество мячей — четыре, причем один в акробатическом прыжке, через голову...

Я на это не способен. Теперь, когда матч с карабулакцами позади, я могу вспомнить только самое главное. Как в первом тайме Магомет паснул мне и я, оказавшись перед воротами противника, послал мяч прямо в перекладину. Расстроенный Магомет сказал мне на ходу: «Кривоножка». В конце первого тайма, когда я боролся за мяч сразу с двумя карабулаками и был неподалеку от бабушки, стоявшей с тетей Напсат, я услышал вдруг громкий бабушкин голос: «Гапур! Беги от этих шайтанов! Они разобьют твои ботинки!»

Первый тайм кончился при счете один — один. Гол карабулакам забил наш капитан Магомет: он вообще здорово в футбол играет, и я не удивлюсь, если его когда-нибудь возьмут в самую сильную команду Чечено-Ингушетии — «Терек».

Во время перерыва я к бабушке не подходил: начнет еще осматривать ботинки на глазах у всей публики!

Второй тайм начался атаками карабулакцев. Они нас к самым воротам прижали. И вот, когда кто-то из них подавал угловой, наш вратарь Али запутался в своих же игроках, упал, и центральный нападающий карабулакцев, здоровенный рыжий детина, толкнул нам вторую шутку.

Люди, стоявшие вокруг поля, вдруг все разом вздохнули — это же были наши болельщики, и они переживали, что Али пропустил второй мяч.

Нам пришлось начинать с центра. Магомет паснул мне, я переместился ближе к краю и, случайно подняв глаза, увидел бабушку. Она грозила мне рукой и что-то кричала. Времени у меня не было, но я все-таки остановился на секунду. И тут бабушка побежала мне навстречу.

— Нельзя на поле! — заорал я. — Бабушка, сюда нельзя! Иди обратно!

— Я сейчас тебе покажу, можно или нельзя! — донесся до меня рассерженный бабушкин голос — Гапур, ты хочешь покрыть мою голову позором? Быстрее беги к воротам этих шайтанов из Карабулака и затолкни туда мяч!..

Я устремился вперед и уже не слышал, что дальше кричала бабушка.

Минут через десять Сулейман хорошо прошел по правому краю, навесил мяч на ворота, и Магомет забил ответный гол карабулакцам.

Что творилось с нашими болельщиками! Их громкие крики взлетели над футбольным полем и радостной бурей понеслись к домам Сунжа-Юрта.

— Давай, ребята!

— Вперед, джигиты Сунжа-Юрта!

— Молодцы!

Вот тут и случилось самое интересное. До конца второго тайма остались считанные минуты, когда Магомет прорвался к воротам карабулакцев. Ему преградили путь два защитника. Магомет хотел обвести их, но один из защитников кинулся ему под ноги и отбил мяч. Я стоял чуточку в стороне, на самом углу штрафной площадки. Мяч, отбитый защитником, описал странную кривую и покатился ко мне. Я подхватил его, прошел метра три и, когда почувствовал, что передо мной ворота — честное слово, почувствовал, а не увидел! — размахнулся и ударил изо всех сил.

— Го-ол! — пронеслось над полем, — Молодец, Гапур!

Я забил гол!

Из горла у меня вырвалось такое «Ура!», какое было бы в пору целой роте солдат.

Вратарь карабулакцев безнадежно махнул рукой и повернулся, собираясь пойти за мячом, который застрял в сетке.

В этот миг и раздался свисток, возвещающий конец встречи.

Ко мне подбежал Сулейман, радостный, потный. Обняв меня, он крикнул в самое ухо, будто глухому:

— Здорово ты третью штуку засадил! Верно я сказал: не в ботинках дело, а в ногах!

Он посмотрел на мои ноги и вдруг спросил:

— Гапур, где твой ботинок?

Ботинка на правой ноге не было. Куда он мог надеваться? Я ничего не понимал. Два шерстяных носка — край первого вылезал из-под другого, более короткого, — были, а ботинка не было...

Я все еще остоленело стоял около ворот карабулакцев, когда судья матча взял мегафон и сказал металлическим голосом на все поле:

— Товарищеская встреча по футболу между командой школы Сунжа-Юрта и коллективом школьников Карабулака закончилась... Выиграли...

Наши болельщики снова закричали «Ура!» и на мгновение заглушили голос судьи. Но он свои слова повторил:

— Встречу выиграли футболисты из Сунжа-Юрта со счетом три — два!

«Где мой ботинок? — тревожно раздумывал я. — Если я его не найду, бабушка меня со света сживет».

— Твой ботинок? — спросил кто-то над ухом.

Я поднял голову. Около меня стоял вратарь карабулакцев и держал в руках огромный ботинок.

— Мой! — обрадовался я. — Откуда ты его взял?

— Он в ворота вместо мяча влетел...

— Не может быть! — тихо сказал я. — Не мо...

Продолжать я не мог — у меня язык прилип к гортани...

Ну, вы, конечно, понимаете, что было потом. Я надел свой ботинок. Судья разыскал мяч, оказавшийся в какой-то ложбинке, — он через зрителей перелетел и туда закатился. Затем он взял мегафон и объявил, что произошла досадная ошибка: третий гол нашим ребятам не засчитывается, так как левый крайний Гапур забил в ворота противника не мяч, а ботинок.

Мне было обидно до слез. Я не мог поднять голову. Мне казалось, что сейчас все люди смотрят на меня с насмешкой и презрением.

Но смеха я не слышал, сколько ни прислушивался. Подняв голову, я заметил в глазах людей только радость и только доброту ко мне.

Сулейман похлопал меня по плечу и сказал:

— Я на тебя не злюсь... А клятву выполню, не беспокойся!

— Я и не беспокоюсь, — ответил я.

Бабушка вся так и сияла.

— Молодец! Молодец! — хвалила она меня и оборачивалась к соседям, словно приглашая их присоединиться к этой похвале.

И тут же объездчик Инал подмигнул мне: порядок, мол, Гапур, хорошо сыграл!

Потом ко мне подошел председатель колхоза Магомет Идрисович. Он не погнушался пожать мою руку. Он пожал ее так крепко, что у меня косточки хрустнули. Но не думайте, я боли не выдал.

— Поздравляю с победой! — сказал Магомет Идрисович.

— Так мы же не выиграли, — отговаривался я. — Счет-то два — два...

— Два — два в нашу пользу! — засмеялся председатель колхоза. — Хотя и не мяч, а ботинок в ворота карабулакцев ты пропихнул!

И тут мне стало легко. Вся моя обида улетучилась. Я засмеялся и посмотрел на мир такими глазами, будто впервые увидел его, — красиво сделан этот мир!

ШЕСТОЙ ДЕНЬ КАНИКУЛ

День сегодня был необыкновенный. В него столько новостей втиснулось, что разложи их на пять обычных дней, и то бы хватило.

Вот считайте. Во-первых, я был у Сулеймана, и мы с ним совсем помирились и дали друг другу слово, что больше никогда не поссоримся. Во-вторых, завтра мы отправляемся на экскурсию по горной Ингушетии: едем на автобусе, и главным у нас будет Гамид Баширович. В-третьих, дяде Абу прислали письмо из военкомата, что на следующей неделе председатель райисполкома и подполковник Волков вручат ему в торжественной обстановке высокую правительственную награду — Орден Отечественной войны II степени. В-четвертых, бывший мельник Касум стал преступником и его наказали — правда, не аллах и его пророк Магомет, а товарищеский суд...

О первых трех новостях заводить длинные разговоры нечего — достаточно и того, что я вам сказал. А вот история про Касума довольно занятная...

Еще не рассвело, когда к нам в калитку кто-то постучал. Да так сильно, что я проснулся. Бабушка накинула на себя платье и вышла к воротам. Я высунулся в окно и разглядел у калитки высокую фигуру бригадира Джабара. Бригадир держал под уздцы осла.

— Простите, что беспокою вас, тетушка Хагоз, — начал Джабар глуховатым от ночной сырости голосом. — Это ваш ослик?

— Был мой, — ответила бабушка.

— Как это — был? — В голосе бригадира зазвенела сталь. — Я вас очень уважаю, тетушка Хагоз, но должен все-таки заметить: не к лицу вам юлить...

— Это что же за слово такое — «юлить»? — растерялась бабушка.

— Юлить — значит обманывать, — уточнил Джабар.

— Выходит, я обманщица?! — вскричала бабушка.

— Выходит, так,— спокойно сказал бригадир.— Ослик ваш — тут и говорить нечего. И вот на этом ослике сегодня ночью пытались вывезти с колхозного тока подсолнечные семечки. Как говорится, факт воровства налицо... Мне одно только не ясно: сами вы этим делом занимаетесь или кому-то другому поручаете? Вора мы спугнули, а ослик, только его распрягли, к вашему дому направился...

— Гяур ты! — прервала Джабара бабушка.— Шайтан, проклятый богом! Не даст тебе аллах счастья, коли ты такие слова говоришь! Да как ты смеешь называть меня обманщицей? Я тебя спрашиваю: как смеешь? Язык у тебя без костей!..

Бабушка частила, как пулемет. Запас слов у нее был — что семечек на колхозном току. И она говорила бы целый день, если б ее не прервал осел. Он вдруг поднял морду, уставился на бледнеющие звезды и затрубил на всю улицу: «И-аа! Иоо-аа!!»

Как только он замолчал, Джабар, словно бабушка и не ругала его, невозмутимо повторил свой вопрос:

— Так чей же это ослик, если не ваш?

— Касумов! — вскричала бабушка.— Теперь он принадлежит вору и мошеннику Касуму! — Бабушка ткнула пальцем в грудь бригадиру.— Клянусь аллахом, ты недалеко ушел от этого презренного Касума! Я прожила на свете почти семь раз по десять лет, но никто и никогда не посмел назвать меня обманщицей! Ты ответишь за это перед богом и перед людьми! Знай, ответишь!..

— Ладно, говорите что хотите,— сказал Джабар.— Я пошел в правление, там во всем быстро разберутся...

Он повернулся, как на пружинах, и зашагал к правлению. Видно, разозлился. За ним поплелся ослик.

Бабушка долго не раздумывала — переоделась и отправилась вслед за Джабаром. До самого обеда ее не было. Я даже беспокоиться начал. Наконец во дворе послышались ее быстрые шаги.

Я не дал ей отдышаться, засыпал вопросами.

— Ну, разобрались в правлении?

— Разобрались.— Бабушка кивнула. Лицо у нее было горячее, возбужденное.— Я не зря говорила: божий гнев обрушится на землю, по которой ходит этот презренный Касум!

Я понял эти слова по-своему.

— Он умер? — испуганно спросил я.

— Кто тебе сказал, что он умер? Жив-здоров...

— Ты ж говоришь, божий гнев обрушился...

Бабушка насмешливо смерила меня глазами — от ног до самой макушки. Она глядела на меня так, будто я был муравьем.

— Все ты понимаешь, а прикидываешься глупым,— сказала она.— Божий гнев — не камень с неба и не яма на ровном месте. Божий гнев — гнев народа! Понял, дуралей?.. Сегодня вечером в клубе Касум перед людьми ответ держать будет...

После обеда я побежал к Сулейману. Мы помирились, и я хотел рассказать другу о проделке Касума. Только Сулейману ничего не надо было рассказывать, потому что он о всей этой истории побольше моего знал,— я же вам говорил, тетя Напсат работает уборщицей в правлении колхоза, к ней все новости стекаются.

Мы решили побраться в клуб. Раньше нам всегда помогал папа Сулеймана. А теперь вдруг отказался. Взглянул на нас хмуро и объяснил, что, по его мнению, мальчишкам на суде делать нечего.

Около клуба стояли молодые ребята с красными повязками на рукаве — дружинники. Они рыскали в толпе строгими и зоркими глазами. Если какой-нибудь мальчишка вроде нас пытался проскользнуть в зал, дружинники быстро извлекали его из потока и, легонько шлепнув по затылку, направляли домой.

Нет, мимо них не проскочишь!

И все-таки мы с Сулейманом ухитрились кое-что увидеть и кое-что услышать,

Окна в клубе так высоки, что до них даже взрослому не дотянуться. Мы решили сделать так: сначала Сулейман встанет мне на плечи и заглянет в окно, потом я стану ему на плечи и тоже загляну.

А что, здорово придумано!

С большим трудом Сулейман вскарабкался мне на плечи. Тяжелый он: худой-худой, а веса много. Меня даже чуточку шатало от его веса.

— Ну, что там? — спросил я у Сулеймана, когда он устоялся в окно.

— Вон мама моя сидит! — обрадованно заговорил он. — И папа рядом с ней...

— Да я не про них спрашиваю! — задыхаясь от тяжести, сказал я. — Ты что, дома на маму и папу не нагляделся? Касума привели?

Сулейман вытянул шею.

— Не видно его...

— А судья кто?

— Дядя Темирсолта, механик...

— Ну что еще? — хрипя, спрашивал я.

— Ничего, — ответил Сулейман.

— Как это — ничего? — загорячился я. — Ведь суд идет!

— Чего там — идет, — пренебрежительно сказал Сулейман. — Рты разевают да руками машут, вот и все...

У меня уж плечи стонали от Сулеймановых ног. Я не выдержал.

— Слезай, — сказал я. — Теперь я погляжу.

Я взгромоздился на плечи Сулеймана и заглянул в окно. И тут мне сразу бросилась в глаза мамина косынка: на ней башни Кремля нарисованы, а еще ракеты.

— Вон мама моя сидит! — поспешил сообщить я Сулейману.

Честно говоря, ничего интересного я больше не увидел. Бабушка, механик Темирсолта и Касум сидели где-то в стороне, куда мой взгляд не доставал.

Неожиданно народ заволновался. Я заметил, как мама в возбуждении привстала. В проходе мелькнула широкая фигура аульского милиционера — старшины Макиева. К нам донесся смутный гул голосов.

— Что там такое? — спросил Сулейман.

— Не знаю... Подожди, погляжу. — Я оперся на подоконник, хотел подтянуться, но вдруг сорвался и, вскрикнув, грохнулся на Сулеймана.

— Ой! — пискнул Сулейман, прижатый к земле.

— Чего ойкаешь, я ведь не нарочно, — сказал я, вскочив на ноги.

Мы из-за этого случайного падения чуть снова не поругались. Но, к счастью, все обошлось...

Суд над Касумом кончился поздно вечером. Бабушка и мама долго не могли успокоиться — все говорили и говорили. Я узнал, что Касума оштрафовали на пятьдесят рублей да к тому же отняли у него ослика. Могло быть и хуже. За воровство полагается тюрьма, объясняла бабушка, но судья Темирсолта пожалел семью Касума — как-никак у него пятеро детей...

Вообще бабушка уделила Касуму всего-навсего десять слов, а тысячу оставила для себя. Она повторила все, что говорила на суде.

Если верить бабушке, в клубе только и делали, что извинялись перед ней. Извинялся председатель товарищеского суда Темирсолта, который назвал бабушку «самым уважаемым и честным человеком в Сунжа-Юрте», и поэтому ему, мол, неловко ее беспокоить. Извинялся Касум. Извинялся бригадир Джабар.

Бабушка была довольна судом. Она сказала мне:

— Я буду молить аллаха, чтобы ты стал таким, как Темирсолта! Большого ума человек и к старшим уважение имеет...

«А зато -- лысый!» — подумал я.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ КАНИКУЛ, ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

Мы едем в Джерах! Целых три дня мы будем путешествовать по горной Ингушетии!

Я много раз катался на автобусе. И, не скрою, мне это нравится. Я люблю тяжелое и сильное дыхание мотора. Я люблю высунуть голову в окно и, прищулив глаза, встречать лицом порывы прохладного и тугого ветра. За окном проносятся телеграфные столбы, машины, стога сена, поля, угрюмые скалы, реки, люди, и чем больше я гляжу на все это, тем острее чувствую ток радости в теле...

А сегодня радость так и бурлит во мне. Я прямо не знаю, что с ней делать. Мне хочется поделиться ею с Сулейманом, который сидит рядом и с удовольствием уплетает куриную ножку; с Зарой, которая, как и в классе, устроилась впереди меня; с Гамидом Башировичем, который, облокотившись на раму, задумчиво смотрит вдаль. Даже Исрапилу я готов подарить кусочек радости — пусть пользуется, я не жадный.

Я улыбаюсь, вспоминая, как опростоволосилась Жовхар перед моим отъездом в Джерах.

Бабушка сначала не высказывала своего отношения к этой поездке. Но потом вдруг заявила, что никуда меня не пустит.

— Достаточно я за свою жизнь слез пролила, — говорила она. — Мужа потеряла, сына потеряла... И хотя внук у меня дуралей из дуралеев, я не желаю, чтобы он разбился о скалы...

Я доказывал бабушке, что ничего страшного не случится, не может случиться, — ведь с нами едет Гамид Баширович. Я говорил, что Гамид Баширович замечательный спортсмен, альпинист, что по горам он лазит, как кошка. Я вспомнил, кстати, как учитель однажды поднял одной правой две гири по два пуда, — неужели же такой силач допустит, чтобы с его учениками случилась беда? Не допустит!

Но бабушка не хотела принять во внимание альпинистские способности Гамида Башировича. И то, что он поднимает одной правой четыре пуда, тоже не вызвало у нее восхищения.

— Я уважаю Гамида Башировича, — заговорила бабушка. — Он хороший учитель. Но он не аллах, чтобы все предвидеть. Только люди, близкие к богу, способны проникнуть в замыслы аллаха. И эти люди сказали мне, что поездка в горы для моего внука опасна...

Ах, вот как! Я сразу понял, в чем дело. Это все козни Жовхар! Ну ничего, ей это даром не пройдет!

Не успел я так подумать, как в дверь постучали.

— Хъавола, — сказала бабушка. — Входите...

Ясно, это была Жовхар. Она вечно появляется, когда не надо.

Поздоровавшись, Жовхар присела и тут же завела медовым голоском:

— Я гадала на фасоли. Три раза бросала на белый платок фасолины, и все три раза белая фасолина скатывалась вниз. — Жовхар глубоко вздохнула. — Видно, не судьба Гапуру ехать в горы. Отобьется он от товарищей, пропадет...

Бабушка внимательно, пристально смотрела в рот Жовхар.

— Не судьба, — повторила она вслед за знахаркой. — Отобьется мой внучек от остальных... пропадет! — Последнее слово она сказала так жалостливо, будто я уже отбился и пропал. Бабушка повернулась ко мне: — Видишь? Как же я могу отпустить тебя с Гамидом Башировичем?

Я задумался.

— А на скольких фасолинах вы гадали, тетя Жовхар? — спросил я. Сейчас у меня был вид заправского знахаря. Я и сам удивлялся, как спокоен и ровен мой голос: я себя ничуть не выдавал.

— На скольких? — повторила Жовхар. — Конечно, на семи!

— Вот! — подскочил я от радости. — Вы гадаете на семи фасолинах, а на экскурсию едет двадцать три человека! Как

же на семи фасолинах можно узнать, что случится с двадцатью тремя учениками?

Жовхар растерянно молчала.

— Потом вы сказали, что белая фасолинка три раза скатывалась вниз. Верно?

— Верно, — включилась в разговор бабушка.

— А я ведь не белый! — ликуя, вскричал я. — Мне черная фасолинка полагается!..

Вы хотите знать, что было дальше? Жовхар вдруг вспомнила, что пропустила вечерний намаз, и колобком выкатилась во двор.

А бабушка неожиданно усмехнулась и спросила меня:

— Интересно, в кого ты такой, Гапур?

— В тебя, бабушка, — выпалил я.

Мне казалось, что она сразу же рассердится и тогда моя победа над Жовхар не принесет никакой пользы: в горы меня не пустят. Однако я ошибся. Бабушке ответ понравился. Она даже улыбнулась.

— Хорошо, — заговорила она. — Положусь на аллаха и отпущу тебя в горы с Гамидом Башировичем. А ты дашь мне слово, что будешь осторожным?

— Дам!

— И в Ассе не станешь купаться? Я эту реку бешеную знаю, в ней вода, как лед...

— Честное слово, бабушка, я и близко к Ассе не подойду! — обещал я. — Я ведь и в Сунже могу искупаться — зачем мне Асса?

— Сравнил Ассу с Сунжей! — засмеялась бабушка. — Да Асса, как волчица, которая весной ищет себе пару, — сердитая, злая, перекура не терпит!..

И бабушка тут же рассказала мне одну давнюю историю.

Никто не помнит, когда это было, — тогда, когда прапрадедушка моей одноклассницы Зары — «Дахчан ворда» — изобрел первую колесную арбу, или еще раньше, когда в нашем роду появился первый «Це модж». В общем, это и неважно. А важно то, что один бедный горец пустил пастись коня на

берег Ассы. Утром пришел, видит: конь на ту сторону перебрался. Как его поймать? Другого выхода нет — надо реку вброд перейти. Ступил в студеную воду Ассы и аж зубами закрипел — холодно! Еле перешел на другой берег. Перешел — и не в силах дальше шагу ступить: ломит кости так, что хоть криком кричи. Пришлось присесть. Долго он сидел, а потом обратился к Ассе с такими словами: «Я-то твой холод перетерпел, а каково тебе самой его терпеть?»

Занятная история! Я вообще люблю, когда бабушка рассказывает. Помните, как интересно она говорила о сунжак-юртовском танке?

Все же отпустила меня бабушка на экскурсию...

До Джераха мы добрались быстро. Я еще вспоминал Жовхар и рассказ бабушки о горце, перешедшем Ассу вброд, когда кто-то из ребят сказал:

— Ну вот, Орджоникидзе проехали...

Проехали? Я сунул голову в окошко. Города уже не было — он остался позади; его сейчас затеняла туманная дымка. Мелькнул последний дом у обочины дороги, и открылось широкое поле. Оно уходило к самому горизонту. Казалось, что, загибаясь листом синеватой стали, поле становится горной цепью.

Жалко, что я не увидел Орджоникидзе! Ведь я еще никогда не был в этом городе. На обратном пути надо хоть поглядеть...

Но через полчаса я уже не жалел, что пропустил Орджоникидзе. Вы спросите: почему? Потому, что мы въехали в Джераховское ущелье!

Как бы вам описать это ущелье? Эх, если б Гамид Баширович взял на экскурсию мою бабушку, она бы так о нем рассказала, что вы бы заслушались! Мне далеко до бабушки...

Джераховское ущелье широкое-широкое. И формой длинную чашу напоминает. Я моря не видел, но почему-то сравнил ущелье с морем. Только море синее, а чаша ущелья зеленая. Куда ни кинешь взгляд, везде зелень кучерявится — кусты тута и шиповника, кроны дубков и буковых деревьев.

И на этом зеленом фоне белыми фасолинами — дома аула Джерах...

— Ну-ка, ребята, поглядите направо,— скомандовал Гамид Баширович.— Глядите внимательно...

— Вижу! Вижу! — заорал на весь автобус Исрапил.

— Что ты видишь? — спросил учитель.

— Вон на том дубе белка! — радовался Исрапил.— Я первый увидел, правда, Гамид Баширович?

— Я не о белке говорю,— мягко прервал его учитель.— Я говорю о вов...

И только он произнес это слово — я увидел сторожевые башни наших предков. Они вставали над обрывистыми скалами, служа продолжением их, и были так же суровы и крепки, как скалы...

Я думаю, если приглядеться к тому, что тебя окружает, все заговорит. Дерево может говорить. Облака и пенистые струи воды. Даже иголка в руках у мамы имеет свой голос и хранит какую-то историю.

Башни на скалах Джераховского ущелья молчали. Но их могучие фигуры, каменные лица, тусклые и мрачные, даже поросль случайных кустов в трещинах этих лиц, казалось, только и ждали, чтобы поведать мне свои страшные и гордые истории.

— Вы знаете, сколько лет этим башням? — спросил Гамид Баширович.— Шестьсот! А может быть, и больше... Трудное, кровавое время было, когда наши предки начали возводить их на неприступных скалах... Поднимали на высоту, к облакам, камень за камнем... Делали раствор из извести, смешанной с молоком и яичными желтками, — такой раствор мог поспорить с цементом.— Гамид Баширович остановился, помолчал, на его высоком лбу собрались задумчивые морщинки.— Я вспомнил сейчас имя одного интересного, хорошего человека: его звали Иван Пулькин. Он сочинял стихи и жил в Москве. Было это еще до Великой Отечественной войны... Так вот, этот русский человек ездил к нам в Джерах и любил ущелье и сторожевые башни.— Гамид Баширович не ожи-

данно махнул рукой, словно зачеркивал сказанное. — Полюбил... Какое слабое слово! Им не выразишь того чувства, которое испытал Иван Пулюкин, увидев нашу природу, наших людей и наши воя! Поэты — счастливые люди, когда они пишут о строителях сторожевых башен: они сами как бы становятся этими строителями... Вы меня понимаете, ребята?

— Понимаем! — сказал я.

— Понимаем! — поддержали меня Зара и Сулейман.

И даже Исапиа откликнулся:

— Конечно, понимаем!

— Иван Пулюкин написал «Сказание о построении воя», — продолжал Гамид Баширович. — Он написал его так, словно видел наших предков и чувствовал то, что чувствовали они. Вот слушайте...

Гамид Баширович устремил взгляд на башни и заговорил певучим и сильным голосом:

Трижды землю поили молоком. Трижды срывали грунт.
И только когда земля отказалась пить, положили первые камни;
Восемь огромных каменных глыб, образующих углы воя,
И был каждый камень ценою равен быку, а весом восьми быкам.
Их привезли с вершины горы, взявши из-под голубого льда.
Каждый камень везли двенадцать быков, ломая копыта от
напряжения,
Каждый камень тесали двенадцать дней четыре каменотеса.
И стальные теса крошились у них, будто сделанные из липы...
Двадцать тесел каждый каменотес сломал о ребра камней,
И камни стали ровны, как стекло, и приняли нужный вид...
Был приведен баран, чья шерсть горных снегов белей,
И рога, сделав дважды полный круг, были, как копыа, остры.
Тогда самый старый из стариков, рода старейший отец,
Взяв острый, как слово мудрого, нож, перерезал баранье горло,
И кровь закипела из-под ножа, словно горный поток бурля,
И каждый камень был обогрен горячей, как солнце, кровью...

Гамид Баширович кончил.

Многое я не понял в этом стихотворении. Но то, что понял, вызвало в моем воображении суровую картину старины. Я видел быков, напрягшихся под весом огромных камней.

Я видел каменотесов: они ровняли камни теслами, и их голые спины были залиты потом. Я видел старика, который закалывал барана, освящая горячей кровью животного фундамент башни... В стихах говорилось, что у старика была седая борода, но я наградил его красной. Кто знает, быть может, мой далекий предок, первый «Це модж», и клал камни сторожевых башен!..

Я так живо это себе представил, что у меня сердце заколотилось и я был вынужден прижать ладони к груди. Но нащупал я не тело, а свою «Амбарную книгу», — конечно, я захватил ее с собой!

Когда сердце утихомирилось, я спросил у Гамида Башировича:

— Зачем же делали такие башни? Разве нельзя было жить в домах, как мы сейчас живем?

Учитель улыбнулся.

— Конечно, не для того, чтобы на кого-то нападать... Делали башни для защиты от врагов... Башни имели три яруса: на первом размещались коровы, лошади и овцы, на втором — зерно, на третьем — люди. — Гамид Баширович встал, прошел по автобусному проходу и положил мне руку на плечо. — Ингуши были маленьким народом и брались за оружие только тогда, когда их к этому принуждали. Наши предки хотели мира: они сеяли зерно и пасли скот. Сторожевые башни защищали их от набегов... Да, от мирных землепашцев и скотоводов всегда больше остается на земле, чем от драчливых вояк!..

Автобус остановился. Гамид Баширович сказал, что первая часть экскурсии закончилась, что теперь нам придется проходить пешком.

Мы высыпали из автобуса. Вокруг нас громоздились горы. Одна была выше другой. Вершины некоторых скрывались за облаками. Одна гора меня особенно поразила — широкобокая, огромная, похожая на перевернутый котел.

Гамид Баширович заметил интерес в моих глазах и сказал:

— Это, ребята, Столовая гора... Сейчас мы подыдемся в аул Фуртоуг...

Подъем был не особенно крутой. Мы шли минут двадцать. Наконец впереди открылась широкая площадка: она соединялась с другой площадкой, на которой уже стояли дома аула.

Вдруг Гамид Баширович замедлил шаги, а потом и вовсе остановился. «Чего он стал? — подумал я. — Ведь нам еще на вторую площадку подниматься».

Я повернул голову. Прямо передо мной — шагах в десяти, не больше, — под навесом, увитым виноградом, стоял невысокий каменный чурт. На нем было написано: «ГАПУР АХРИЕВ». Ниже виднелись цифры: «1890—1920».

— Тут похоронен герой гражданской войны, председатель Ингушского ревкома, славный сын нашего народа Гапур Ахриев! — медленно и торжественно сказал Гамид Баширович.

«Тут похоронен... Гапур Ахриев...» — эхом отдалось у меня в груди.

Мне трудно рассказать, какие чувства я испытывал, стоя у могилы Гапура Ахриева. В первые минуты я просто растерялся. Вместе с растерянностью пришла боль. Мне было больно и обидно смотреть на каменный чурт. С такой же болью и обидой я глядел на папину фотографию. Тут, на окраине Фуртоуга, около могилы человека, имя которого я носил, мне хотелось сказать то же самое, что говорил я перед портретом отца: «Почему ты не живой?»

Конечно, есть у меня враги на белом свете. Самый маленький — Исрапил. А самый страшный и беспощадный враг — смерть!

Я не хотел бы умереть. Но если б мне пришлось столкнуться со смертью грудь с грудью, я дрался бы до конца и отомстил ей за то, что она лишила жизни моего папу и моего легендарного тезку — Гапура Ахриева!

Я привык считать Гапура Ахриева необыкновенным человеком, героем. Гамид Баширович как-то сказал мне, что Гапур уже в восемь лет взял в руки чабанскую ярлыгу; он не чурался никакой работы — был с лошадьми в ночном, встречал

коров и отводил их на баз, во время сенокоса носил воду косарям в тяжелых медных кувшинах... Дядя Абу говорил, что Гапур вырабатывал в себе целеустремленность и дисциплинированность и именно поэтому стал героем.

А что еще знал я о Гапуре Ахриеве? Мало я о нем знал. Так мало, что даже сейчас, мучаясь за него болью и обидой, не мог представить себе ни лица, ни фигуры, ни сердца героя. И от этого было еще обиднее...

Я должен был представить себе Гапура Ахриева. Должен! Хотя бы для того, чтобы посмотреть — похож я на него или нет.

Дайте мне в руки чабанскую ярлыгу — я ее возьму! Скажите, чтобы сходил с лошадьми в ночное, — схожу без всяких разговоров! Я все могу сделать: и коров встретить, и на баз их отвести, и притащить косарям холодную воду! Я пересилию себя и буду каждый день записывать в «Амбарную книгу» все свои поступки и, если дядя Абу прав, выработаю целеустремленность и дисциплинированность! Но разве после всего этого станешь таким, как Гапур Ахриев?

Нет, в том, что говорили мне Гамид Баширович и дядя Абу, чего-то не хватало. Чего же? Как сделать, чтобы взобраться на самую высокую ступеньку жизни и стать вровень с Гапуром Ахриевым?

Я этого не знал...

— Гапур Ахриев жив! — сказал Гамид Баширович. — Он жив в каждом из вас... В ваших улыбках. В ваших делах... Он живет во всем этом! — Учитель вытянул руки, словно хотел обнять все Джераховское ущелье, всю Ингушетию, всю нашу страну. — Герои не умирают!..

Я понял учителя. Но чурт на могиле Гапура Ахриева все равно колол мне глаза, и я отвернулся, чтобы не видеть его.

Мы расположились на краю аула, прямо на полянке. Вскоре запылал веселый костер, и на жердочке, укрепленной между двух палок с развилками, повис чайник. Ребята вытащили из сумок провизию, свалили ее в «общий котел» и принялись

за еду. Сулейман, конечно, уже глодал огромную куриную ножку, вторую за этот день.

Я есть не хотел. Я вытащил «Амбарную книгу» из-за пазухи — она все время съезжала в бок, колола мне ребра — и, облокотившись на нее, принялся смотреть на огонь.

Люблю я огонь — он всегда в движении, всегда борется!

— Что у тебя за книга? — спросил Гамид Баширович, подсаживаясь ко мне. — Интересная?

Я смущенно ответил:

— Это та книга, в которую я мысли разные записываю. Помните, я говорил?

— Помню, — сказал учитель. — А посмотреть ее можно?

— Конечно, можно... Если хотите знать, я ее из-за вас начал...

Гамид Баширович перевернул несколько страниц.

— Так... Двадцатое мая тысяча девятьсот шестьдесят шестого года... Посещение Сунжи... Ушиб большого пальца... — Он поднял на меня недоуменные глаза. — Что это такое, Гапур?

— Вы не там смотрите, — поспешил сказать я. — Со второй половины читайте...

Учитель читал мои записи, а я смотрел на него и старался угадать его мысли. Нравится ему или нет?

Потом я стал вспоминать все, что занес в «Амбарную книгу» с того дня, когда рисовал человечков в тетради. Я думал о нашей дружбе с Сулейманом. О тете Напсат. О своей бабушке. О маме. О дяде Абу. О каникулах, которые только начались, но принесли мне уже так много грустного и веселого. Я думал о будущем — о близком и далеком. Что еще случится со мной в эти три месяца? Что будет со мной, когда я вырасту?

Гамид Баширович перевернул последнюю страничку, закрыл «Амбарную книгу» и, вместо того чтобы посмотреть на меня, устремил взгляд на огонь. Он тоже думал, — я видел это по морщинкам на лбу, по бровям, которые нависли над глазами, помогая им разглядеть что-то очень важное и нужное.

Потом он тихо, словно для себя, сказал:

— Гапур, ты становишься мужчиной... ты начинаешь думать...

— А как вы считаете, Гамид Баширович,— спросил я,— удастся мне стать таким, как Гапур Ахриев? Только правду скажите!

— Если очень постараться — удастся! — ответил учитель.

Он сказал это так, что я не выдержал и засмеялся от счастья.

— Чего смеешься? — спросил меня Сулейман, начиная обглаживать куриное крылышко.

— Просто так...

Но вы-то знаете, что я смеялся не просто так!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Салам алейкум, это я!	3
Разговор с Гамидом Башировичем	8
«Принято единогласно!»	13
Закладованные чапилгаши	20
Замечательная мысль	30
Мой папа	34
Первый день каникул	38
Ведьма в кукурузе	46
Второй день каникул	58
Шестьдесят доплатных писем	66
Третий день каникул	72
Меня надо воспитывать!	79
Четвертый день каникул	89
Ссора с Сулейманом	95
Ослик, который стоил дешевле черемши	105
Пятый день каникул	107
2 : 2 в нашу пользу	118
Шестой день каникул	128
Седьмой день каникул, или Путешествие по гор- ной Ингушетии	133

Для среднего школьного возраста

Ведзижев Ахмет

ГАПУР— ТЕЗКА ГЕРОЯ.

Повесть

Ответственный редактор А. М. Соломонов Художественный редактор В. А. Горичева.
Технический редактор О. Н. Иванова. Корректоры Э. А. Лофенфельд и Г. В. Русакова.
Сдано в набор 17/VII 1968 г. Подписано к печати 18/X 1968 г. Формат 60X84^{1/16}.
Печ. л. 9,13. Усл. печ. л. 8,52 (Уч.-изд. л. 7,12 + 1 вкл. = 7,19) Тираж 50:000 экз.

ТП 1968 № 406. Цена 38 коп. на бум. № 1

Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграф-
прома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49.
Заказ № 2867

